

Священник из Арга

Егор Куджо

Егор Куджо
Священник из Ада

«Издательские решения»

Куджо Е.

Священник из Ада / Е. Куджо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908497-2

Планету окутала мгла. Земля превратилась в отравленную радиацией пустыню, а вымершие города заполнили демоны и мутанты. Никто не ожидал, что Бог действительно существует, пока в 2027 году он не явился на Землю, дабы провести Страшный суд. Люди оказались виновны, и наш мир и Ад слились воедино. Остатки человечества построили стены внутри купола, воздвигнутого архангелом Михаилом, и основали новый город — Константинополь. Но что, если кто-то проник внутрь еще до возведения стен?

ISBN 978-5-44-908497-2

© Куджо Е.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Стена	8
1-й круг	11
За три года до этого...	26
2-й круг	38
3-й круг	59
4-й круг	93
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Священник из Ада

Егор Куджо

Дизайнер обложки Мария Найденова

© Егор Куджо, 2018

© Мария Найденова, дизайн обложки, 2018

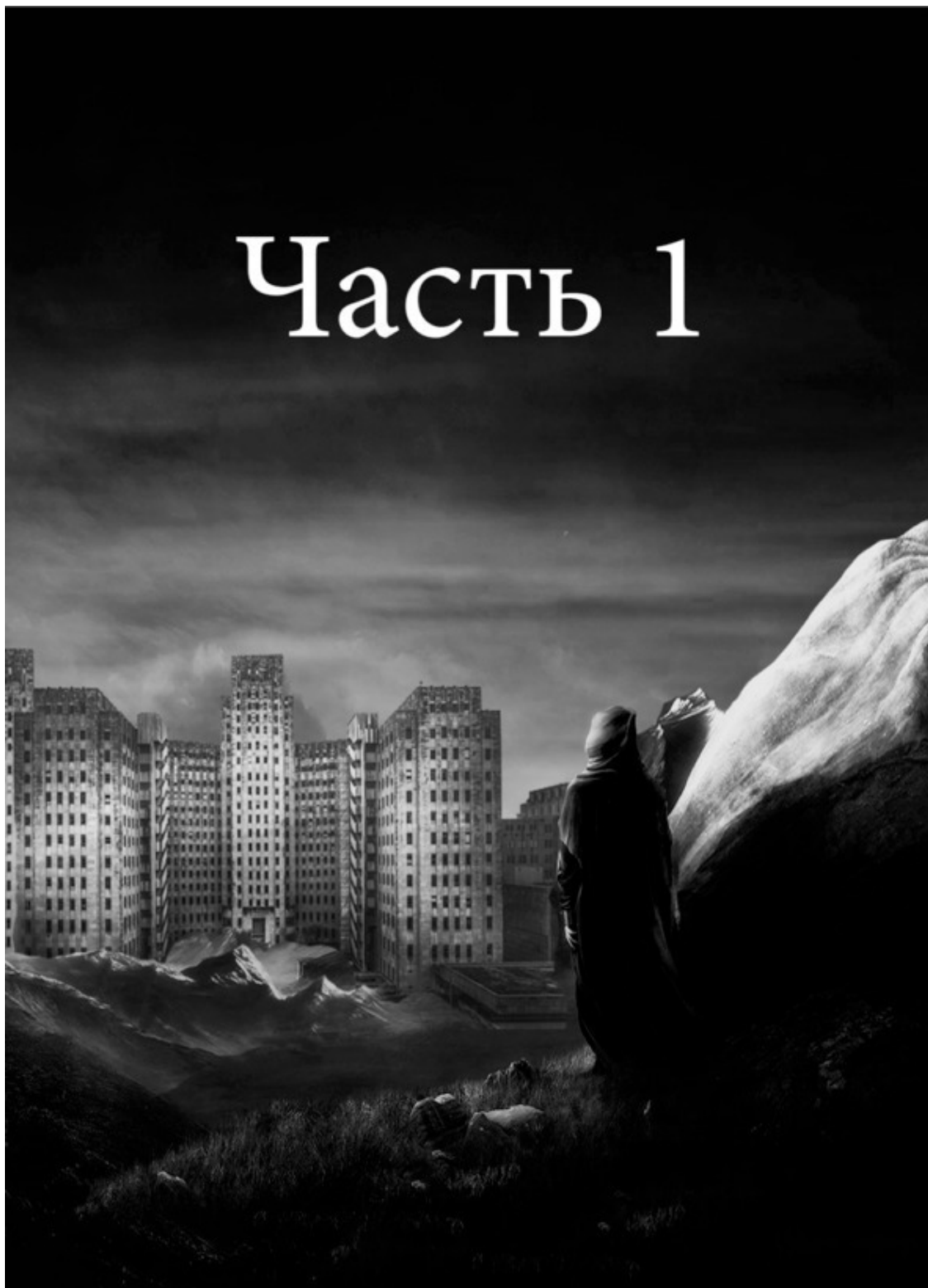
ISBN 978-5-4490-8497-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Данная книга не несет в себе цели оскорбить чувства верующих и не направлена на разжигание ненависти к различным духовенствам. Я уважаю все религии и вероисповедания, а также тех людей, в чьей жизни вера в бога занимает большое место. Заложённое в этой книге мнение автора сугубо субъективно и не претендует на достоверность.

Часть 1

Стена

– А еще были яблоки. Вот они то были сладкими, – Ксерв повертел грязную картошину и чиркнул по ней ножом, оставив белую борозду на кожуре. – Бабка говорила, что эти яблоки ели чаще картошки, представляешь? Сладкие овощи они называли фруктами. Их тоже можно было купить везде.

В тусклом свете боевой железной башни кроме Ксерва сидел еще один солдат, закутанный в рваный плащ с опущенным на лицо капюшоном. Кабина турели освещалась одной маленькой электрической лампочкой, возле которой кружились мухи. Пока Ксерв готовил есть, солдат иногда поглядывал в прорезь в башне и смотрел наружу, на выжженную пустыню за стеной.

– То есть были не просто овощи, а еще и сладкие овощи, – Ксерв бросил почищенную картошку в ведро с водой. – Представляешь? Сладкий овощ? То есть там вообще не было сахара, они просто были сладкими. Овощи!

Солдат сильнее натянул капюшон на лицо, словно свет лампы раздражал глаза. Ксерв его понимал, в первые дни службы в башне тебя нервирует все, хоть Абир и принял пост всего пару часов назад. Они давно не виделись, но мужчина понимал его молчаливость. Мало радости в том, чтобы оказаться запертым в этой камерке. Ксерв опустил руку в мешок за новой картошкой, но одернул её и почесал перепачканный мазутом нос. Запах железа и масла – единственный запах, который он ощущал с тех пор, как месяц назад заступил на свою смену. Бригадирам во время службы запрещалось покидать башню в течении двух месяцев. Для этого в башню было оборудовано отхожее место, небольшой шланг и слив в полу, дабы служащие могли содержать себя в чистоте. Еда подавалась в маленьких грузовых лифтах. В основном картофель и консервы, а также небольшие бидоны питьевой воды. Боеприпасы не поставляли, так как нападений на восточные ворота не случалось уже несколько десятков лет, и старые, уже облупившейся краской снаряды лежали пирамидкой в углу, покрытые пылью и паутиной.

– А теперь ничего не растет, кроме картошки, – Ксерв сплюнул в ведро и посмотрел на напарника. – Что-то интересное увидел?

– Нет, – не отводя взгляда от прорези, ответил Абир.

– Нечисть что ли? Или демоны?

– Нет.

– А тогда смысл туда смотреть? Если бы нечисть шла, сирены бы завывали. Ты не такой глазастый, как радары.

Однако за стеной что-то все-таки было. У самых ворот во мраке можно было разглядеть очертания сгоревших грузовиков и автомобилей. Дорогу, некогда покрытую асфальтом. Сейчас же она была изуродована огромными выбоинами. Под самой башней белел скелет умершей с голоду нежити.

Ксерв сполоснул грязную картошку в ведре и начал срезать с нее шкуру. Его огрубевшие и изрезанные от этого самого ножа руки ловко вертели корнеплод под неподвижным лезвием так, что кожура оставалась цельной, похожей на спираль.

Еще один всплеск в ведре.

– Представляешь, как им там живется? – Ксерв указал ножом на обрамленную болтами прорезь и довольно улыбнулся. – Как вообще можно жить в Аду? Ни цивилизации, ничего. Прут сюда, думают, что смогут жить, как раньше, а что в итоге встречаются?

– Зенитный огонь, – тихо ответил Абир.

– Верно! – картошка упала в ведро.

Солдат в плаще снова поправил капюшон.

– Думают, что после того, как стали тварями, смогут снова жить, как люди? Нет, к этому не возвращаются. Оттуда, – нож снова указал на прорезь, – возврата нет. Хочешь уйти? Вали! Хочешь вернуться? Попробуй!

Абир промолчал и оперся головой на кулак. Ксерв перестал чистить картошку и забылся, но острый нож из руки не выпускал. Он так махал руками в тесной кабине, словно не боялся порезать себя или повредить проводку электрического затвора, запирающего люк башни.

– Мне вот интересно, чего они там находят? То есть... Что там в Аду ловить? Жить в разрушенных городах? Служба дьяволу им что-то дает? Бред. Или нравится, что сильнее становятся? В рай от этого ведь не попадешь.

– В рай больше никто не попадет, – ответил Абир.

Ксерв тут же перестал улыбаться.

– Это да, но это лучше, чем после смерти вариться в котле. Здесь ты хотя бы вместе с другими, под куполом. А там?

– В Аду нет котлов. И под куполом разве лучше? Бродить среди таких же неприкаянных?

– Но не среди же нечисти!

– Нечисть живет за стеной, как в раю. Их не пытаются, они там свои. Если Бог не дает тебе рая, то к кому еще идти?

– Но не к дьяволу же!

– А какая разница?

Ксерв сморщился, словно ему сказали что-то обидное и отвратительное одновременно. Даже нож больше не летал по кабине и неподвижно застыл в руке.

– Ну так если Бог вернется, у нас рай будет получше Сатанинского.

Абир фыркнул и вновь поправил капюшон.

– Бог не вернется.

– Вернется, – Ксерв фальшиво улыбнулся. – У него для этого есть причины.

– Какие?

– Тело Михаила то тут осталось. Не бросит же он сына здесь?

– Если бы он хотел, то забрал бы его сразу. Михаил предал Бога, раз остался защищать нас. Бог не вернется за ним.

Ксерв метнул нож в мешок с картошкой, и тот с легкостью вонзился в ткань, пронзив несколько корнеплодов.

– Ты опять? Тебе отец Генри столько раз говорил, что тот, кто не верит в Возвращение, не попадет в рай. Чем больше таких неверующих, тем меньше надежды на то, что Бог вернется. Ты ведь другим жизнь портишь!

– От его проповедей сильнее мне не верится, увы.

– Ну так если не веришь, то и вали из города. Стань одним из уродцев, и встретимся на эшафоте, когда тебя свинцом напичкают. Я посмотрю, как тогда ты будешь говорить о своем неверии. Все на эшафоте кричат, что верят, и ты закричишь. Но я тебе до этого дойти не дам! Как смена кончится, ты пойдешь к отцу Генри. Если не захочешь, я тебя силой отведу!

– Дурак ты, Ксерв, – вздохнул Абир. – Нет смысла от молитв, когда нет того, кто бы их слушал. Нас теперь слышит только одно существо, – он указал пальцем в прорезь.

Лицо Ксерва побагровело. Опухшие от частых порезов ладони сжались в кулаки. Вдвоем в одной башне ему внезапно стало тесно.

– Да я тебе прямо здесь лицо разобью! – он встал во весь рост, едва не задев крышку люка макушкой. Абир только кротко посмотрел на своего напарника из-под капюшона, но этого хватило, чтобы Ксерв потерял всю прыть.

Мужчина неловко шагнул назад и ударился головой о приемник пушки. Лицо побледнело, словно он увидел призрака.

– Что с глазами? – спросил бригадир, ухватившись за оружие позади себя.

Абир внимательно взгляделся в прорезь, словно увидел что-то в темноте за стеной. Он встал и остановился ровно под люком. Ладонь легла на металл.

– Абир, ты... – сказал Ксерв, но тут же увидел, как массивный люк, который они обычно открывали вдвоем, откинулся от легкого толчка парня. Абир выпрыгнул наружу. Холодный воздух ворвался в башню и заиграл волосами бригадира.

– Запечатано же... – рассеяно прошептал Ксерв, глядя в черное небо над собой. Немного замешкавшись, он все же прыгнул на лестницу и начал карабкаться вверх.

Снаружи дул холодный ветер. Мужчина вылез наполовину из люка и прищурил слезящиеся глаза, стараясь увидеть во мраке Абира. Башня возвышалась высоко над стеной и наполовину прилегалась к ней с внешней стороны. Чтобы попасть в самый низ, нужно было сначала спуститься по лестнице на стену, а уже оттуда на землю.

Вдоль стены горели прожектора, и Ксерв быстро обнаружил Абира. Черный силуэт в плаще спускался по последней лестнице.

Бригадир окончательно выполз из люка и на коленках подобрался к краю башни. Кожа буквально приклеивалась к ледяному металлу, и мужчина чувствовал, как от холода начинают болеть пальцы.

Далеко внизу в свете прожекторов лежала разбитая дорога, ведущая к воротам с гидравлическими замками. Два кордона из бетонных блоков с пулеметами преграждали путь к стене. За последним уже стоял Абир, глядя на ворота и придерживая широкий капюшон. Солдаты, защищавшие подступ, валялись возле его ног.

– Абир! Стой! – крикнул Ксерв, сложив грязные руки у рта рупором. – Нельзя!

Парень внизу слегка обернулся, и ветер сорвал с его головы капюшон. Ксерв, увидев лицо напарника, замер и зажал рот рукой, чтобы не вскрикнуть.

«Не померещилось. Мамочка, не померещилось. Абир, как же ты так?» – мужчина моментально забыл, что все его тело ломило от холодного железа, на котором он лежал.

Абир стоял далеко внизу, у самых ворот, но даже с такого расстояния мужчина видел его красные глаза упыря.

– Отойти от врат! – загремел громкоговоритель.

Безжизненная стена тут же пришла в движение, и десятки солдат с винтовками в руках заполнили её поверхность. Надрывно зазвучали поворотные механизмы зениток. Длинные орудия башен наперекор ветру развернулись в сторону Абира, и столбы света от прожекторов вырвали из темноты трепыхающийся на ветру плащ. Загромыхали электродвигатели.

– Абир, как же ты... – шепотом сказал Ксерв, глядя на товарища.

Рука упыря исчезла в складках плаща и появилась с небольшим пультом, от которого под ткань тянулся провод. Красные глаза прищурились от бьющего в них света.

– Отойти от врат! – зарычал громкоговоритель.

Ксерв прижался к краю башни и, не моргая, следил за своим напарником. На секунду ему показалось, что он различил на его лице едва заметную ухмылку.

– Дурак ты, Ксерв, – бледный палец Абира опустился на кнопку.

Чудовищный взрыв содрогнул мир вокруг и пробил ворота.

1-й круг

Могильщик сидел за столом и слушал, как по жестяной крыше его жилища бил дождь. Холодный ветер гнул тонкие металлические стены, заставляя те надрывно скрипеть, а вода струями стекала по кривым окнам. Несмотря на примитивную конструкцию, сторожка могильщика казалась ему очень уютной. Керосиновая лампа приятно окрашивала оранжевым стены, которые мужчина облепил старыми газетами. В небольшой печке, сделанной из чугуновой цистерны, потрескивали поленья, а на ее крышке закипал погнутый чайник и маленькая ржавая кастрюля с картошкой.

Могильщик протянул руки к огню и размял замерзшие тонкие пальцы. В голове вертелись детали предстоящего дела.

Две недели назад у могильщика обнаружили рак. Опухоль размером с бычье сердце съела почти всю печень, и врачи предрекли ему скорую и болезненную смерть. Конечно, мужчина не хотел себе такого конца и по возвращении домой, первым же делом полез в петлю. Но ему помешали. Некая организация тех, кто раньше был людьми, нашла его и предложила вернуть жизнь в обмен на услугу. Могильщик согласился.

Теперь мужчина должен был похитить один труп с кладбища и передать его упырю – одному из руководителей организации. Если он это сделает, то долг будет исчерпан. Однако, если что-то пойдет не так, и он не сможет достать мертвеца, его убьют.

Теперь могильщик нервно потирал пальцы и обдумывал предстоящее дело: вспоминал дорогу до кладбища, имя человека, дату его смерти, даже глубину, на которой зарыт гроб. Мужчина пытался убедить себя, что после этого он продолжит свою обычную мирную жизнь, хотя внутри понимал, что его «новая жизнь» точно не будет мирной. Могильщик никогда бы не подумал, что исцеление достанется ему такой дорогой ценой, и подразумевал он сейчас не труп, который обязан достать, а жизнь, подаренную ему авансом.

«Так, на всякий случай», – сказала та странная девушка и поцеловала его, после того, как подарила новую жизнь. Как ни странно, поцеловала не в лоб, а в затылок. Она запомнилась ему больше, чем тот суровый упырь, наверное, хотя бы потому, что постоянно улыбалась и вела себя как дура.

Внезапно в дверь с силой постучали, и мужчина подскочил на месте, громко ударив коленями по столу. Ругань наполнила сторожку, но тут же стихла, как только могильщик вспомнил о предосторожности. Оледеневшими от холода пальцами он прикрыл рот, чтобы случайно не произнести ни звука. Взгляд слезящихся глаз упал на дверь.

Стук повторился еще раз, но уже более настойчиво.

Могильщик, бледный как мрамор, поднялся со стула и на цыпочках подошел к двери. Пальцы легли на щеколду и замерли, как и их хозяин, что прислонился ухом к двери, в надежде распознать неожиданного гостя.

«Почему так рано? Ведь через час. Или это кто-то другой? Господи, помогите мне», – последние слова показались мужчине глупостью, ибо все знали, что Бог покинул планету сто лет назад.

Могильщик медленно набрал воздуха в грудь, и дрожащая рука потянула щеколду в сторону.

Дверь с силой распахнулась, сбив мужчину с ног, и стукнулась о стену. Ледяной ветер с потоками дождя ворвался в сторожку и ударил в лицо распластавшемуся на полу могильщику.

Мужчина приподнялся на локтях. В затылке пульсировала боль, а перед глазами на фоне распахнутого дверного проема плясали звезды. Могильщик сильно сжал веки, стараясь остановить головокружение. Взгляд сфокусировался на вошедшем, и мужчина невольно вздрогнул.

В дверях стоял высокий и широкоплечий человек в черном рваном плаще. Его лицо скрывалось в тени просторного капюшона. Ручьи дождевой воды текли по нему от самой головы и, капая с низа плаща, падали на огромные грязные ботинки.

Могильщик уже собрался в страхе пятиться назад, но вдруг застыл на месте, увидев слабый блеск под мантией гостя. На груди незнакомца висел стальной крест.

«Только не это», – мужчина нервно улыбнулся и от нахлынувшей истерики ему захотелось рассмеяться. Он сразу узнал в человеке священника. Еще в детстве отец говорил ему, что если к тебе приходит священник, значит, дом свой ты больше не увидишь. Эти слова тут же всплыли в сознании мужчины, и он даже пожалел, что пришел не упырь из организации, а он. Но больше всего заботил другой вопрос: убьют ли его?

«Может, он не станет убивать меня? Ему ведь нужно знать, кто все это затеял? Нет, он не станет, не станет!»

Мужчина в плаще спешно прошел внутрь, прикрыл за собой дверь и запер ее на щеколду. Тяжелый от воды капюшон упал на плечи священника, и взору могильщика открылось лицо юноши, чьи серые глаза скрывались за нелепым пенсне и с удивлением смотрели на истеричную улыбку мужчины. Его короткие черные волосы от дождя липли ко лбу, на котором чернела татуировка какой-то буквы.

Не успел могильщик осознать, что перед ним стоит не взрослый муж, а юноша, как тот мгновенно наклонился и протянул ему руку.

– Вы не ушиблись? – прозвучал молодой и звонкий голос. – Боже, ну и ветер!

Могильщик некоторое время смотрел на протянутую руку юноши, после чего с опаской подал свою. Парень мгновенно поставил худого мужчину на ноги, и тот почувствовал, что юноша был невероятно силен.

«Значит, с голыми руками к тебе лучше не соваться», – радовало, что священник оказался зеленым юнцом.

– Ужасный дождь, – парень снял плащ, и без него оказался куда меньше, чем изначально показалось могильщику. Это не могло не радовать. – Темно, холодно, да еще и дождь. Если бы вы спали, я бы вряд ли нашел вас в такую темень. Промок насквозь. Есть куда повесить?

Могильщик хотел было сам спросить по какой причине священник оказался здесь, но все же промолчал и указал пальцем на гвоздь в стене.

Как и ожидал мужчина, под плащом он увидел черную форму священнослужителя: длинный, напоминавший плащ пиджак с серебряными пуговицами, белые перчатки, и лакированные, хоть и покрытые грязью, ботинки. Широкий пояс из коричневой кожи удерживал брюки и, как показалось могильщику, две огромные кобуры, из которых торчали деревянные ручки револьверов. На груди блестел стальной протестантский крест, а внутри рукавов, на воротнике и вдоль пуговиц виднелась красная подкладка.

«У священников же подклад белый?»

Юноша обернулся к задумавшемуся могильщику и улыбнулся.

– Я могу присесть?

– Да, конечно, сейчас – мужчина быстро вытащил второй стул из-под стола и указал на него. – Садитесь.

– Благодарю, – святой отец сел и огляделся. Серые глаза тут же нашли варящуюся на печке картошку и чайник, и в животе у гостя заурчало.

Могильщик, что следил за каждым движением таинственного гостя, уловил его взгляд.

– Вы, наверное, есть хотите?

– Ой, нет, что вы, – юноша замахал руками, призывая хозяина не беспокоиться. – Дождь размыл дороги, и моя машина застряла в грязи. Я целый день вытаскивал ее, а там еще дождь и ветер ледяной, я жутко замерз, думал уже так и помру здесь от голода, если бы один из фермеров не вытащил меня. Бог меня спас! Вы представляете?

– Да, конечно, – губы мужчины скривились в неестественной улыбке и, словно боясь, что священник это заметит, он спросил: – Так вы хотите?

Юноша неловко покосился на варящуюся картошку и все же кивнул. Могильщик поспешил с прихваткой к печке и поднял кастрюлю. Клубы пара проследовали за мужчиной к столу и там поднялись к потолку. Священник прикрыл глаза и, склонившись над картошкой, с довольным лицом вдохнул пар.

– М-м-м, вкуснятина. Нас, конечно, кормят мясом, но от запаха картошки у меня так и текут слюни. Вы не представляете, как я голоден. У вас, случайно, нет чая?

«Чай? Точно, где-то здесь был чай», – могильщик тут же метнулся к небольшой полке, прибитой к задней стене створочки, и загремел консервными банками, в попытке найти ту единственную с чаем. Когда он только пришел сюда, то первым делом осмотрел каждый уголок, в том числе и все банки на полке, в одной из которых и нашел траву, очень похожую на чай.

«А что если он выстрелит мне в спину?» – вдруг пронеслось в голове, и могильщик замер на месте. Сейчас он был готов отдать все за глаза на затылке.

– Все хорошо? – спросил голос за спиной.

Мужчина сглотнул.

– Да, – руки наконец-то нашли нужную банку.

Оттуда же он достал небольшую кружку и поставил её на стол. Могильщик дрожащими руками отвинтил жестяную крышку, и створочка наполнилась запахом чая.

– Гвоздика? – священник склонился над банкой и вытянул оттуда маленькую веточку.

– Да, – ответил могильщик, тем временем снимая с печки чайник. – Угощайтесь.

«Неужели мне его все это время кормить и надеяться, что он уйдет? – мужчина поставил чайник на стол, – Он не просто так здесь. Ему что-то надо».

Святой отец бросил несколько щепоток травы на дно кружки, снял мокрые перчатки и положил их рядом. Большие ладони сжали ручку раскаленного чайника.

– Горячий! – вскрикнул могильщик и уже было протянул юноше прихватку, как вдруг заметил, что священник совсем не чувствовал горячего металла в руках.

Заметив испуг мужчины, юноша улыбнулся и опустил чайник на стол.

– Не беспокойтесь, я обжег себе руки еще в детстве, ничего не чувствую, – парень зачесал мокрые волосы назад и поправил пенсне. Теперь могильщик видел, что на лбу у священника была вытатуирована большая буква «М». – Господи, как вкусно пахнет.

Священник поднес кружку к губам и закрыл глаза. Могильщик все еще пораженно смотрел на него, не понимая, как тот спокойно пьет кипяток. В груди продолжала расти тревога.

«Может, убить его, пока он не видит?»

Святой отец также безразлично к температуре опустил руку в кастрюлю и достал оттуда мягкую картофелину, от которой густо шел пар. Юноша моментально, даже не жуя, проглотил ее, после чего взял еще одну, а за ней и все остальные. Потом в ход пошли кусок сыра и целая луковица, которые могильщик вынул из кармана своего платья. Святой отец ел с таким аппетитом и удовольствием, что на его щеках проступил румянец.

«Что же тебе надо?» – раздраженно думал могильщик, наблюдая за увлекшимся едой юношей. Он казался обычным парнем, который просто промок под дождем и нуждался в крове и еде. Однако будь это так, думал мужчина, он остался бы у фермера, который и вытащил его из грязи. А он здесь. Значило ли это, что он пришел сюда по работе? И чем он отличался от других священников?

Могильщик сразу обратил внимание на наряд гостя. Ему никогда не приходилось видеть священников живьем, однако знал, что их пиджаки подшиваются белой тканью.

Он взглянул на подкладку рукавов юноши, пока тот опустошал стакан. Красный шелк.

– Боже, простите меня, – вдруг заговорил юноша с набитым ртом. – Просто очень вкусно, – священник отпил еще чаю и стукнул кружкой по столу, – Невероятно вкусно, особенно учитывая, что я столько не ел.

– Простите меня, но... можно вопрос? – спросил могильщик, не отводя взгляда от рукавов.

– Конечно, – отозвался жующий священник. – Спрашивайте, что хотите.

– Простите любопытство, просто интересно, но если не ошибаюсь, у священников подкладка костюма белая, а у вас красная. Почему?

Священник улыбнулся и, проглотив очередную картофелину, ответил:

– Я палач.

Могильщик почувствовал как внутри него что-то оборвалось. Ком застрял в горле, и пальцы намертво впились в край стола.

Юноша посмотрел на мужчину и, видимо, уловив его волнение, спешно взметнул руками.

– Да что вы, боже мой, я здесь не по работе! Точнее по работе, но не по своей специальности, – юноша улыбнулся и развел ладони в стороны. – Если бы я пришел за вами, я бы не стал просить вас об угощении. Это было бы очень некультурно с моей стороны. Будь вы моим клиентом, я бы незамедлительно надел на вас кандалы или пристрелил на месте.

Могильщик постарался улыбнуться, но у него вышло фальшиво и натянуто. Глаза сами собой посмотрели на две огромные кобуры на поясе святого отца.

– И вы... этим? – мужчина указал на ремень с оружием.

– О, нет, – юноша приподнял края пиджака. Рука вытащила револьвер из кобуры и положила на стол. Тяжелая сталь с грохотом ударилась о дерево, да так громко, что могильщик вздрогнул. Испуганный взгляд мужчины невольно лег на огромный револьвер с широкой ручкой из орехового дерева.

– Casull, – священник улыбнулся и откинулся на спинку стула. – Этот для самообороны. Для казни мы по старинке используем гильотину. Лезвие смазывается ядом, чтобы подсудимый не мог регенерировать. Видите ли, многие из них умеют отращивать голову заново. Иногда, конечно, я использую свой «увалень». Он громоздкий, но достаточно мощный, чтобы лишить головы, а этот, – священник положил руку на револьвер, – специально для заданий. Он не сильнее моего «увальня», но хватает, чтобы отбиться от мутантов. Сорок пятый калибр, магнум. Оставляет в теле дырку с кулак.

Могильщик снова сглотнул, глядя на сверкающее оружие святого отца, а потом посмотрел в его не менее блестящие серые глаза, скрытые за маленьким пенсне. На секунду, ему показалось, что взгляд юноши кричал ему: «Я знаю, кто ты».

Мужчина вновь взглянул на револьвер, понимая, что он себя уже накручивает. Однако по спине все равно пробежал холод.

«Такой штукой этот парень мог бы отстрелить мне рак», – с иронией подумал могильщик. Он посмотрел на юношу, и новый вопрос вдруг появился сам собой:

– Вы очень молоды для своего сана. То есть... Простите, я не хотел сказать, что вы не должны были получать это звание, просто вы так молоды, а уже священник... Простите, если я вас оскорбил, – могильщик смущенно отвел взгляд в сторону, а внутри обвинил себя за то, что даже вопрос не смог правильно сформулировать. Хоть священник и мальчишка, он все же палач церкви, и его не стоило злить.

Юноша слегка улыбнулся и снова пригладил мокрые волосы.

– Воспитанник церкви, – святой отец налил еще кипятка в стакан. – С самого детства учиться легче, а у меня, видит Бог, есть дар к... – юноша сделал паузу, словно подбирая более подходящие слова, – к моей работе. Сейчас священников очень мало, особенно тех, кто настоящему был бы предан делу, поэтому берут даже настолько юных, как я.

– А буква? Ну, что у вас на лбу? Она что-то значит?

Парень коснулся ее кончиками пальцев.

– Это первая буква имени моего деда. Я совершил кое-что плохое, и он наказал меня этой татуировкой, – парень погладил букву «М» на коже, и могильщик увидел, как полные жизни глаза священника вдруг погасли и со старческим безразличием уставились в одну точку. – Я сбежал от него и долго бродяжничал. Прошел через ад. А потом оказался в церкви. Собственно, здесь я как раз по поручению Ее Святейшества.

– Железной Девы, – шепотом проговорил могильщик.

«Ну все, началось», – мужчина опустил ладони и накрепко вцепился в стул под собой.

– Именно, – юноша кивнул и полез в карман пиджака. – Меня зовут отец Каин. Мой сан в церкви вам уже известен, – священник протянул через стол маленькое красное удостоверение. – Я здесь из-за готовящегося теракта.

– Теракт? На кладбище? – мужчина почувствовал, как холодок пробежался по всему телу. Парень подобрался опасно близко.

– Да. На кладбище, – святой отец откинулся на спинку стула, и могильщику показалось, что он ждал его реакции.

Мужчина замялся, не зная, что сказать. Священника нужно было уводить с этой мысли, иначе всем его планом можно будет подтереться, а о том, что «они» сделают с ним в случае неудачи, не стоило даже и думать.

– Но тут же как бы нечего, – залепетал мужчина. – То есть тут никого нет и ничего нет. Только я.

– Только вы? – палач спрятал удостоверение в пиджак. – А как же мертвецы? Они ведь есть.

– Но им же уже все равно. Им ничего не сделать. Зачем кому-то терроризировать кладбище?

– Я здесь как раз по этому вопросу, – юноша вытащил из внутреннего кармана небольшую папку в кожаном переплете на толстых шнурках. Желтая бумага местами выходила за края и цеплялась о завязки. – Мне поручили разузнать о цели террористов и по возможности устранить их, – юноша раскрыл папку. Пенсне блеснуло в свете керосинового фонаря. – Я задам вам вопросы, а вы ответите мне на них как можно точнее и все, что помните. Если все пойдет хорошо, я вас не задержу.

Могильщик кивнул, наблюдая за тем, как палец палача скользит по записям. Разобрать он ничего не мог, все было написано ужасно мелким шрифтом.

«Нужно быть аккуратнее с языком, не то...» – могильщик крепче впился в стул.

Отец Каин остановил палец на небольшой колонке, напоминающей анкету, и придвинул пенсне к самым глазам.

– Вас зовут Анкель Берхард, звание могильщика получили двадцать три года назад в третьем отделе протестантской церкви в бюро утилизации.

– Да, – тихо ответил могильщик.

– Та-а-ак, дальше, – палец перескочил на другую колонку. – Женаты не были, детей у вас нет, места работы не меняли. Правонарушений за вами не числится, ни разу не проштрафались. Все довольно хорошо.

– Спасибо.

– А вы хороший прихожанин? – юноша на секунду оторвал глаза от чтения и посмотрел на могильщика.

– Простите?

Священник опустил взгляд на папку, словно разочаровавшись в ответе.

– Церковь посещаете? Не пропускаете приходов?

– Нет, то есть да. То есть посещаю, не пропускаю, – капля пота скатилась по лицу мужчины. – А что-то не так?

– Нет, все так, – спокойно ответил отец Каин, продолжая читать резюме. – У вас не наблюдалось необычных клиентов?

– Необычных? – удивился мужчина.

– Да, необычных. Ну, скажем, людей с отклонениями, с уродством или другими дефектами.

Могильщик затряс головой.

– Нет, не припомню.

– Хорошо, – священник снова оторвался от папки и его серые глаза посмотрели на мужчину. – А как поживает отец Генри? Я слышал, что он уже выздоровел от хвори.

Могильщик неловко почесал затылок, стараясь не смотреть юноше в глаза.

«Проверка?»

– Да, ему уже лучше.

– Вот как, – отец Каин медленно опустил взгляд и постучал пальцами по бумаге. – Это хорошо-хорошо. Рад за него.

«Я угадал?» – могильщик посмотрел в лицо парню, пытаясь понять правильность ответа.

– А вы его знали?

Священник отложил папку в сторону, снял пенсне и потер веки.

– Не особо хорошо. Конечно, хотелось бы узнать такого человека получше, но боюсь, что это совершенно невозможно.

Отец Каин вернул пенсне на переносицу, зашнуровал папку и встал со стула.

– Это все? – удивленно спросил могильщик, ожидая более долгого и страшного допроса. Пальцы, что цеплялись за стул, расслабились.

Священник взял со стола огромный револьвер и вернул его в кобуру.

– Все, – улыбнулся он. – Я узнал все, что хотел. Вы мне очень помогли, господин Берхард.

Рука в белой перчатке легла на банку с чаем.

– Я возьму у вас немного? Уж больно мне понравилась гвоздика.

– Угощайтесь, – мужчина слегка улыбнулся, хотя внутри он ликовал и смеялся от счастья. Сейчас он был готов отдать все в этой сторожке, лишь бы этот юнец убрался подальше.

Юноша взял горсть травы из банки и надел свой рваный плащ, в котором снова показался могильщику взрослым мужчиной. Откланявшись, он открыл дверь и вышел в темноту, где все еще накрапывал дождь. Возле порога образовалась огромная лужа. Священник остановился возле неё и взглянул на тучи, что почти изжили себя.

– Холодно, – сказал он и махнул через плечо мужчине. – Да прибудет с вами вера и надежда на возвращение Бога нашего. Всего хорошего!

Могильщик помахал на прощание, и, как только силуэт в плаще растворился в ночи, скрылся за хлипкой дверью. Лязгнула щеколда.

Он еще некоторое время постоял на пороге, закрыв глаза и переводя дыхание. После глубокого вздоха, его колени наконец-то позволили себе задрожать. Кровь ударила в голову, и вся сторожка завертелась перед глазами. Его жизнь была на волоске.

Несмотря на это, отдыхать времени не было. Над ним все еще висела угроза. Могильщик кинулся к полке со спецями и запустил руки меж банок. За склянкой с солью лежал небольшой сверток, в который он заранее завернул электрический фонарик. Мужчина положил фонарик в карман и устремился к столу. Сдвинув его, он опустился на колени и протянул пальцы к одной из половиц. Желтые ногти моментально отрасли и проникли между щелей в полу. Легкая деревяшка с шорохом соскользнула вверх. Могильщик запустил руку под пол и вытащил оттуда обрезанное двуствольное ружье. Ствол переломился и показал владельцу, что два патрона были на месте. Оттуда же из-под пола мужчина вытащил небольшую лопату и вернул деревяшку на место. Поставив обратно стол, он снял с колышка потрепанный плащ и выбежал во мрак двора.

Мир встретил могильщика холодом и пустотой. Перед взором раскинулась бесконечная ночь, окутавшая планету сотню лет назад, и бесконечная пустыня, в которой вместо горячего желтого песка, гонимого ветрами, есть только оледеневшая земля, покрытая кратерами и скелетами животных.

Холод мгновенно проник под плащ мужчины, отчего тому сразу захотелось вернуться в сухую и теплую сторожку. Ощущение было такое, словно с него посреди зимней ночи сорвали одеяло и заставили в чем мать родила бежать за ним на улицу. Земля под ногами превратилась в жижу.

Свет фонарика прорезал темноту. Вокруг, кроме потрескавшейся земли, песка и редких камней ничего не было. Ни сохшегося деревца, ни чахлого куста. Одна грязь и камни. Единственное, что он видел – свет своего фонарика. Все остальное поглотила ночь. Луна и звезды перестали существовать еще сто лет назад.

Кладбище находилось неподалеку. Найти его было трудно, так как рядом не стояло ни вывески, ни забора, только несколько прутьев арматуры торчали из земли. Кресты и оградки на могилы не ставили, любой металл был нужен для оружие, а для мертвых стараться смысла не видели. Им это уже не надо. Людей закапывали, а сверху клали бетонную плиту с именем и датой жизни.

Могильщик тонул в грязи, ругался и проклинал эту бесконечную темноту. Он постоянно оглядывался, стараясь понять не прошел ли он мимо и не заблудился ли. Несмотря на все попытки, он так и не смог запомнить куда именно нужно идти. Проклятый дождь размыл единственную тропинку, которую он помнил.

Когда же в свете фонарика показалась бетонная плита, могильщик наконец-то улыбнулся.

Пройдя меж нескольких искусственных холмиков, мужчина нашел нужный. Скинув капюшон, он вонзил лопату в землю и начал копать.

Грязь, в которую превратилась земля, проваливалась обратно в яму. Мутная дождевая вода заполняла дно и мешала работать. Чтобы видеть, куда вонзать лопату, могильщику приходилось держать фонарик в зубах, отчего свет дрожал и уходил в сторону. Через минуту таких стараний прибор упал в грязь. Мужчина выругался, но тут же пригнулся, опасаясь быть замеченным; вытащил фонарь из грязи, но тот уже не работал, только изредка вспыхивала лампочка внутри. Могильщик наотмашь выкинул его из ямы и принялся копать усерднее.

Времени оставалось мало, а впереди еще два метра земли. До того, как произойдет взрыв, нужно было уже выкопать гроб и приволочь его в сторожку. Ему очень не хотелось, чтобы когда все это случится, кто-то из спешащих к стене солдат заметил его, несущего на себе этот ящик. Если он не успеет, то тот упырь в сером плаще наверняка его убьет.

Невольно могильщик сравнил, от кого ему было бы страшнее принять смерть: от этого упыря или же от молодого палача церкви. Было бы здорово, если бы они пересеклись и убили друг друга.

Он выкинул еще одну горсть грязи, но внутрь взамен завалилось две. Осознав, что такими темпами он просто не успеет закончить дела, мужчина крепче сжал лопату, и через пару секунд из ямы уже начали вылетать по три кучи земли за одно мгновение. Вода с невероятной скоростью исчезала со дна. Грязь непрерывным потоком шла из могилы, словно работал бур, а не пожилой мужчина.

«Но все же, кто из них сильнее? Наверняка...»

Внезапно что-то громко грохнуло и просвистело совсем рядом с головой. Черенок в руке разлетелся в щепки, а железная часть ударила мужчину по голове и плюхнулась в воду. Могильщик уже подумал, что это прогремел взрыв на стене, но все же узнал в этом звуке выстрел.

Он мигом пригнулся с куском отстреленной палки в руке и затаился. Наверху было тихо, только гул выстрела эхом разносился над кладбищем.

– Вылезай, я тебя вижу, – сказал знакомый мужчине голос.

Могильщик медленно выпрямился, повернул голову и увидел над собой знакомый изорванный плащ, маленькое пенсне и огромный блестящий револьвер, направленный ему прямо в лицо. Отец Каин стоял у края могилы, держа могильщика на мушке.

Сердце мужчины екнуло, словно тронутое холодом. Дыхание сбилось и потерялось в груди, как только ствол револьвера, словно пустая глазница, замер напротив его глаза.

Где-то внутри, где он еще мог думать, могильщик винил себя за неосторожность. Какого еще он мог ожидать исхода, размахивая фонариком во все стороны? Хотя сейчас на это не было времени, нужно было как-то спастись.

– Это не я... То есть, что такое, святой отец? – могильщик вдруг понял, что сказал глупость.

Он вылез из ямы, в то время как святой отец отошел от него на расстояние пятнадцати шагов. Голову его покрывал широкий капюшон, но могильщик видел его серые, уже без юношеского задора и веселья глаза. На секунду ему показалось, что перед ним не юноша, а взрослый мужчина, возможно, куда старше его самого.

– Хочешь сказать, ты от природы так быстро лопатой машешь? – юноша слегка улыбнулся. – Или у тебя там еще помощники?

– Бред, – могильщик поднял руки вверх. – То есть я хочу сказать... Посмотрите вокруг. Здесь же темно, как вы могли разглядеть с какой скоростью я работаю? Вам могло это показаться, – мужчина чуть опустил руки, но тут же вернул их обратно, подстрекаемый дулом револьвера.

«Черт, язык мне враг. Если я буду нести чушь, он меня точно пристрелит. Соберись, идиот. Слышишь? Сейчас все зависит от тебя».

– Могло, – согласился священник. – Но у меня есть более весомое основание наводить на тебя револьвер. Помнишь святого отца Генри?

– Д-да, помню, – мужчина крепко зажмурил глаза, припоминая детали этого разговора. – Он недавно оправился от хвори.

Священник улыбнулся.

– А вот и нет, не поправился.

Слова, словно кувалда, обрушились на мужчину. Могильщик почувствовал, как смерть медленно сжимает горло. Беспомощно, словно рыба на берегу, он раскрыл рот, но ничего не сказал.

– Да, не поправился, – мушка оружия блеснула в темноте. – Вы его видели вообще?

– Да, конечно, святой отец, – пробормотал мужчина, стараясь исправить ситуацию.

– Ясно, – юноша вздохнул. – Значит, все-таки ты не могильщик.

Мужчина завертел головой, а его седые брови жалобно поднялись вверх. Он не мог понять, что происходит, и о чем говорит парень. Дрожавшие глаза посмотрели на юношу.

– Я не понимаю, – чуть ли не плача протянул он.

На кладбище поднялся ледяной ветер. Рванный плащ, словно развевающийся парус, затрепыхался на священнике.

– Святого отца Генри не существует. Я его выдумал, а ты, Берхард, мне соврал. Хотя я сомневаюсь, что это твое имя. Скорее всего, так звали настоящего могильщика, которого ты убил и у которого ты взял и одежду, и дом. А его самого ты закопал где-нибудь здесь.

Могильщик почувствовал, как задрожали его колени.

– Я... я не помнил. Просто волнение и... Волнуюсь, забыл, страшно было. Я никого не убивал. Честно. Сейчас... Я точно не вру вам, – голос мужчины сорвался, и последние слова он чуть ли не пропищал.

– Не надо, – святой отец обхватил револьвер двумя руками и прикрыл один глаз. – С этим мы разберемся в Муравейнике. Отпусти черенок и руки повыше.

Мужчина повиновался и обломок лопаты упал в грязь.

– Хорошо, – ответил палач. – А теперь покажи свой истинный облик. Если будешь юлить, я отстрелю тебе голову, и до Муравейника ты не доберешься. Надеюсь, ты меня понял.

«Еще не все потеряно», – промелькнуло в голове могильщика, когда он вспомнил, что под плащом у него спрятано ружье. Нужно было просто дождаться подходящего момента. Могильщик глубоко вздохнул, стараясь собраться с мыслями. Пока необходимо делать все, как говорит священник. Как только подвернется момент, он достанет ружье и пристрелит парня.

Мужчина слегка опустил руки и показал ему истинный облик. Лицо в одно мгновение стало трупно-белым и покрылось синими венами. Из-под ногтей сквозь мясо и кожу прорезались самые настоящие когти, а серые глаза в мгновение залились кровью и стали красными, как рубины. Желтые зубы выпали изо рта и сменились длинными острыми шипами, похожими на спицы. Мужчина моментально превратился в безобразную тварь.

– Стало быть, я угадал, – юноша улыбнулся, все также держа на мушке бледное существо. Палец с шелчком взвел курок. – Я задам несколько вопросов. Шевельнешься – пристрелю. Мне все равно, умрешь ты или нет, поэтому трижды подумай, прежде чем дергаться, – он сделал паузу, давая могильщику время для обдумывания. – С рождения или обретенное?

– Обретенное, – прохрипел могильщик.

– Как давно?

– Недавно. Две недели назад.

– Чем питаешься?

– Кровь и мясо, – также моментально ответил могильщик.

– Стало быть упырь, – отец Каин усмехнулся. – И ради чего?

Тварь приподняла руки, чтобы священник мог их лучше видеть.

– Раком болел, а жить хотелось. Один труп взамен на бессмертие – не так уж и много.

– Значит тебе поручили достать труп? – священник слегка отвел взгляд от мушки.

– Да, – ответил кровосос.

Святой отец некоторое время молчал, видимо, обдумывая как поступить дальше, но после отнял одну руку от револьвера и засунул ее под плащ, при этом не сводя глаз с могильщика. Через мгновение оттуда показались массивные кандалы. Священник бросил звенящие цепи к могильщику, и железо плюхнулось в грязь у самых ног мутанта.

– Надевай, – парень вернул руку на револьвер. – И надевай медленно, без резких движений. Дернешься, пристрелю.

«Больше нельзя ждать. Сейчас подходящий момент», – мутант посмотрел на кандалы у своих ног.

Мужчина поднял глаза на палача, и их взгляды на мгновение встретились. Парню хватило секунды, чтобы понять намерение мутанта. Он спустил курок. Стальной револьвер выстрелил, и яркое пламя осветило кладбище. Юноша среагировал мгновенно, но было уже поздно – пуля прорезала пустоту. Священник обернулся, словно ожидая удара сзади, но мутант уже ткнул его дулом ружья в живот. Красные глаза кровососа замерли напротив испуганных глаз юноши. Обрезанное ружье сильно вонзилось в кожу, на два крючка легли когти мутанта, и орудие выстрелило, пробив парня насквозь. Кишки через спину разлетелись по земле. Палач пустил кровь горлом и отлетел к самому краю ямы.

Как только дымок рассеялся, а звуки выстрела отгремели свое, воздух наполнился стонами юноши. Парень лежал в скрюченном положении в грязи и прижимал ладони к животу. Пенсне упало в яму, а молодое лицо все перемазалось землей и кровью. Парень забился в предсмертных судорогах.

Кровосос опустил обрез и почувствовал, как все его тело поразила дрожь перенапряжения. Сейчас он чувствовал себя словно пружина, которую сжали изо всех сил и отпустили, позволив ей сорваться. Теперь его жизни почти ничего не угрожало.

Мужчина спрятал обрез под плащ и присел возле священника. Одной рукой мутант приподнял его голову, а другой прикрыл липкие от крови губы, чтобы приглушить и без того затишающие стоны.

Священник смотрел ему в лицо, но взгляд его блуждал, словно парень не видел упыря перед собой. Щеки священника быстро теряли румянец.

«Тише ты, нас могут услышать», – могильщик взгляделся в лицо юноши и ощутил к нему жалость. Каким бы сильным парень не казался пару мгновений назад, сейчас, когда он умирал у него на руках, он был всего лишь мальчишкой, которому просто не повезло приехать в этот день на кладбище. Однако упырь признавал, что не будь он сейчас спокоен за свою жизнь, то никогда бы не проникся сожалением к молодому священнику. Легко думать о других, когда тебе самому ничего не угрожает.

Из носа парня на пальцы мутанта потекла кровь. Юноша несколько раз неровно вздохнул, и его глаза закатились. Тело моментально обмякло в руках упыря.

Могильщик еще некоторое время подержал труп и, только когда удостоверился, что сердце священника точно перестало биться, отпустил тело. Голова парня запрокинулась в яму и кровь, что оставалась в горле, потекла вниз по лицу.

Могильщик вытер ладони о край рваного плаща священника и оттащил тело от могилы.

«Надеюсь, ты встретишь своего Бога».

За грязной лужей на дне уже виднелся гроб. Упырю оставалось только расчистить края ящика и аккуратно, чтобы прогнившие в земле доски не лопнули и не вывалили на него свое содержимое, поднять его наверх.

Мужчина спрыгнул в яму, ладонями раскидал грязь и, поддев край гроба, рывком водрузил его себе на спину. Гнилые доски затрещали, но все же не проломились. Внутри ящика что-то стукнуло о крышку.

«Мертвецы беснуются», – одним прыжком упырь выпрыгнул из ямы. Он перешагнул через труп палача и опустил ящик в нескольких метрах от тела.

– Фух... – могильщик вытер ладони друг об друга и осмотрел свой наряд.

Все его черное облачение стало грязным от стекавшей с досок воды. К коже липла мокрая ткань, и каждое легкое дуновение ветра теперь заставляло мужчину дрожать. Ему не терпелось скорее закопать палача и вернуться в теплую сторожку, пока в печи не догорели последние поленья. Там он передаст труп, и ему больше никогда не придется возвращаться сюда. Он наконец-то сможет зажить спокойно.

Могильщик обернулся, собираясь покончить с грязным делом, но как только его взгляд упал на мертвеца, внутри него все оборвалось. Мужчина застыл на месте и открыл рот, не в силах даже что-то подумать.

Мертвое тело священника, словно марионетка, которую за веревочки тянула невидимая рука, медленно и неестественно поднималось на ноги. Запрокинутая голова парня медленно вернулась в привычное положение, и на его раскрытых губах запузырилась кровь.

– Мерзкая падаль. Ты ведь мог убить меня, – донеслись словно десятки голосов из его рта.

Страх сковал тело упыря и сжал тяжелыми пальцами грудную клетку, не позволяя вдохнуть. Захлестнувший его ужас породил отчаянное желание умереть как можно скорее, лишь бы кошмар закончился.

Красные и тяжелые от крови перчатки сползли с кистей юноши. Кожа на кончиках пальцев порвалась, обнажив черные ястребиные когти, а лицо стало худым и серым, словно череп обтянутый трупной кожей. Челюсть затрещала и лопнула, из-под человеческих полезли трехугольные, как у акулы, зубы, заставляя остальные выпадать изо рта. Короткие черные волосы мгновенно отросли до пояса и стали седыми, как у старика. Буква «М» на лбу вспыхнула огнем.

Веки трупа поднялись и могильщик увидел, как молодые и серые глаза юноши налились чернилами, а зрачки разделились пополам и воспламенились, образовав по два в каждой глаз-

нице. От одежды заструился легкий дым и через секунды превратился в толстый черный столб над телом.

Могильщик еще никогда не видел таких омерзительных глаз, но когда горящие зрачки начали вращаться, словно пытаясь догнать друг друга, мужчину пробрал холод.

Весь внешний вид существа вселял ужас. То, что предстало перед мужчиной, было безобразно и не походило даже на мутанта.

«Что это за чертовщина?!» – завопил в мыслях упырь.

– Не подходи! – он выставил руки перед собой и попятился назад. Желание жить перебило страх.

Труп оскалился подобно бешеной и голодной собаке.

– Куда ты?

Упырь завертел головой, в надежде найти хоть что-нибудь, что помогло бы ему дать отпор. Взгляд зацепился за металлический блеск в грязи. Могильщик мгновенно поднял револьвер, который ранее обронил палач и пальнул в мертвеца.

Голова монстра запрокинулась назад и скрылась в густом дыму, что валил от туловища. Тело полетело вслед за головой, но вдруг остановилось и замерло, прогнувшись мостиком над землей. Не успел упырь еще раз выстрелить, как рука палача, словно живя отдельно, с ловкостью кобры выхватила из кобуры второй револьвер и пальнула в ответ. Оружие вылетело из рук мутанта вместе с несколькими оторванными пальцами. Увидев отстреленные фаланги, мужчина жалобно заскулил и обхватил изувеченную руку. Шок, словно электрический разряд, парализовал тело и скрыл боль.

Голова монстра, тем временем, вернулась на место. Во лбу, прямо посреди большой буквы, зияла сквозная дыра. Лицо скорчилось в гримасе, словно его били током. Горящие глаза хаотично вращались, в то время как все тело дрожало в судорогах.

– Мой... револьвер... не убить, – уголки рта мутанта опустились вниз, как у старика при инсульте.

Упырь, все еще пребывающий в состоянии шока, прижал покалеченную руку к животу. Лихорадочный взгляд ни на мгновение не отрывался от корчащегося священника.

Голову пронзил крик, точнее, голос инстинкта. Нужно действовать. Оцепенение мгновенно прошло, а вместе с ним и появилась сильная боль в оторванных пальцах. Мужчина почувствовал дрожь, ощутил бешеный стук сердца, страх перед существом, на которое ему не повезло наткнуться.

«Пока он не может двигаться, нужно снести ему голову. Без нее он точно не жилец, кем бы он ни был», – упырь сжал в кулак целую кисть и крепко стиснул зубы, стараясь побороть страх.

Он бросился вперед на монстра, и потоки грязи полетели во все стороны из-под ног. Кровосос мгновенно преодолел несколько метров и оказался перед священником, прямо перед его лицом. Острые, как бритва, когти со свистом понеслись на юношу. Они почти коснулись его шеи, но едкий дым, что окружал священника, внезапно поглотил и его самого. Все чувства упыря притупились. Единственное, что он ощущал – запах гари. Рука рассекла пустоту в том месте, где должен был стоять юноша. Не успел мужчина удивиться, как вдруг его оглушило, словно кто-то обрушил ему на голову тяжелую кувалду. Мир закружился, и мутант ощутил, что проваливается под землю, но уже через мгновение увидел, что летит прямо на надгробие. Удар лицом о бетонную плиту он даже не почувствовал. Все скрылось в тумане. Изувеченное тело распласталось на земле.

Священник появился в паре метров от упыря. В голове все вращалось, взрывалось и разбивалось о стенки черепа. Ощущение тяжести, словно внутрь залили свинец, клонило голову вниз. Юноша не мог сконцентрироваться ни на одной мысли, ему казалось, словно у него в мозгу копошатся муравьи.

Он вцепился в почти заросшую на лбу рану. Она зудела, требовала прикосновений, как корочка на заросшей ранке, но только в сотни раз сильнее.

Когти священника начали рвать кожу на лбу.

«Пуля... там... должна...» – на глазах показались слезы, и священник завопил десятком голосов. Он не мог ухватиться ни за одну мысль. Все смешалось. Беспорядок. Разбитость. И яростный зуд в голове.

Потом все стало тихо. Сначала раздражение ослабло, водоворот в голове умолк, и мысли, словно вода после шторма, перестали кружить и медленно растеклись по сознанию. Священник закатил глаза и вздохнул.

Впервые он был так близок к смерти. Выстрела в голову палач никак не ожидал. Если бы не его чудовищная регенерация, которая даже сквозное ранение в голову способна залечить, за всю свою карьеру он бы умер не меньше пятидесяти раз. Но все-таки было самонадеянно думать, что ему удастся парализовать упыря. Тот все-таки смог вернуть контроль над телом.

Священник огляделся. Упырь, которого он покалечил, лежал на надгробной плите, безногий и с разбитой от затылка до лба головой. Мутный взгляд мутанта постоянно кружился, пока не упал туда, где раньше у него были ноги. От увиденного, упыря тут же стошнило на себя.

– Это всего лишь ноги, – священник присел возле мужчины.

Могильщик продолжал блевать и смотреть на свои обрубки. С такого близкого расстояния его голова напоминала юноше разбитое яйцо, за белой скорлупой которого розовел мозг. Упырь трепыхался, будто рыба, выброшенная на берег. Все тело кровососа дрожало, как в лихорадке.

Священник схватил мужчину за волосы и приподнял тело. Плиту, на которую упал мутант, он поставил и, вонзив в землю, опустил на нее упыря. Юноша всмотрелся в лицо могильщика, но тот тут же уронил голову на заблеванную грудь. Только сейчас палач почувствовал, как от мужчины воняло, но на примечание таких деталей времени не было. Длинные когти проникли в пряди волос могильщика, словно пальцы доктора, что ищет вшей.

«Она наверняка где-то здесь», – черная копоть от тела священника обволокла обоих, и полуживые глаза мутанта заслезились.

Пальцы остановились на затылке. Святой отец наклонил голову мужчины и раздвинул волосы. Чуть выше шеи, среди корней волос, виднелись едва заметные очертания клейма, напоминавшего круг с заключенным в нем пламенем.

– Что там? – вдруг послышался слабый и невнятный голос упыря.

Юноша удивился, что мужчина еще мог говорить, но его внимание вновь поглотила печать.

– Хочешь сказать, ты не знаешь? – священник поскреб когтем клеймо, проверяя не татуировка ли это. – Ты присягнул на верность силам тьмы, дал превратить себя в упыря и не знаешь, что они поставили тебе на затылок?

– Я...я... – послышался голос, но тут же стих. Упырь вновь впал в небытие.

Священник вернул голову мутанта в привычное положение, но руку с затылка не убрал. Он подвинулся поближе, чтобы тот мог видеть его глаза. Второй рукой он надавил на торчащую из обрубка ноги кость.

Упырь тут же проснулся и закричал.

– Слушай меня, – юноша старался говорить медленно и четко, чтобы мутант мог разобрать его слова. – У тебя на затылке клеймо ведьмы. Оно работает по принципу кодовых слов. Если ты начнешь рассказывать секрет, который они тебе поручили, печать начнет убивать тебя. Я могу снять печать, но для этого она должна активироваться, – священник похлопал кровососа по щекам, приводя его в чувства. – Очнись!

Несмотря на мутный, полностью апатичный взгляд, который говорил о неменяемости упыря, тот слегка качнул головой. Этот жест не прошел даром, и мужчину вновь стошнило на себя.

«Он скоро откинется. Надо поспешить», – палач схватил его за подбородок и приподнял голову.

– Активировать печать мы будем этим кодовым словом, – юноша остановился, осознав, что слишком быстро говорит, и начал медленнее: – Активировать печать будем кодовым словом. Скорее всего, это цель или план того, кто тебя сюда послал. Ты должен сказать для чего этот труп. Тогда печать сработает, и я смогу снять ее с тебя. Если это получится, я отвезу тебя в Муравейник и, так и быть, тебе пришьют ноги на место, – юноша постарался улыбнуться.

Могильщик бездумно смотрел на палача.

– Очнись! – ладонь шлепнула по лицу кровососа. – Ты меня слышишь? Жить будешь, и ноги тебе вернут.

Когти рассекли щеку упыря, но тот даже не поморщился.

– Ноги-и, – слегка поднял голову мутант.

– Ноги-ноги, – закивал священник. – И жить будешь. Только нужно снять с тебя печать. И тогда все будет.

Мужчина слабо кивнул. Юноша почувствовал это по легкому давлению на руку, которой он придерживал того за подбородок.

Ладонь юноши плотнее легла на затылок, а вторая на лоб, дабы сильнее прижать клеймо.

За всю свою долгую жизнь, парень встречался с ведьмой лишь раз. Тогда ему пришлось очень тяжело, он чуть не погиб, а печати, которая накладывает ведьма, всегда непредсказуемы, и знать, что в них скрыто, невозможно. Еще ни разу ему не удалось их остановить, но кто знает, может на этот раз получится?

Юноша набрал воздуха в грудь, и горящие глаза обратились к упырю.

– Мертвец нужен для заклинания?

Кровосос качнул головой и внезапно дрогнул. Лицо скривилось от боли. Священник почувствовал жар, исходящий от печати. Словно рой огненных муравьев он проглотил руку юноши, и палач оскалится, но все равно не отпустил мутанта, из всех сил стараясь сдержать клеймо ведьмы.

Упырь завопил и зажмурил глаза, его руки впились в плечи юноши в попытке оттолкнуть священника.

– Отвечай! Мертвец нужен для заклинания?

Священник увидел, как в том месте, где находилась его рука, начала сгущаться чернота. Сначала он принял это за дым, но когда темнота начала танцевать и переливаться, юноша понял, что это огонь. Настоящее черное пламя.

«Демонический огонь? Откуда у нее такие способности?» – парень удивился первому за столь долгое время появлению черного огня, да еще и в печати ведьмы. Но сейчас это было не тем, о чем ему стоило думать.

– Быстрее. Для какого заклинания? – священник сморщился от боли. – Я почти снял печать, тебе нужно только сказать. Просто скажи!

Упырь вопил и вонзал в руки юноши когти.

Жар нарастал, и казалось, что собственная рука уже сгорела до костей. Он уже не чувствовал кожи и мышц, только обжигающий холод.

– Говори! Заклинание!

– Отпусти! Больно!

Слезы потекли из глаз упыря. Два обрубка затряслись в судорогах.

– Заклинание! Быстрее! – кричал священник.

Черное пламя охватило волосы упыря и уже съедало череп, словно бумагу.

– Заклинание! – юноша вдруг отпустил мутанта, не в силах больше сдерживать печать.
– Мета... – закричал мужчина, и черный огонь охватил все его тело.

Отец Каин отринул от мутанта. Грудь кровососа раздулась, готовая изрыгнуть из себя вопль, но в самый последний момент замерла и обвалилась. Все тело начало распадаться. Почерневшая голова отвалилась от шеи, ударилась о надгробие и превратилась в кучку пепла. Не успел палач это увидеть, как ветерок тут же сдул все, что осталось от упыря.

– Твою мать! – священник только сейчас увидел, что он продолжает гореть. Кисти уже не было, а черное пламя продолжало ползти вверх по руке.

Юноша поднес горящую культю ко рту, и акульки зубы откусили руку посередине предплечья. Из раны тут же брызнула кровь, запачкав лицо священника. Откушенный кусок не успел долететь до земли и обратился в пепел.

– Твою мать!

Палач встал и отвернулся от кучи пепла, что недавно была упырем. Целая рука зажала синие губы и горящие глаза с гневом устремились в землю. Ему опять не удалось сдержать печать. Конечно, он соврал, когда сказал мужчине, что сможет ее снять. Ему этого еще ни разу не удавалось. Сейчас его беспокоило другое: ведьма, что способна создавать черный огонь.

Обрубок руки покрылся коркой и перекрыл поток крови.

Священник глубоко вздохнул, глядя в пустую могилу, на дне которой лежали две оторванные ноги упыря. Когти на руках юноши втянулись обратно, а акульки зубы посыпались в яму и сменились человеческими. Серая кожа снова обрела румянец.

Священник закрыл глаза, чтобы спокойно обдумать произошедшее, в то время как пепельные волосы стали уменьшаться и чернеть. Когда он вновь открыл веки, на могилу уже смотрели обычные серые глаза с одним зрачком. Тело перестало испускать жар, и черный дым иссяк.

Ледяной ветер подхватил широкий изорванный плащ и надул его словно парус, закрыв им лицо владельца. Черный капюшон сам упал на голову Каина.

– Твою мать! – повторил он еще раз, глядя на обрубок собственной руки. Отрастать заново она будет долго и болезненно.

Внезапно небо над кладбищем расколосось от грохота. Звук взрыва пришел из-за спины священника. Отец Каин обернулся и увидел вдалеке, над стеной, столб пламени, поднимающийся ввысь. Над местом, где должны были находиться восточные ворота, горело небо.

«Теракт?» – Каин замер на месте, глядя на оранжевое зарево.

В голову прокралась мысль, что его обманули. Неужели этот упырь был лишь для отвода глаз церкви? В таком случае, нечисти удалось их обмануть.

Каин прогнал прочь эти мысли. Сейчас нужно было думать о прорванных воротах и о тех, кому они мешали проникнуть в город.

Священник подобрал револьвер и бросился бежать с кладбища, но вспомнил о гробе, который упырь вытащил из могилы. Оставлять его здесь было нельзя, особенно если он был целью террористов.

Священнику пришлось подхватить его одной рукой и волочить по грязи до самого края кладбища. Юноша представлял, как позади него горят северные ворота, как вбегают за стену те, от кого ее построили. Как они разбредаются по темной пустыне и ищут одного – еды.

Палач вышел за невысокую изгородь из арматуры и приметил в темноте свой внедорожник. Покрытый грязью автомобиль стоял на насыпи из гальки. Его фары вспыхнули, как только священник открыл бронированную дверь. Внутри было еще тепло от печки, но холод тут же проник во внедорожник с первыми порывами ветра. Палач повернул ключ в замке зажигания и посмотрел на приборную панель. Стрелка указывающая на количество горючего зависла над нулем.

– Еще и так, – с досадой сказал юноша, вылезая из автомобиля.

Одной рукой ему пришлось затаскивать гроб на крышу внедорожника и все той же рукой привязывать его к стойкам. Разобравшись с этим, он залез в броневик и захлопнул дверь.

Пожар над воротами отражался в лобовом стекле горящим пятнышком, но Каин понимал, что сулило это пятнышко для человечества. Ворота прорваны, и только дьявол знает, что теперь ждет его и таких же как он. Почти таких же.

Предчувствие беды комом встало в горле.

Внедорожник взревел и, раскидав за собой комья грязи и гальку, понесся прочь от кладбища. Свет фар вырвал из мрака бесконечную пустыню ведущую до самого города.

За три года до этого...

Каин вышел из поезда на последнем уровне подземного города. Конечная станция больше напоминала пещеру, мрачную, с обвалившейся со стен серой плиткой и покрытыми трещинами колоннами. Кучка бродяг лениво сновала по заваленной мусором платформе. Священник спустился на железнодорожные пути и пошел вдоль ржавых рельс, к закрытому решеткой туннелю, сотню лет заброшенному и спящему во мраке. Палачу предстояло поймать самого сильного на планете мутанта.

Он отворил замок на решетке, скрипнул дверью и исчез в темноте. Один из бродяг в длинном плаще с капюшоном отделился от группы и, притаившись у края платформы, посмотрел вслед уходящему по путям палачу. За спиной у него висел длинный чехол, но недостаточно длинный, чтобы скрыть выступающее из него дуло винтовки. Выждав, когда силуэт священника растворится в темноте, он спустился с платформы и отправился следом.

Заброшенный десятилетия назад туннель полз сквозь землю, подобно кротовой норе. Местами обвалившийся, темный, с бегущей по дну водой, он петлял из стороны в сторону. В месте, где обрывались рельсы, священник прижался к стене и наугад нашел торчащую из нее трубу, шириной в половину человеческого роста. Пригнув голову, он сделал шаг внутрь и погрузился в еще больший мрак.

Через десять минут он оказался на вытесанной в породе развилке. Туннели, идущие отсюда, больше напоминали шахтерские. Косые деревянные балки, на которых покачивались почти потухшие от сырости керосиновые фонари, держали на себе обвалившийся местами потолок. Между ними священник видел растянутые проволочные сетки, видимо, уберегавшие стены от обвала. Однако два ближних туннеля все-таки завалило глиной и землей, и сгнившие от сырости балки торчали из-под породы.

Священник свернул в самый левый туннель и, пройдя еще минут десять, наконец-то нашел то, что искал – небольшую красную дверь, вмонтированную в земляную стену.

Чистая и без единой царапины тут она казалась нелепо лишней, прибывшей из другого мира, потерянного десятилетия назад. Даже на поверхности Каин не видел ничего подобного, только громоздкие и железные с облупившейся краской ворота. Медная ручка, отполированная не одной сотней рук, блестела также, как и стеклянный глазок.

«Бар Грбовщик», – прочел священник на вывеске, над дверью.

Каин увидел свое сплюснутое отражение в глазке и вздохнул. Он слышал об этом баре, открытом мутантами, но побывать здесь ему предстояло впервые. Пытая одного из посетителей этого места, палач узнал, что все живущие под землей твари собираются именно здесь. В основном для того, чтобы подобно обычным людям встречаться, пить и веселиться. Попытки мутантов почувствовать себя вновь людьми, казались священнику омерзительными. Те, кто когда-то предал человеческий род, по его мнению, не имели права возвращаться в прошлое, как и он сам.

Руки одернули края пиджака. Юноша покачался на месте, разминая тело, хрустнул шеей и, обхватив медную ручку, потянул дверь.

Перед палачом предстало утонувшее в интимном сумраке помещение. До конца погрузиться в темноту ему не давала лишь пара керосиновых ламп, висящих под потолком. Густой воздух пах табаком и спиртом. Круглые, покрытые пылью столы, тянулись до самой стойки бара, за которой, потирал стаканы седой упырь. Как только дверь отворилась, его изрытое канавками морщин лицо обернулось к вошедшему, и он словно окаменел. Руки замерли на стакане, и только небольшие красные глаза подрагивали в глубоких, словно темные ямы, глазницах.

Священник перевел взгляд с бармена на первый столик, за которым лицом к нему сидел коренастый старик. Потертый и выцветший бежевый пиджак обтягивал большие бицепсы муж-

чины и еле застегивался на широкой груди. Из-под такого же цвета шляпы торчали непослушные седые волосы, плавно переходящие в бакенбарды. Густые брови, подобно двум жирным гусеницам, нависали над яркими и полными жизни желтыми глазами. В тонких губах дымила извилистая трубка. Мужчина сидел подперев подбородок кулаком и разглядывал гостя.

– Вот как, – громкий, как раскаты грома, голос мутанта пронесся по бару. – Дева все-таки обскакала меня. Прислала палача.

Не успел священник даже моргнуть, как что-то холодное кольнуло шею. От неожиданности палач вздрогнул и, повернув голову, увидел за спиной залитые кровью глаза упыря. Острые когти мутанта уперлись священнику прямо в горло.

«Слишком быстрый», – подумал священник и потянулся к револьверу.

– Все нормально, это ведь просто переговоры, – желтые глаза Джаггернаута обратились к юноше. – Я прав?

– Да, – тихо ответил палач.

Старик махнул рукой, и упырь спрятал когти в подушечки пальцев. Он вышел из-за спины Каина и сел за столик к своему боссу, напоследок бросив настороженный взгляд на юношу.

«Он будет мешаться», – священник потер укол на коже, оставшийся от когтей. Под плащом рука нащупала «увальня». Холод, идущий от рукояти, заставил его нервы остыть.

Он прошел за порог и встал напротив Джаггернаута.

– Я ожидал увидеть генерала, но Дева поступила умно, – мужчина затянулся трубкой, и черный дым потек из его широких ноздрей. – Прислала цепного пса, чтобы убить меня, если что-то пойдет не так.

«Я бы сделал это и без переговоров», – подумал Каин, но сказал:

– Не совсем, – он потянулся в пиджак за удостоверением и вдруг заметил, как бармен встал из-за столика.

– Тише, – успокоил упыря Джаггернаут. – Он не будет стрелять, пока мы не договоримся. Священник вытащил удостоверение и мельком показал его старику.

– Меня зовут Каин, я святой отец в...

– Лицемер, – прошептал упырь, но этого хватило, чтобы палач услышал и остановился.

– Хватит, – прогремел голос Джаггернаута, и бармен тут же потупил взгляд в крышку стола. – Извини моего консьюери. Твои побратимы не раз пытались меня убить во время переговоров, поэтому его недоверие можно простить.

Каин пропустил оскорбление мимо ушей.

– Как угодно, – священник сел за стол. При любых других обстоятельствах, он бы пристрелил упыря и его босса, но сейчас его сдерживало задание, которое поручила Железная Дева – привести Джаггернаута в Муравейник. Почти невыполнимое задание для того, кто еще ни разу не оставил мутанта живым. Особенно учитывая, что дон Джаггернаут, – как он сам себя провозгласил, – считает, что священник пришел просить о перемирии.

– Я могу назвать условия церкви? – спросил Каин, убирая удостоверение.

Мужчина кивнул, и часть пепла из трубки высыпалась на стол.

Белая перчатка священника скрылась под плащом и появилась с маленькой кожаной папкой на завязках. Юноша посмотрел на бармена, ожидая, что тот вновь поднимется, но он сидел спокойно, пристально наблюдая за каждым движением палача.

Раскрыв папку, юноша поправил пенсне и пролистал несколько пожелтевших страниц.

– У тебя один смертный приговор, – палец священника скользнул по бумаге, – восемь террористических актов, более сотни убийств...

Мужчина затянулся трубкой.

– Три банды, – продолжил палач. – «Черная рука», «Череп и кости» и «Велиалы». Думаю, они тебе хорошо знакомы. Церковь уже пять лет ведет с ними войну и пока не добилась ника-

ких успехов. За последний месяц они совершили больше терактов, чем вообще когда-либо было в городе за последние тридцать лет. За год от их рук погибло более двух тысяч человек и еще около тридцати священников. Хоть ты и работаешь отдельно от них, но мы знаем, как дела обстоят на самом деле. Все три банды основал ты. И до сих пор ими руководишь, – Каин оторвался от папки и взглянул на Джаггернаута. Вопреки ожиданиям, лицо старика осталось спокойным. – Поэтому эти переговоры касаются не только тебя, но и всех трех твоих банд. А поэтому оценивай свои шансы на успех, учитывая, что каждое их преступление ложится полностью на тебя. В связи с этим, твое наказание пересматривается, и вместо одного смертного приговора, тебе выносятся три. Три раза тебя не убить, но мне и одного достаточно будет. Я могу отменить решение судьи, если ты согласишься с условиями отдела.

– Несмотря на этот приговор, я все еще живой, – ответил старик и придавил пальцем табак. – Думаешь, ты сможешь это поправить?

Палач взглянул на него, но решил не отвечать.

– Мое решение зависит от того, примешь ты условия отдела или нет. Если ты согласишься, я отменю решение судьи, и тебе оставят жизнь. Конечно, на определенных условиях. Но если ты не согласишься, я исполню приговор прямо здесь.

Слова священника не испугали старика, а совсем наоборот – рассмешили. Мужчина слегка улыбнулся и весело посмотрел на Каина.

– Поэтому на переговоры отправили палача, – мужчина вынул из зубов трубку и ударил ей об стол. Дымка пепла разлетелась над сидящими. – Умный ход, очень умный.

Мужчина забил новый табак. Зажглась стальная зажигалка, и через мгновение запах крепкой травы снова разлился по и без того спертому воздуху бара.

– Каковы условия сделки? – облокотившись на спинку стула, спросил мужчина.

– Ты обязан сдать всех членов банд, которыми руководишь и информацию о некоторых террористах, которых разыскивает церковь. За это ты получишь жизнь, а я отведу тебя в Муравейник.

– И до конца жизни я буду гнить в цепях под землей? – усмехнулся старик.

Священник посмотрел ему в глаза.

– Именно так.

Мужчина приложил кисть к подбородку.

– По одной моей банде за каждую из жизней. Двадцать моих ребят взамен на жизнь. Шестьдесят взамен на три. На три жизни в неволе. Слишком много с меня просит церковь. Это не заключение мира, а капитуляция.

– Это нормальная цена за все, что ты сотворил с городом, – ответил юноша, но уже понял, что переговоры заходят в тупик. Однако в душе он даже обрадовался провалу. Ведь теперь у него просто не оставалось иного выхода.

Каин засунул руку в карман со сделанной в нем заранее дыркой. Пальцы нащупали ручку «увальня». Священник расстегнул кобуру и осторожно потащил пистолет в пиджак.

– Почему я должен сдаваться вам, если моя армия играет с вами в ничью? – Джаггернаут улыбнулся и пустил черный дым. – Я могу затянуть войну на сколько угодно. Вы выдержите, я не сомневаюсь, но народ – другое дело.

Каин взглянул на бармена. Тот продолжал пристально следить за ним, но, видимо, не замечал его движений в плаще.

Священник почти перетащил пистолет в карман, но Джаггернаут внезапно привстал, чтобы подвинуться поближе к столу и случайно его сдвинул. Рука Каина замерла у самого разреза. Палач в мгновение ока прикрыл бедро свободной ладонью, дабы скрыть блеск оружия и осмотрелся, в надежде, что никто из присутствующих не заметил револьвер.

– Народ сбросит Деву с её престола, – сказал старик, усаживаясь обратно. – Когда я устрою взрывы по всему нижнему городу, это точно произойдет.

Мужчина подвинул стол обратно, и Каин, как можно незаметнее прильнул к его краю, дабы скрыть движение руки.

– Ты ошибаешься, когда называешь мафию армией, – ответил он. – Да и если бы вы могли устроить теракты по всему городу, то давно бы это сделали.

Тем временем «увалень» оказался в пиджаке. Священник привстал, словно пододвигая стул поближе, а сам вытащил револьвер под крышку стола и нацелил его под углом в Джагернаута, чтобы при выстреле пуля, пройдя через стол, попала мутанту в голову. Указательный палец задрожал на курке.

Признаки волнения, с которым юноша расстался еще до рождения своей госпожи и босса мафии мутантов, вновь напомнили Каину, что он жив. Жив и может умереть.

При этих мыслях он невольно улыбнулся.

Бармен, следивший за палачом, так ничего и не заметил. Хоть Каин и был под его пристальным наблюдением, юноша все равно сумел вытащить пистолет и взять на мушку его босса.

Джагернаут, все также с улыбкой смотрел на священника, не подозревая о метившей ему в голову пуле.

– Причина, по которой мы не сделали этого – устрашение. Взорви мы все, были бы эти переговоры?

– Сомневаюсь, – Каин слегка улыбнулся, но тут же подавил эту спонтанную радость. Он все еще был в опасности. Упырь, которой за долю секунды оказался у него за спиной и чуть не снес ему голову, все еще мог сделать то, что не успел несколько минут назад.

Вторая рука потянулась к револьверу.

– И я о том же, – сказал Джагернаут. – Нам нужны были эти переговоры. Я ожидал, что Дева придет генерала-епископа, но мне очень повезло. Ко мне пришел отец Каин.

– Повезло? – насторожился палач.

Пальцы свободной руки открыли кобуру и обхватили ручку второго револьвера.

– Несказанно повезло, – слегка улыбнулся старик. – Потому что у нас с тобой есть кое-что общее, что поможет нам найти общий язык. Грязные секреты.

«Он блефует», – подумал палач, однако в груди все же застрял неприятный ком. Револьвер выскочил из кобуры и оказался в кармане. Священник незаметно повернул запястье так, чтобы дуло орудия целилось в упыря, прямо сквозь пиджак.

Теперь, что бы не сказал Джагернаут, у палача было, чем ему ответить. Как только оба мутанта оказались у священника на мушке, он ощутил некоторое спокойствие и чувство контроля над ситуацией. Пока от одного его движения зависят их жизни, он не проиграет. А может быть, даже победит.

– Кстати о тайнах, – Каин сделал паузу, готовясь вскрыть карты. Он попытался представить реакцию старика; как улыбка на его лице сменяется страхом, а надменный тон превращается в дрожащий шепот. Священник вздохнул и произнес заветные слова: – Вы у меня оба на мушке.

Реакция упыря оказалась именно такой, как и представлял себе Каин: мутант вздрогнул и вжался в спинку стула, испуганным взглядом рыская по телу палача в поисках оружия. Его руки схватились за стул, словно боясь задеть холодный металл под столом.

Однако реакция Джагернаута заставила застрявший в груди палача ком вырасти еще больше. Старик даже не моргнул. В его спокойном взгляде священник уловил разочарование, но разочарование не в себе, а в Каине.

– И что? – бросил он безразличным голосом.

Улыбка на лице Каина тут же испарилась. Ему показалось, словно веревка, которой он повязал главу мафии, стала тонкой и скользкой и потекла из его руки. Желание выстрелить и доказать старику, что его слова не пустой звук, а вполне весомый аргумент, схватило его за руку и сильнее надавило на спусковой крючок. Реакция Джагернаута, будто бы создала

вокруг него щит, который Каин не мог пробить ни словом, ни пулей. Хотя в абсурдности последнего он пытался себя убедить.

«Неужели он успел увидеть пистолет?» – священник вспомнил момент, когда Джаггернаут случайно сдвинул стол, и оружие на секунду, всего на мгновение, блеснуло в полумраке бара. Неужели одно жалкое и крохотное мгновение погубило его? Однако он успокоил себя тем, что, так или иначе, Джаггернаут был на мушке. Если только он не успел за это время что-то предпринять незаметно от палача.

Каин поймал себя на неприятной мысли, что в бою у старика есть все шансы победить.

– Как это подло со стороны священника. Я думал у нас переговоры, а на деле... – голос Джаггернаута звучал не сердито, а скорее разочарованно, словно он ожидал от палача чего-то другого. Старик покачал головой. – Все таки мой друг прав, все ваше общество – одни трусливые лицемеры. Даже ты, палач. Пусть так. Но прежде чем ты, как грязное животное, застрелишь тех, кто пришел к тебе с пустыми руками, я скажу тебе один из ваших грязных секретов, – Каин вдруг понял, что боится услышать то, что хочет сказать старик, но никак этому не мог помешать. – Я знаю о немезисе доктора Ворденклифа, которого Дева спрятала под собором.

Каин широко раскрыл глаза и даже не заметил, как приоткрылся рот. В забытьи рука, метящая в голову старику, слегка опустилась. Он внезапно ощутил себя голым.

«Откуда он знает?» – множество раз повторилось в голове священника.

– И это еще не все, – продолжил Джаггернаут, а Каин уже ощутил, как огромный комок в груди растет, норовя порвать легкие и сломать ребра. – Я знаю, что ты за тварь, Каин.

Первое желание – спустить курки. Спустить и, как только оба тела упадут на пол, стрелять. Стрелять, пока от голов не останутся лишь черепки в лужах крови. Пальцы на спусковых крючках так напряглись, что если на них окажут малейшее давление – оба мутанта отправятся на тот свет. Непреодолимое желание захлестнуло священника и не осталось незамеченным для Джаггернаута. Оно буквально било фонтаном из глаз палача.

– Если застрелишь меня, это узнают все, – предупредил его старик. Несмотря на остекленевшие и потерявшие проблески разума глаза палача, мутант оставался таким спокойным, что юношу так и манило желание убрать это спокойствие выстрелом.

Но он этого не сделал. Что есть воли, он пересилил внезапный порыв и отстранил пальцы от спусковых крючков, дабы не искушать себя. Легкая дрожь прошла по телу. Если он сейчас убьет старика, то в случае если это не блеф, правда найдет способ выйти из этих стен.

– Чего ты хочешь? – процедил сквозь зубы священник.

Джаггернаут, удовлетворенный ответом, облокотился на спинку стула и набрал полную грудь дыма. Его глаза на пару секунд закрылись, словно он смаковал это мгновение. Даже бармен, что все это время сидел прямо, как натянутая струна, позволил себе отпустить стул. Однако он продолжал с опаской смотреть на палача, выжидая момент, когда сможет оторвать ему голову.

– Моя просьба не так велика, как у Девы, – выпустив дым, наконец сказал Джаггернаут. – Если все о тебе правда, и ты правда живешь уже тысячи лет, значит, ума понять меня хватит. Хотя сейчас я в этом засомневался.

Сердце стучало в висках священника. Внутри все сжалось и окаменело, и хоть это он наставлял на старика пистолет, ему казалось, что сейчас он сам маячит на чьем-то прицеле.

– Чтобы ты понимал, Рим может заплатить за эту информацию очень много. Но он не даст мне то, что я хочу попросить у твоей госпожи.

– Что это? – спросил Каин.

– Начнем с того, что у меня есть сын, – улыбка Джаггернаута внезапно исчезла. Священник увидел серьезность в глазах старика, словно тот столкнулся с непосильной для него задачей. – И я хочу, чтобы он стал воспитанником церкви.

Палач впал в ступор.

Джаггернаут лишь с холодком во взгляде посмотрел на юношу.

– Если Дева выполнит мою просьбу, то я закончу войну и уйду в Муравейник.

– Это невозможно, – решительно отрезал юноша.

– Почему?

– Потому что церковь не берет к себе на воспитание мутантов. Тем более, детей главы мафии, – Каин нервно улыбнулся. – Это просто невозможно.

– У него моя сила. Если церковь его воспитает, он будет сильным оружием, – Джаггернаут говорил таким тоном, словно пытался продать мальчика палачу.

– Госпожа просто не согласится с этим. Если люди узнают, поднимется мятеж. Ты просто не представляешь, о чем просишь. Мы многое можем сделать, но это невозможно. Назови другое требование.

– Оно единственное, палач.

Руки священника крепко сжали рукояти орудий. Ситуация складывалась патовая. Он бы предложил Джаггернауту многое, если бы того это интересовало.

– Твоего сына можно спрятать в Муравейник. Вместе с тобой.

Мужчина сдавленно усмехнулся.

– Ты меня не понимаешь, палач. Мой сын должен стать воспитанником церкви не потому, что я хочу, чтобы он служил вам. Лучше жить в канализации и есть помои, чем прислуживать лицемерам. Все проще, чем ты думаешь: я хочу отдать его церкви, потому что даже Муравейник больше не безопасен. Если ты думаешь, что Муравейник – неприступная крепость, ты глуп. Есть те, кто знают, как штурмовать его стены. Поверь мне, это случится. Мой сын должен быть как можно дальше от этого места. В самом городе, в соборе Петра.

– Что должно случиться? – насторожился Каин. – И почему ты просто не оставишь его при себе, раз боишься за его безопасность?

– Потому что отсюда все и начнется. Все гнилье польется на ваши улицы именно отсюда. Поэтому я хочу быть за стенами тюрьмы. Когда все это доберется до Муравейника, поверь, я в оковах не останусь.

– Что должно произойти? – сын Джаггернаута уже не волновал священника. То, о чем не договаривал старик, казалось ему куда важнее.

Мафиози потупил взгляд в крышку стола и замешкался, словно ребенок. Такого волнения от босса мафии мутантов юноша никак не мог ожидать. Неужели в скором времени случится что-то такое, что пугает даже самого сильного мутанта на земле?

– За нами придут. За каждым мутантом и...

Дверь в бар с грохотом распахнулась. Каин моментально обернулся, забыв о пистолетах в руках. На пороге стояла девушка, чье только что обретшее фигуру тело скрывалось за черными джинсами и серой майкой. У ног валялся старый плащ и большой чехол. Длинные русые волосы, собранные в хвост, падали на широкую лямку на плече, на которой у бедра висела противотанковая винтовка. Яркие зеленые глаза девушки моментально отыскивали во мраке бара Джаггернаута, и она, широко расставив ноги, нацелила оружие старика в живот.

Священник почувствовал, как упырь встает из-за стола, и моментально поднялся сам, широко расставив руки и загородив бармена со стариком от выстрела. Со стороны это выглядело так, словно юноша прикрыл Джаггернаута, но на самом деле он не позволил упырю пройти и убить девушку.

– Ваши? – раздраженно спросил старик у палача.

– Нет, – Каин посмотрел незнакомке в глаза, в надежде, что та прочтет в его взгляде призыв к бегству.

– Отойди, – рявкнула девушка, видимо, не заметив этого послания.

Священник попытался сделать шаг навстречу, но винтовка нацелилась ему в лицо.

– Двинешься, и я тебя пристрелю, – незнакомка положила палец на курок. – Отойди и не мешай.

– Не могу. Его нельзя убивать.

– Нельзя? – девушка осмотрела палача. – Ты священник или кто?

– Убей ее, – бросил Джаггернаут бармену. – Мы не можем сидеть здесь вечно.

Мутант начал обходить священника, но рука юноши преградила ему путь.

– Никто здесь никого не убьет.

– Переговоры? – девушка оскалилась, и в ее взгляде Каин увидел презрение.

«Черт возьми, как же сложно», – палач ощутил себя зажатым между двух огней. И ни с одним из них он не мог совладать. Либо когти пронзят ему спину, либо пуля пробьет лоб, либо вообще все вместе. Он даже не знал, на ком сосредоточить внимание, чтобы избежать насилия.

– Он должен дать показания церкви.

– Эта падаля должна умереть. Отойди!

– Палач... – послышался злой голос Джаггернаута. – Не испытывай мое терпение.

– Должна, – согласился с девушкой Каин, пропуская угрозы старика мимо ушей. –

Но не от твоих рук.

– Он обрушил туннель на моих родителей! От чьих еще рук он должен умереть? – она сделала шаг вперед. – Если не можешь убить сам, то не мешай тому, кто может!

Появись она несколько минут назад, он бы с радостью отошел в сторону и дал ей пристрелить старика и даже сам всадил бы ему пару пуль в голову, но не сейчас. Когда он почти подошел к открытию какой-то страшной тайны, он не мог позволить этому случиться.

– Боюсь, ты не поймешь, почему я обязан сохранить ему жизнь. Прошу, опусти оружие, и я постараюсь тебе объяснить, – отец Каин сделал шаг вперед.

– Стоять! – крикнула она, поддернув винтовку. – Я прострелю вас обоих. Такой большой патрон прошьет вас двоих, и одним я не ограничусь. Здесь их десять.

– Опусти оружие, и я отведу тебя в отдел, – священник опустил руки. – Если ты хочешь, ты встретишься с Железной Девой, она тебе все объяснит. В это сложно поверить, но если он умрет, безопасность города окажется под угрозой. Если ты вправду умеешь стрелять из этого, – священник указал на винтовку, – ты сможешь стать одной из нас.

– Я не хочу ни с кем разговаривать и тем более становиться одной из вас! Последний раз говорю, отойди!

– Каин, не валяй дурака, заканчивай с ней, – еще раздраженнее повторил Джаггернаут. – Или ты хочешь, чтобы все узнали, кто ты на самом деле?

«Конечно, нет», – подумал Каин, но у него не было выбора. Позволить убить девушку означало нарушить клятву, которую он дал себе выбравшись из Ада. Ведь с тех пор он ни разу не согрешил. Сейчас же, когда на него с двух сторон, подобно огромным тискам, давили обстоятельства, он больше всего опасался, что не сумеет сдержаться. Каин перекручивал в сознании десятки вариантов, но не один из них не был тем спасительным светом, который он ожидал увидеть.

– Прости, я не могу тебе сейчас всего объяснить, просто пойдем со мной, – юноша сделал еще шаг вперед. – Опусти оружие. Обещаю, все будет хорошо.

– Стой! – крикнула девушка. Звякнули карабины на винтовке.

Отец Каин сделал шаг навстречу. Взгляды столкнулись, подобно многотонным льдинам. У палача была всего одна надежда – перехватить оружие и усыпить незнакомку. Тогда он закончит разговор с Джаггернаутом и заберет её в собор.

– Я выстрелю, идиот! – сказала девушка, сделав шаг назад.

– Успокойся, прошу. Опусти оружие. Я помогу тебе, – Каин шагнул вперед.

– Я выстрелю!

Девушка вновь отступила. Палач заметил, что её руки дрожали под тяжестью винтовки. Долго она её не удержит.

- Я помогу тебе, – сказал священник, а в мыслях произнес: «Пора».
- Сейчас выстрелю!
- Подожди.
- Стой!

Отец Каин сделал выпад вперед и ладонь обхватила ствол винтовки. Но было поздно. Столб огня со свистом ударил в тело священника и вышел из спины, разбросав брызги крови и куски плоти по бару. Пуля, вырвавшись из палача, рассекла стол, превращая его в щепки, вошла в тело бармена и, пройдя сквозь него, опрокинула сидевшего на стуле Джагернаута. Священник выплеснул кровь горлом и упал на стол. Тот с хрустом проломился, уронив юношу вниз. Пол в мгновение ока стал мокрым и липким. Бармен упал на бок с огромной дырой в груди. Густой дым, потянувшийся из ствола винтовки, перебил запах опрокинутой трубки. На белом плече девушки зарозовел отпечаток от приклада.

Ствол тяжелой винтовки опустился к полу, и из него к потолку потянулись струйки дыма. Аша тяжело вздохнула и почувствовала, как подогнулись колени, готовые уронить тело вниз. Ее дрожащие руки уже не могли держать четырнадцать килограмм стали, но опустив оружие, они задрожали еще больше, не способные даже сжаться в кулаки. Один выстрел и три мертвых тела лежат у ее ног в обломках стола и луже крови. Первые убийства.

Волоча дуло винтовки по полу, она подошла к телу священника. Из раскрытого рта юноши на пол стекала кровь, дыра от пули дымилась чуть ниже ребер. Края огромной раны обожгло выстрелом, и до ноздрей девушки донесся запах жженой плоти. Тошнота подступила к горлу.

«Теперь мне светит ад», – подумала Аша, и взгляд ее упал на лицо священника. На вид он был не старше нее самой, скорее всего, даже сверстником.

Она перешагнула через мертвое тело и откинула ногой обломок стола. Под ним показалось засыпанное щепками тело Джагернаута; старик лежал лицом вниз, распластав руки в стороны.

Девушка присела рядом и потянула тяжелый труп за плечо, желая развернуть его к себе лицом. Затылок мертвеца коснулся деревянного пола, и девушка с криком отшатнулась. На нее смотрели безумные желтые глаза старика.

Крепкая рука Джагернаута схватила ее за локоть, и Аша завопила от боли. Ощущение было такое, словно ее руку зажал в прессе. Она потянула конечность на себя, но безуспешно.

– Дура... – прохрипел старик, переворачиваясь на живот. Из носа и рта текла кровь. – Ты же меня чуть не убила.

Девушка почувствовала, что её рука вот-вот сломается. Она уперлась каблуками в лицо Джагернаута и что есть силы надавила, но тот даже не двинулся. Она словно упиралась в скалу.

– Ты представляешь, что наделала бы, дура, если бы умер я? – старик приподнялся на одной руке, и Аша увидела его пробитую пулей широкую грудь, из которой торчала часть легкого. – Ты представляешь, что могло бы произойти, если бы кроме палача погиб и я, дура?!

Девушка вспомнила про винтовку и подтянула ее к себе за дуло, но не смогла навести ее на старика. Расстояние было слишком мало, а в такой позиции поднять ее одной рукой было невозможно.

Не зная, что еще предпринять, она начала бить ногами старика по лицу, но это было также бесполезно, как бить танк. Каждый её удар лишь отзывался болью в ногах.

Старик подполз ближе и упал на грудь. Свободной рукой он обхватил ствол винтовки и загнул его, словно проволоку.

– Ну ты и дура! – крикнул он и подтянул Ашу к себе. Он оказался так близко, что девушка ощутила его влажное, пропитанное табаком дыхание.

– Не надо!

Что-то холодное, словно змея, коснулось её щеки, по ощущениям напоминавшее сталь. Она повернула голову и увидела револьвер, облокотившийся огромным барабаном на плечо. Оружие выстрелило, опрокинув девушку на пол. Джаггернаут успел только ахнуть, и его голова лопнула и разлетелась по бару. На толстой шее осталась только нижняя челюсть. Накаченное тело упало на землю, и ослабевшая рука отпустила девушку.

Аша, оглушенная выстрелом, обернулась и увидела позади себя приподнявшегося на локте священника с дрожащим в руке револьвером. Мутные серые глаза смотрели, как из остатков головы мужчины вытекает кровь и ошметки мозгов.

– Вот дерьмо... – выругался священник, опуская пистолет.

Девушка приподнялась на локте. Её мутный взгляд прошел по потолку, мертвому телу мафиози и, только когда остановился на огромной ране в теле священника, приобрел ясность. Она выпучила глаза и беззвучно раскрыла рот, не в силах оторваться от кровавого месива ниже ребер палача. Но поразила её не столько смертельная рана, сколько спокойное и невозмутимое лицо священника, словно вместо сквозного выстрела его беспокоил маленький порез.

– Простите... – еле шевеля губами, вымолвила она.

Юноша оторвал взгляд от мертвого Джаггернаута и устало посмотрел на девушку. Уголки рта приподнялись в слабой улыбке.

– Ничего страшного.

В задней части бара, что находилась в полном мраке, послышался скрип двери.

Священник тут же, словно взведенная пружина, поднял револьвер и взвел курок.

– Кто там? – крикнул он в темноту.

Девушка мгновенно обернулась на звук и замерла, вслушиваясь в воцарившуюся тишину. Во мраке послышались неспешные, слегка шелестящие шаги. Они остановились на пороге света, и Аша увидела в темноте слабый блеск.

Из тени вышли два мутанта в строгих костюмах и плотно застегнутых пальто. Черные котелки были так низко опущены на лоб, что скрывали за собой глаза упырей. Обрамленные когтями ладони держали по мечу.

Палач навел револьвер на одного из них.

«Я не успею восстановиться», – подумал он и попытался поднять обмякшую руку. Та лишь дернулась в судороге, задев мизинцем второй пистолет.

– Возьми мой револьвер, – прошептал он девушке, не сводя глаз с длинных лезвий, на которых поигрывали блики от ламп.

Девушка, не мешкая и секунды, подняла оружие и даже не взглянув на палача, нацелила его в одного из вошедших.

Мутант, что стоял слева, посмотрел в сторону сломанного стола, где лежало тело Джаггернаута.

– Что делаем? – он взглянул на напарника.

Тот слегка покачал мечом, и Каин насторожился. Дуло револьвера повернулось в его сторону. Мутант оценивающе оглядел священника и девушку. Особенно его взгляд приковала рана Каина.

– Надо убрать, – заключил он и поднял меч.

Аша вздрогнула и изо всех сил вцепилась в рукоятку револьвера. Каин увидел, как напряглись мышцы у нее на спине, а кожа покрылась мурашками. Взгляд скользнул по рукам девушки, и священник ощутил её страх. Револьвер дрожал, как и она сама.

Он мог бы превратиться и убить мутантов, но тогда она увидит его истинную личину, и в живых оставить ее будет невозможно. Обычные переговоры обратились в ужас.

На полу раздалось слабое кряхтение. Обломок стола повалился в сторону, и под ним показался залитый кровью бармен. Тяжелые от крови волосы прилипли к скорченному от боли лицу.

Мутант слева тут же опустился на колени и, придерживая консьюльери за спину, помог тому сесть. Взору священника открылась разорванная пулей грудная клетка упыря. Бармен, издав громкий стон, сплюнул красный сгусток на пол. Затуманенный взгляд упал на тело босса.

В темноте вновь послышались шаги, но уже совсем иные – легкие и частые. Они остановились возле упырей, и между двух мужчин протиснулся низенький мальчишка. Змеиные круглые глазки увидели мертвого старика, и мальчик тут же упал возле него на колени, уронив голову на маленькую грудь. Песочного цвета челка свалилась на глаза. Мальчик в плаче скривил губы, и палач увидел, что у парня не было зубов, лишь голые десна.

«Откуда здесь ребенок?» – Каин еще мог понять появление двух мутантов, которые притаились в соседней комнате на случай чего, но то, что здесь все это время был ребенок...

Консьюльери положил дрожащую руку мальчику на плечо и устало покачал головой.

– Не трогать их, – неожиданно раздался голос старого упыря. – Надо закончить переговоры.

Мутанты переглянулись и, с недоверием посмотрев на палача, опустили клинки.

Палач от удивления приподнял брови, но револьвер не отвел. Глаза продолжали следить за двумя упырями через мушку.

– Я доверенное лицо дона Джаггернаута, – бармен посмотрел на священника блуждающим от слабости взглядом. – Он поручил мне выполнить его распоряжение, в случае, если на этих переговорах его убьют. Распоряжение касается его сына. Если вы не против, я бы хотел продолжить переговоры.

Священник промолчал, пытаясь понять, не уловка ли это. Два мутанта, что до этого так и норовили наброситься на него с девушкой, сейчас стояли смирно, опустив головы. Да и сам упырь, казалось, говорил правду, хотя несколько минут назад был готов убить юношу. Сейчас же в его состоянии вести какую-то игру почти невозможно. Он изо всех сил старался удержаться в сознании.

– Давайте продолжим, – палач медленно опустил револьвер. Убедившись, что ни один из мутантов не набросился на него, он положил руку на плечо девушки.

Аша осторожно, стараясь не сводить взгляда с упырей, повернула голову. Тело её продолжало дрожать.

– Все хорошо, они не причинят тебе вреда. Убери оружие.

Девушка с опаской перевела взгляд на священника, и Каин увидел как дрожат её глаза. Она не могла опустить револьвер и мертвой хваткой держала его рукоять. Мысль, что единственной целью мутантов является убийство людей, породило в ней страх, который сейчас мешал ей довериться палачу.

Юноша медленно и мягко коснулся ее плеча. Не отрывая спокойного взгляда от широко раскрытых глаз девушки, он проскользил по её руке к револьверу и осторожно опустил его к полу.

– Доверься мне, – прошептал Каин.

Она слегка раскрыла губы, словно хотела возразить, но ничего не сказала. Спокойный взгляд Каина унял её дрожь. Девушка кротко кивнула, и тонкие пальцы разжали ручку револьвера.

– Итак, – вздохнул бармен, после того как оба пистолета оказались на полу. – Вы возьмете под опеку церкви сына дона Джаггернаута, а взамен мы объявим о прекращении войны. В случае нарушения договора, вы можете использовать Джаггернаута-младшего как заложника.

– Дева не согласится с этим. Законы церкви не зависят от моего желания, – ответил священник, переведя взгляд на упыря. – Боюсь, что это просто невозможно.

Бармен замолчал, обдумывая слова священника. Мальчишка, что всхлипывал и ронял слезы на грудь мертвого старика, вдруг поднял голову и стряхнул челку в бок. Палачу открылось раскрасневшееся и сморщенное ненавистью лицо ребенка.

– Убейте их! Они убили дона!

Мутанты переглянулись, но вновь опустили взгляды в пол, убрав за спину клинки, дабы не испытывать соблазна.

Мальчишка, красными от крови руками, вцепился в пиджак одного из них, и что есть сил начал трясти.

– Разве он не был вашим доном? Мы должны отомстить!

– Успокойся, – консильери положил руку мальчику на плечо, но из-за слабости еле сумел посадить его рядом с собой. Большим пальцем он вытер слезы с его распаленных рыданием щек. – Он был бы этим недоволен.

– Но... – сквозь всхлипы попытался возразить мальчик, но бармен прижал указательный палец к его губам.

– Тише, придет еще время.

При этих словах священник насторожился, но не успел ничего подумать, как упырь вновь обратился к нему:

– Церковь сможет обеспечить безопасность мальчику?

– Да, – не соврал Каин, подразумевая, что сыну Джаггернаута будет безопасно в тюрьме.

Консильери махнул одному из мутантов, и тот скрылся в темной стороне бара. Через минуту он вернулся, но уже не один, а вместе с худощавым парнем лет шестнадцати. Слишком большая белая рубашка и коричневые брюки висели на парне точно на вешалке.

Юноша все время смотрел в пол, а когда они остановились у разрезанного пулей стола, отвел взгляд подальше от трупа старика, плотно сжав губы, словно боялся всех здесь присутствующих.

Бармен взял его за руку, но парень не отреагировал.

– Ты пойдешь с этим человеком, он присмотрит за тобой, – мутант глядел на юношу, но тот отводил взгляд. Его худая, подобно крысиной лапке рука, так и стремилась вырваться из грубой и покрытой кровью ладони мутанта.

Мужчина слегка подтолкнул его в сторону палача, но юноша, сделав шаг, замер.

Он исподлобья взглянул на палача, и священник увидел, что это и вправду сын Джаггернаута. Его пугливые глаза горели подобно солнцам. Парень вновь опустил взгляд в пол и дошел оставшееся расстояние с такой покорностью, словно его с самого рождения готовили отдаться в руки врагу.

– Касательно того, что должно произойти, – сказал священник, когда парень оказался подле него. – Вам ведь известно, о чем говорил Джаггернаут?

– Да, – бармен дрожащей рукой вынул платок из брюк и вытер лицо.

«Вот оно», – подумал священник и еле подавил желание улыбнуться. Видимо, он еще не испортил все окончательно, и в нем вспыхнула новая надежда.

– Я хотел бы знать, что грозит человечеству, – сказал Каин.

– Боюсь, этого я вам не скажу, – консильери бросил платок на пол. – Могу только сказать, что через два года вам нужно оказаться на кладбище за городом. Там вы все и узнаете.

– Нужно? – недоумевая, спросил палач. – Это еще одно условие нашей сделки?

– Нет, но если вы хотите что-то узнать, то это необходимо.

Упырь протянул руки вверх. Подручные мутанты подхватили его и поставили на ноги. Плачущий мальчик остался на полу, сжимая в своих объятиях мертвого старика. Лицо его лоснилось от слез, что капали с подбородка на бежевый пиджак Джаггернаута.

– Вам пора уходить, – сказал консьюльери, не давая священника возможности задать еще вопросы.

Каин увидел, как мутанты вновь обратили к нему свои взгляды. Вновь в свете ламп засверкали клинки.

– Хорошо, – пытаюсь подняться, ответил он.

Каин почувствовал, как кто-то подхватил его под руку. Девушка, не глядя на палача, закинула его руку себе на плечо и помогла подняться. Мальчик все также стоял рядом и смотрел в пол.

– Идем, – сказал он ему, разворачиваясь к выходу.

Палач думал, что сейчас ему в спину вонзятся два клинка, но у него не было возможности обернуться, а даже если бы и была, он все равно не смог бы ничего сделать, кроме того, как распластаться на полу.

– Спасибо, – Каин обернулся к бледному лицу девушки и увидел, как она отвела взгляд.

«Значит она все-таки презирает меня», – палач опустил голову, размышляя о том, как он объяснит Железной Деве появление с ним двух спутников, но его размышления прервал тихий голос:

– Спасибо, что спасли меня, – прошептала девушка, все также пряча взгляд.

Каин улыбнулся, но не посмотрел на неё, дабы лишний раз не смущать. Какая-то светлая, почти детская радость поселилась в его сознании, и ему вдруг стало неважно, что говорить Железной Деве.

Так, втроем, они вышли из «Гробовщика», гонимые взглядами мутантов.

– Мы ведь отомстим? – прошипел мальчик, впиваясь острым взглядом в спину уходящего священника.

Один из телохранителей поднял трубку Джаггернаута и передал её бармену. Тот придавил еще дымящийся табак, и через несколько глубоких вдохов раскурил. Горечь травы обожгла губы, а запах пепла наполнил ноздри. На таком близком расстоянии от глаз, дым казался огромным змеем, идущим от всепожирающего пожара.

– Отомстим, – упырь выдохнул дым и посмотрел на порог бара, за которым слышались далекие шаги. – Как только она придет.

2-й круг

Броневи́к ревел, вскакивая на выбоинах и с грохотом падая обратно на землю. Некогда ровная и, как тогда считали, крепкая дорога за век превратилась в разрозненные куски асфальта, торчавшие во все стороны, подобно скалам в море. Хоть каждая кочка и выбоина подбрасывала машину, намереваясь свести ее в кювет, палач продолжал жать на педаль газа. Когда он переключал скорости, из-за нехватки руки, ему приходилось держать руль коленями и единственной целой кистью быстро дергать рычаг, отчего машину бросало из стороны в сторону. Порой, когда гроб слишком сильно бился о крышу броневика, а карабины, удерживающие его, надрывно скрипели, норовя сломаться, Каин все-таки слегка сбавлял скорость.

«Пожалуйста, будь в соборе. Пожалуйста, оставайся там».

Перед лобовым стеклом, точно мухи, мелькали разбитые пласты асфальта. Через несколько секунд над дорогой возникли две светящиеся точки, за пару мгновений превратившиеся в летящие вперед шары. Свет фар от броневика палача вырвал из мглы мчащийся навстречу грузовик. Каин рванул руль влево. Машина резко накренилась, и грузовик, просвистев в паре сантиметров от броневика, остался где-то позади. Священник с трудом вырулил обратно на центр дороги.

«Будь там. Будь там».

Машина подъехала к городской стене. В свете прожекторов на ее вершине блестела мокрая от дождя колючая проволока. Солдаты в сырых пулеметных гнездах кутались в дождевики и хмурыми взглядами искоса следили за машиной палача. Бусинки дождевой воды покрывали их широкие каски. С ног до головы забрызганный грязью контроллер, поскальзываясь на размытой дороге, проверял грузовики, что колонной выезжали за ворота. Мрачные солдаты грустно и испуганно смотрели из машин назад в город, точно надеясь, что их отзовут и не отправят к взорванным воротам.

Палач сигнализировал грузовикам, крепко стискивая зубы. Рука так сильно сжимала руль, что перчатка, растянувшаяся на костяшках, скрипела. Броневи́к ревел, норовя въехать в ворота, но не трогался с места, пропуская ленивые качающиеся машины. Каин смотрел в небо перед собой, пытаясь думать о чем-нибудь кроме Аши, но даже сотни желтых огней и лучей, недвижно повисших среди мрака, не привлекали его внимания. Если бы священник не знал, что эти парящие в воздухе шары света были прожекторами на спрятавшихся во мраке зданиях, то, может быть, смог бы удивиться.

Как только броневи́к проехал за стены, над ним тут же нависли гиганты, сотворенные из железа и бетона. Мрачные, уходящие во мрак здания срастались друг с другом водопроводными трубами и высоковольтными кабелями. Они были увешаны фонарями и прожекторами, изъедены ссадинами и дырами. Они стонали на ветру и с каждым годом стонали все тяжелее и мощнее, потому что некому было залечивать их раны. Великаны медленно угасали, склонялись над дорогой и сыпались себе под ноги.

В темноте возник громадный силуэт. Очертания его башен и стен были настолько огромными, что палач не мог разглядеть всю постройку через лобовое стекло автомобиля. Исполинская тень напоминала скалу, растущую в небо прямо посреди города. Выступивший из мрака исполин горожане называли собором апостола Петра.

Броневи́к промчался через внешние ворота. Прямо перед ним предстала огромная крепость, окруженная заминированным пустырем. Если бы Каин не видел возведение собора собственными глазами, то решил бы, что его воздвигли великаны, и все равно даже для них он бы получился слишком большой. Стены и башни уходили так высоко, что священник не видел их вершин. Мощное основание, составленное из огромных блоков бетона, покрывали сотни

стальных пластин. На стенах, точно наросты, чернели зенитные гнезда. Легкий пар струился из пулеметных дотов у самого подножия крепости.

Машина, визжа шинами, остановилась у входа. Ноги священника застучали по каменной лестнице, и вскоре он оказался перед широкими титановыми воротами. Гидравлические замки, точно стальные лапы огромного насекомого, удерживали двери закрытыми.

По обе стороны от ворот располагались зенитные гнезда, состоящие из башен танков, бетонных блоков и стальных листов. Под торчащими во все стороны дулами виднелись лица солдат. Возле ворот, заломив руки за спиной, расхаживал коренастый священник в длинном кожаном плаще и с автоматом через плечо. Его лысая голова, наполовину изуродованная давним ожогом, обернулась к поднимающемуся юноше. Толстые губы расплылись в улыбке.

– Палач, – воскликнул он, раскрывая объятия для идущего навстречу священника. – Рад, что ты не поперся к воротам!

«Не особо и хотелось».

Каин спрятал культю под плащ. Целой рукой он обнял мужчину и тут же ощутил, как крепкие руки отца Кейна сдавили ребра. Тот даже оторвал его от земли.

– Тебя уже обыскались, – сказал священник, опуская Каина обратно. – Железная Дева ждет.

– Что-то известно? – спросил юноша, бросая взгляды на титановые ворота за спиной Кейна. Где-то за ними должна была быть Аша, по крайней мере, палач на это надеялся.

– Ничего не знаю. Может, госпоже что-то и известно, да только мне никто ничего не говорил, да и я, как видишь, – отец Кейн окинул рукой зенитные гнезда позади. – Вахтерша, одним словом.

Каин посмотрел священнику в глаза, и лицо мужчины вдруг потеряло улыбку.

– А Аша здесь? Авель?

– Аша здесь. Авеля не видел, – Отец Кейн вдруг расплылся в лукавой улыбке.

Каин позволил себе громко выдохнуть. Напряжение, что стискивало его сердце всю дорогу сюда, наконец-то исчезло.

Тяжелая рука отца Кейна упала на плечо юноши.

– Иди. Не знаю, что могло произойти, но уверен, что без тебя в этом чертовом бардаке не разберутся. Дева в склепе.

Каин кивнул и направился к воротам, но в последний момент остановился и обернулся.

– Кейн, на машине ящики...

– Разгрузим, – махнул через плечо священник. – Ты давай уже, вали отсюда!

Через несколько мгновений огромные титановые ворота, издавая надрывный стон, открылись, и поток тепла обдал лицо юноши. Палач, придерживая развивающийся от сквозняка широкий капюшон, вошел внутрь.

Вдоль просторного зала тянулись огромные колонны из черного мрамора, державшие на себе весь исполинский массив собора. Место, в котором они соединялись с потолком, скрывала густая тень. Палач быстро направился меж их рядов, взглядом провожая свое отражение в красном мраморе на стенах. На священника на каждом шагу с громадных голографических полотен смотрели лики святых. Именно они и служили источником света в зале.

Некоторых из них Каин знал. Николай Чудотворец, Афанасий Великий, Иоанн Златоуст. После же начинались предыдущие главы церкви в их красных одеяниях. Не то чтобы юноша их не признавал; каждый из них был больше военным, чем верующим, а потому палач считал, что им не место с остальными святыми. Порой ему казалось, что лучше бы военное дело вообще никак не пересекалось с верой. Но что он мог сделать, если так уже сложилось?

Здесь вся красота собора и заканчивалась, а дальше начинались длинные и узкие туннели из железа и бетона. Настоящий собор был куда огромнее, чем могли себе представить жители города, когда смотрели на крепость с улиц. Настоящий собор скрывался под землей, вырытый

в тоннах камня, и состоящий из тысяч коридоров, залов, комнат и лабораторий. И почти все они сейчас пустовали.

«Значит госпожа уже распорядилась и отправила всех к воротам», – заключил Каин, сбегая по железным ступеням винтовой лестницы, уходящей глубоко в землю.

Перед взором на стенах замелькали тени, а вскоре перед палачом появился и небольшой каменный свод, ведущий в склеп. Белый прямоугольник света лег на плащ священника, и с каждым новым его шагом полз все выше, пока тонкой полосой не остановился на шее. Каин замер у порога.

Внутри все было залито светом. Он исходил от напоминавшей круглое мозаичное окно голограммы, висевшей на стене напротив. Прямо под ней, словно большое черное пятно, покоился массивный ящик из черного мрамора. По его краям тянулись золотые узоры, что в свете окна создавали вокруг ящика желтый ореол. Перед ним, стоя на коленях, молилась женщина. Ее красный плащ складками спускался на гранитный пол вместе с широкими рукавами, из которых к ящику тянулись две ладони. Одна небольшая, совсем миниатюрная в белой перчатке, и вторая, большая, словно мужская, в черной. По низу одеяния и по плечам ползли золотистые и серебряные узоры в виде роз. На спине в огромном белом кругу переливался бликами синий крест, а из-под широкой, размеров с зонтик, красной шляпы, до самого пола спадали русые волосы.

Рядом с ней, опираясь на винтовку как на посох, стоял один из рыцарей церкви. Его длинные черные волосы лежали на широкой спине.

Палач сделал шаг внутрь и тут же заметил по бокам еще двух священников. Они тут же обернулись. Один даже успел что-то вытащить из-под плаща, но замер, вглядываясь в лицо юноши.

– Каин? – палач обернулся. Перед ним стоял лысый мужчина с густыми усами и глазами цвета меда, что прятал руку в плаще.

– И правда, это наш мальчик, – весело сказал второй священник с длинными, слегка кудрявыми черными волосами, тонкими усами и короткой бородкой. Его зеленые глаза улыбались.

– Отец Локар, отец Пут, – радостно воскликнул палач и тут же оказался в крепких объятиях мужчин. Культия чуть не показалась из-под плаща, – Я рад вас видеть.

Священник, стоявший возле женщины, обернулся. Ярко-зеленые глаза встретились со взглядом юноши.

– Отец Каин, неужели вы все еще живы? – мужчина легким движением перекинул через спину массивную винтовку, словно она была пушинка, и быстро зашагал к гостю.

– А разве я должен был умереть? – с улыбкой спросил палач, выбираясь из объятий священников и делая шаг навстречу.

Мужчины крепко обнялись. Отец Рине закрыл глаза и громко, словно с облегчением, вздохнул.

– Ты уже знаешь? – шепотом спросил Каин.

Священник слегка кивнул и, выпустив юношу из объятий, потрепал его по плечу.

– Я рад, что ты цел.

«Частично цел», – подумал про себя палач. Такие травмы случались у него часто, но легче их переносить от этого не становилось.

Отец Рине обернулся.

– Госпожа, я могу идти?

Женщина слабо кивнула, не отрываясь от своей молитвы.

– Куда ты? – спросил Каин. Целая кисть крепко сжала ладонь Рине на своем плече. – Тебя отправили к воротам?

– В Муравейник. Госпожа думает, что удар нанесут именно туда, – Рине ласково взглянул на юношу. – Не беспокойся ты так, ты же меня знаешь. Беда обходит меня стороной.

– Потому что мой брат ее уже достал, – усмехнулся отец Локар, глядя зелеными глазами на Каина.

– Что есть, то есть, – с улыбкой пожал плечами Рине. – Но на этот раз я вовсе не желаю ее искать.

– А как же вы? – спросил Каин, оборачиваясь к отцу Путу.

– Мы с Локаром остаемся здесь для защиты собора, – лицо священника было серьезным как обычно. Улыбался он редко, но часто шурил глаза, отчего вокруг век и образовалась целая цепь морщин.

– Это хорошо, – ответил Каин.

– Позаботься о моем братце, – сказал Рине, обращаясь к палачу.

– Какой заботливый, – усмехнулся Локар.

Отец Каин кивнул и отпустил руку священника.

– До встречи, друг, – Рине непринужденно улыбнулся и скрылся в лестничном пролете.

– Скоро увидимся, – сказал Локар и отправился за братом.

Каин смотрел им вслед, а сердце слегка покалывало невидимыми иголками. Поводов переживать у него прибавилось. Вот так и жили священники: беспризорником тебя забирала церковь, учила убивать и верить, давала сан, оружие и отправляла бороться с мутантами, пока на одном из заданий тебя не убивал изголодавшийся упырь. Смерть среди священников была обычным делом.

Отец Пут посмотрел на палача, и юноша уловил в его взгляде беспокойство.

«Тоже нервничает?»

Каин постарался улыбнуться, но вышло это слишком фальшиво и криво. Все мысли в данный момент были о том, как бы поскорее увидеть Ашу и Авеля. А самое главное – убедиться, что они останутся в соборе.

Отец Пут, не говоря ни слова, вышел из комнаты.

Каин посмотрел вслед, пытаясь понять что же так сильно волновало священника. Его поведение, конечно, можно было списать на произошедшее, но что-то во взгляде старика было еще. Что-то обращенное лично к нему.

– Госпожа, – юноша развернулся, преклонил колени и опустил голову, – я вернулся.

– Рассказывай, – не оборачиваясь, сказала женщина. Голос ее звучал холодно и строго.

Юноша вздохнул и рассказал о своей встрече с упырем на кладбище. Рассказал и про гроб, который тому поручили достать, и про свои сомнения относительно связи этого теракта и банд Джаггернаута. Все время, пока священник рассказывал, его взгляд не отрывался от пола. Когда рассказ подошел к печати ведьмы, Каин искоса посмотрел на Железную Деву, желая увидеть ее реакцию, но женщина совсем не подала виду. Даже когда юноша рассказал о черном огне и о своем предположении, что ведьма вдобавок является и немезисом, она даже не шевельнулась.

– Ты привез гроб? – спросила Дева, когда он закончил.

– Да.

– Хорошо, – женщина отняла руки от ящика и, поднявшись, повернулась к палачу.

На Каина опустился сильный и волевой взгляд холодных серых глаз. Под широкой красной мантией женщины скрывалась серая жилетка и длинный черный галстук поверх идеально гладкой белой рубашки. Русые волосы растекались по плечам и спадали на мальчишечью грудь, на которой покоился стальной крест. Узкий маленький подбородок пускал тень на тонкую шею, бледные губы были плотно сжаты, а по бокам кривыми линиями выступали скулы. Все черты лица выдавали молодость Железной Девы, однако глаза, почти равнодушные, жесткие, обдающие холодом, казалось, принадлежали не ей, а человеку, прожившему не одну жизнь.

– Чей это труп? – спросила она, глядя сверху вниз на палача.

– Мне неизвестно. Не было времени осмотреть. Как только увидел взрыв, отправился сюда.

– Ты уверен, что немезис может создавать «черный огонь»?

– Скорее всего, да, – палач не мог знать наверняка. Он знал только о демонах, но с немезисом сталкивался впервые. – Иначе ему неоткуда здесь взяться. Так как демоны не способны проникнуть под купол, можно предположить, что в городе есть немезис, и он может использовать «черный огонь».

– Немезис доктора Ворденклифа не способен его создавать. Почему это не может быть просто ведьма, что запечатала огонь за куполом и принесла его сюда?

При упоминании немезиса Ворденклифа Каин нахмурился. Одна только мысль об этом существе и о том, что церковь скрывает его в недрах собора, заставляла юношу чувствовать себя грязным. Словно это он притащил его в крепость и запер под землей, а не убил, как следует поступать со всеми подобными тварями.

– Я считаю, что немезис, проникнувший на территорию Человечества, не искусственный, а полученный природным путем. Его возможности могут сильно отличаться от образца созданного искусственно.

Женщина нахмурилась, а во взгляде появилась доля отвращения.

– Хочешь сказать, что где-то за куполом человек совокупился с демоном?

Палач слышал о подобных примерах, но достоверная информация по этому поводу затерялась еще в средневековье. С точки зрения физиологии это было возможно.

– Получается, что так. Боюсь, что доктор Ворденклиф упоминал о подобных случаях. Может быть, это его рук дело. Ведь мы не знаем наверняка, чем еще он занимался.

Женщина на секунду задумалась. Каин видел, какое отвращение в ней вызвала сама идея скрещивания человека с демоном. Его самого коробило, когда он представлял, как женщина ложится под огромное и безобразное чудовище, а безобразнее демонов священник не видел ничего.

– Нет смысла гадать, пока мы не встретимся с ним, – наконец ответила Железная Дева. – Способен ли немезис пройти через купол?

– Думаю, что да, – священнику вдруг показалось, что женщина пыталась отбросить вариант с немезисом. Он прекрасно понимал ее стремление. Появление ведьмы, которая является еще и гибридом человека и демона, это настоящая катастрофа. Если предыдущая ведьма сорок лет назад почти победила церковь и была близка к уничтожению собора, то что и говорить про ведьму-немезиса.

– По крайней мере, – продолжил священник, – пока его организм еще молод. Это, конечно же, просто предположения, если основываться на знании физиологии демонов. Мы мало знаем о немезисах, тем более, что образец доктора Ворденклифа, по его собственным словам, получился дефектным. Что работает с этим, может не работать с другим.

Дева на мгновение задумалась.

– Как сложно поймать это существо?

– Поймать? – поперхнулся палач и вытаращился на женщину. – Вы имели в виду поймать и уничтожить?

Железная Дева искоса посмотрела на священника.

– Нет.

Каин тут же вскочил на ноги, забыв, с кем говорит. Широко раскрытые глаза с мольбой посмотрели на госпожу.

– Вы не понимаете, о чем говорите! Это существо гораздо сильнее, чем вам кажется! Вы разве не помните предыдущую войну с ведьмой? Пытаться поймать ее тоже самое, что пытаться картонной коробкой остановить гранату! Неужели вы готовы угробить целый город, ради того, чтобы иметь у себя еще один образец для изучения? Вы даже...

Каин хотел было продолжить, но тут же споткнулся, заметив на себе свирепый и острый взгляд женщины. Уголок ее рта подрагивал от злости. Холодные глаза давили, точно глыба камня, и палач пугливо отвел взгляд. Он вдруг осознал, что стоит на ногах, и тут же покорно упал на землю, коснувшись лбом плит.

– Прощу меня простить. Я только...

– Молчи! – приказала Дева, и палач тут же замолчал, затаив дыхание. Он чувствовал затылком жесткий взгляд женщины, ожидая, что сейчас на его голову обрушится каблук.

– Она нужна не для этих целей, – слышался раздраженный голос Девы. – Мы должны допросить ее. Я думаю, что взрыв ворот и теракт на кладбище – часть одного плана, за которым стоит немезис. Мы толком не знаем, чего она хочет достичь и каким образом. Тем более, у нее есть сообщники. Нельзя убивать ее, пока мы не будем уверены, что ее последователи не продолжат план за нее.

– Госпожа, – голос Каина был тихим и осторожным, – простите мне мою дерзость, но я все-таки уверен, что поимка этого существа – самоубийство для города. Прощу, одумайтесь. Я сам найду всех ее сообщников, только перемените решение.

Палач зажмурил глаза, на этот раз точно ожидая удар в затылок. Но это было всяко лучше, чем уничтожение всего города.

– Нет, – вместо головы палача, каблуки застучали по мрамору. Каин осторожно приподнял голову, наблюдая за Девой.

– Может, ты не знаешь, – продолжила она, стоя к священнику спиной, – но на территорию человечества проникли мутанты. И не просто мутанты, а целая подготовленная и организованная группа. Полагаю, они ждали снаружи, – глаза палача округлились, – Стража убита. Взрыв уничтожил камеры наблюдения. Разведка прибыла на место, но ничего, кроме следов от шин, не осталось. Предположительно, пять-шесть грузовых машин. Мы пока не сумели их обнаружить, отряды прочесывают пустыню.

Железная Дева развернулась к черному ящику. Ладонь в белой перчатке коснулась золотистого ореола вокруг мраморного куба, и желтые узоры побежали по руке.

– Я отправила несколько гарнизонов в Муравейник. Если слова Джаггернаута были правдой, то они должны напасть туда.

– Сколько священников вы отправили? – поинтересовался Каин, не поднимая головы.

– Пятнадцать в Муравейник, еще пятнадцать в пустыню, пять к воротам и четырнадцать остались в соборе.

«Если Дева оставила так много священников в соборе, значит она не исключает, что мутанты могут напасть и на город», – подумал палач.

– В случае нападения на Муравейник, – продолжила женщина, – такого количества будет достаточно, чтобы протянуть время и дожидаться подкрепления. Командует отец Рине. Я не могу разбрасываться священниками, когда враг находится неизвестно где. Тем более... – Железная Дева вдруг замолчала.

– Тем более? – поднял голову палач.

– Тем более, твое кладбище было не единственным, на которое заявились мутанты. Остальные три тоже были разорены. Мы еще подсчитываем количество украденных тел.

– Остальные три? – юноша невольно вытащил культу из-под плаща.

– Да, – ответила женщина. – Догадайся, кто спас северное кладбище от разорения?

– Кто?

– Ваш воспитанник.

Священник широко раскрыл глаза.

– Авель?

Женщина кивнула.

– Где он сейчас? – резко спросил Каин, – Он в соборе?

– Да. И он дожидается тебя. Вы отправитесь на задание вместе.

– У вас уже есть план?

Священник и не сомневался, что госпожа, только выслушав его доклад, смогла тут же разработать план действий.

– Пока не полный, – ответила Дева. – Заклинание должно дать больше деталей относительно намерений мутантов. Я уверена, что разорение кладбищ и атака ворот связаны.

До слуха священника донеслись металлические щелчки, что исходили от правого кулака Железной Девы. Женщина подняла руку и постаралась разжать пальцы. Те, словно пораженные судорогой, слегка приподнялись, издавая прерывистое жужжание, и остановились. Другая рука помогла им выпрямиться, после чего Дева подцепила черную перчатку на кончике одного из пальцев и сняла её. В ярком свете лампы, пуская по своей гладкой поверхности радужные блики, заблестела стальная рука.

При одном взгляде на протез, палач тут же вспомнил одну из причин, по которой его госпожу прозвали Железной Девой.

– Как его навыки? – при виде металлической руки женщины, Каин тут же вспомнил про свою культю и спрятал обрубок поглубже в плащ.

– Можешь, не прятать, – равнодушно сказала Дева, открутив протез от платформы на сгибе локтя. – Авель делает большие успехи. Рим как всегда рад вести с ним переговоры. Теперь срок постройки туннеля стал еще ближе.

Священник смутился, при упоминании о его культе. Несмотря на слова Девы, вытаскивать свой обрубок он не стал. Срез на руке начал сильно чесаться, и юноша уже ощущал маленькие пальчики, что подобно зубам новорожденного, пробивались сквозь запекающуюся корку. Обычно новая рука отрастала за сутки, но пользоваться ей можно было уже часов через шесть, как только детские пальцы начинали сгибаться и разгибаться.

– Как его отношение к Риму? – спросил Каин. – Мне кажется, с каждым своим визитом он все больше склоняется на их сторону. Кардинал активно сманивает Авеля к себе. Авель всегда был сторонником жестких мер, и в этом мы уступаем Риму.

– Здесь его дом, – возразила Дева. Поставив протез на ящик, двумя пальцами она начала регулировать гидравлический винт у локтя. – Мы вырастили его. Дали все, что он имеет. Тем более, вы двое очень сильно сдружились.

Отец Каин внимательно посмотрел на госпожу. Ему очень хотелось отыскать другие обходные пути, чтобы убедить женщину пересмотреть свои взгляды относительно мутантов. Наверное, она понимала, к чему клонит священник, но палач все равно не хотел останавливаться.

Женщина, закончив с протезом, обернулась к палачу, и увидев его уставленный в одну точку взгляд, сказала:

– Я не буду проводить чистку в Муравейнике, Каин.

– Я не это хотел сказать, – сконфузился палач, но осознав, что оправдываться бесполезно, продолжил. – Вы ведь знаете, что антицерковное движение продолжает расти. Люди недовольны таким обходительным отношением к мутантам. Оппозиция распространяет слухи, что церковь в сговоре с бандами и позволяет тем питаться людьми.

Железная Дева поставила протез обратно на платформу и закрутила стальную руку до щелчка. Железные пальцы один за другим, уже беззвучно, сжались в кулак.

– Каин, – тихо начала она, и палач захотел вжать голову в плечи. Когда госпожа начинала говорить тихо, это означало, что её терпение на исходе. – Если ты еще раз попытаешься убедить меня изменить мое решение, то тебя накажут. Этот город – мой. Кто бы что не говорил – мне все равно. Горожане ничего не знают о том, как правильно править городом. Я буду делать так, как считаю нужным.

– Простите... – в мыслях возникла картина: железная рука госпожи простирается над городом, заключая его в купол из пальцев. Желание перечить и настаивать на своем пропало. До следующего раза.

– Когда я смогу приступить к своему заданию? – спросил священник.

– Прямо сейчас.

Отец Каин услышал за спиной легкие шаги, спускающиеся по железным ступенькам. Он обернулся и уже через секунду, позабыв об всем, радостно вскочил на ноги.

Первыми из тени свода показались высокие белые зашнурованные ботинки, с несколькими каплями грязи на носках. Прямоугольник света пополз вверх по гостю, и священник увидел облегающий юношу белый камзол. На воротнике, до которого едва доставали два локона белых волос, с обеих сторон переливались вышивки в виде крыльев. За спиной на голубом ремне висел длинный медный посох. Еще один шаг, и на самой границе тени сверкнули голубые глаза. Губы гостя слегка дрогнули, точно пытаюсь скрыть улыбку, но когда юноша наконец-то вошел в комнату, он не сдержался и, улыбаясь, бросился к священнику.

– Привет, Авель, – радостно воскликнул палач и развел в стороны руки. Он изо всех сил обнял юношу. Родной запах ударил в нос, а мягкие волосы парня защекотали щеку. Каин наконец-то успокоился. Его воспитанник, которого он растил все восемнадцать лет, был дома. – Я рад тебя видеть.

– И я рад вас видеть, – ответил юноша, не переставая улыбаться.

Они отстранились и оглядели друг друга с ног до головы, пытаюсь увидеть что же изменилось за время, пока они были в разлуке.

– Я вижу, вы двое изголодались по общению, – вмешалась Железная Дева, глядя на наставника и его ученика. – Поговорите потом. Определите, кому принадлежат эти тела, а потом зайдите в архив. Я сообщу им о заклинании.

Юноши откланялись и поспешили на выход.

– Ну как ты? – осторожно спросил Каин, глядя в спину юноши. Каждый раз, когда Авель возвращался с переговоров, палачу было трудно начать с ним диалог. Страх, что вернувшийся Серафим уже не тот, каким он его знал, заставлял священника осторожничать.

Авель смотрел вперед, словно полностью поглощенный порученным заданием, но палач видел его улыбку. Когда Каин отводил взгляд, он замечал, что юноша не упускал случая обернуться и мельком посмотреть на него.

– Прекрасно, – ответил парень через плечо.

Они вышли в просторную комнату крематория. Здесь сжигали тела казненных мутантов. Вдоль широкой стены стояло пять печей. Их дверцы, подобно мощным стальным челюстям, открывались вверх и вниз, обнажая глубокие черные глотки полные пепла. Из металлических ртов, словно языки, высывались два стола, на которых лежали почерневшие от времени скелеты.

– Кардинал назвал меня своим лучшим другом, – продолжил Авель, остановившись у одного из столов. – Правда, до сих пор не отпускает меня одного гулять по городу.

Улыбка исчезла с лица палача. Разговор перешел на неприятную тему.

Каин остановился за спиной юноши и только сейчас заметил, что под белый камзол Авеля уходил хвост белых волос.

– Ты отрастил себе волосы? – священник не придал бы этому большого внимания, если бы ему не странный факт, что юноша прятал их под одеждой.

– Да, – парень смущенно улынулся. – У его святейшества такие же. Не знаю почему, но они мне понравились.

Палач нахмурился.

– Начнем? – спросил Авель, словно пытаюсь уйти от темы. Он уже было сложил руки над останками, как вдруг замешкался и добавил: – Никто в соборе не говорил обо мне за это время?

– Что именно?

– Вообще что-нибудь.

Каин посмотрел на юношу. Авель стоял к нему боком и безразличным взглядом смотрел в одну точку.

– Ты встретил Пута, Локара и Рине? – спросил священник. – Вы говорили?

– Нет, – тут же ответил Авель. – Я с ними поздоровался, но ответил только отец Рине. Я подумал, может, кто-то что-то говорил.

– Нет. Ничего.

– Ладно, – ответил тихо Авель и вновь посмотрел на останки.

Каин вдруг ощутил неловкость. Священнику казалось, словно это его вина, что остальные избегают парня. Он уже было хотел заговорить об этом, но Авель уже сложил руки над скелетом.

– Начинаю.

Глаза юноши закрылись, и все его тело разом окаменело. Грудь перестала подниматься, спрятав в себе вдох.

Палач стоял за спиной и наблюдал за процессом сканирования. Прошлый раз на анализ тела у Авеля ушло больше пяти минут, и после него юноша так сильно ослаб, что еле стоял на ногах.

Каин почувствовал зуд в культе и вынул ее из-под складок плаща. Под черным рукавом показались крохотные младенческие пальчики.

«Растет», – подумал он и снова посмотрел на Авеля.

Юноша разомкнул руки и открыл глаза.

– Скорее всего, это Т-человек, – Авель коснулся почерневших костей. – Много убийств. Очень сильный физически.

Палач приложил целую руку к подбородку и задумался. Из огромного списка тех Т-людей, которых он казнил, подходящих под это описание не было.

– Можешь сказать о нем что-нибудь еще?

Авель кивнул и снова сложил руки, но на этот раз поместил ладони внутрь почерневшей грудной клетки. Лицо поднялось к потолку, и голубые глаза, подрагивая, закатились.

Несколько секунд царило молчание.

– У него был сын, – раздался голос Авеля. Он звучал приглушенно, словно каждое слово давалось юноше с трудом. – Очень переживал за него. Умер старым. Не своей смертью. В гневе.

Палач посмотрел в пол, пытаясь привязать новые подробности к уже существующим, и вдруг перед его мысленным взором предстало лицо с желтыми, полными ненависти глазами. Каин вытаращился на полусгнившие кости, поражаясь тому, как все необычно складывалось.

Он положил руку на плечо Авеля.

– Достаточно. Это Джаггернаут.

Юноша обернулся к священнику и устало кивнул. У следующего стола он вновь закрыл глаза и простер руки над останками.

– Мутант с рождения. Не обращенный. Не было близких. Никого не убивал.

– Как он умер?

Юноша сомкнул пальцы вокруг кости, и вдруг его тело содрогнулось, как от удара током. Ноги подкосились, и Авеля потянуло назад.

Палач тут же подхватил падающего парня. Авель тряхнул головой и постарался встать, держась за край стола.

– Я просто немного устал, – сказал он, переводя дыхание. – Долгая дорога. Потом бой.

Палач кивнул. Он прекрасно понимал, что дело не столько в усталости, сколько в сложности самого анализа. Будь у них больше времени, Каин бы отправил останки на экспертизу, но его было ничтожно мало.

– Я слышал, что вам удалось узнать часть заклинания, – юноша выпрямился и убрал руки от стола, но его все равно слегка покачивало.

– Да, Железная Дева уже отправила отрывок в отдел анализа.

Они оба замолчали. Авель смотрел на останки, все еще дрожа от слабости. Палач же опустил глаза в пол. В мыслях крутился вопрос, который он уже давно хотел задать, но все не решался.

– Так тебе нравится в Риме? – выпалил он и беспокойно посмотрел на юношу.

Авель слегка улыбнулся.

– Хороший город. Жители очень набожны, чего нам сильно не хватает. Мне это близко. Если вы, конечно, понимаете.

– А ты знаешь, чего стоит их набожность? Их диктатура просто не допускает неверия. Кардинал подавляет любое инакомыслие и очень жестокими способами. У них ведь даже нет оппозиции.

– А нам оппозиция принесла что-нибудь кроме смуты? – возразил Серафим. – Лучше, когда всем заправляет одна сила. В истории человечества полно примеров, когда сильная и суровая власть приводила свой народ к процветанию. У них нет таких антирелигиозных движений, как у нас.

– Потому что таких в Риме казнят, – нахмурился палач. – Если бы я служил инквизиции, то поверь, на нехватку работы я бы не жаловался. Их власть строится на страхе и трупах тех, кто с ней не согласен. Оппозиция у них существует, правда она вся сейчас зарыта в земле, если только их кости не растаскивают чумные крысы в канализации.

– Перестаньте, – голос Авеля стал твердым, и палач невольно поежился. Юноша смотрел на него с упреком. – Даже если так, то, по крайней мере, в Риме безопаснее, чем у нас. Если Бог вернется на Землю, то заслуга в этом будет принадлежать только Риму.

– Может, оно и так. Но мы боремся за его возвращение более человеческими путями, нежели они.

– И никогда не достигнем цели. Нет смысла от нашей человечности, если она не приносит результатов.

Отец Каин широко раскрыл глаза. Священник уже был готов поверить, что его худшие опасения подтверждаются. Но больше его пугало другое – он не мог ничего противопоставить словам Авеля.

– Отец Каин, – юноша вдруг смягчился в лице и слабо улыбнулся, – мы встретились после долгой разлуки, а вы пытаетесь поссориться из-за политических дел? Разве так встречают своего ученика?

Палач занес здоровую руку за голову, отвел виноватый взгляд и смущенно улыбнулся.

– И вправду. Что-то все происходящее стало на меня сильно давить. Надеюсь, что когда все закончится, мы сможем с тобой спокойно поговорить обо всем.

Юноша улыбнулся и кивнул.

Отдел анализа представлял собой сеть подземных коридоров с несколькими пересекающимися между собой комнатами. Однако все, кто не имел специального допуска, не могли пройти дальше приемной.

Интерьер приемной обдавал прошлым. Высокий потолок из зеленой плитки обрамляли резные деревянные плинтуса. С портретов на багровых стенах на Каина и Авеля смотрели предыдущие наместники Бога, служившие еще до Судного Дня. В противоположной от входа

стене была вмонтирована толстая титановая дверь на уродливо огромных петлях, а слева от нее белело окошко, из которого на вошедших смотрело широкое лицо контролера.

Авель и Каин сели на диван, стоявший сбоку у стены. Спустя несколько минут титановая дверь открылась, и в приемную хлынули потоки белого света. Из коридора, обшитого хромированными стальными листами, вышел сутулый седой мужчина с легкой щетиной на лице. Под круглыми стеклами очков зеленели веселые глаза. В руках он держал небольшую папку.

Мужчина сел на диван напротив и, достав пачку сигарет из нагрудного кармана, протянул ее гостям.

– Нет, спасибо, – холодно ответил Авель. Отец Каин же с радостью взял сигарету, хотя ему и пришлось попросить о помощи, чтобы прикурить ее одной рукой.

– Итак, – сказал он, облокачиваясь на спинку дивана, – удалось узнать, что за заклинание собираются использовать террористы? Думаю, если вы лично решили вылезти из своего подземелья, то у вас есть кое-что интересное.

Мужчина слегка улыбнулся.

– Да, – прохрипел он. – Довольно необычная штука. Странно, что мутанты рассчитывают его использовать, если они, конечно, не фанатики. Заклинание, по идее, очень мощное, а учитывая, что девяносто семь процентов заклинаний, существовавших до Судного Дня, были фальшивками, то вероятность, что оно работает, ничтожно мала.

– Ну, это мы уже сами разберемся, – улыбнулся палач. – Рассказывайте. Нам не терпится.

– Если коротко, – мужчина расположился на диване поудобнее, – заклинание называется «Метатрон», в честь архангела-писца Бога. Заклинание пришло из Салема, а заклинания оттуда, как вы сами знаете, отличаются качеством. Хотя, я все равно уверен, что оно не работает. Сведений о нем ничтожно мало, а формулировки самого процесса написаны очень туманно. Заклинание открывает «Глаз Ада», но что такое глаз Ада, как это работает, я без понятия. Для самого заклинания нужны тринадцать существ: василиск, ведьма, разрушитель, монстр с добрым сердцем, святой грешник, палач, ребенок с душой монстра, гибрид упыря и оборотня, демон, немезис, Святая Дева, посол Бога и ангел.

Палач резко закашлялся, чуть не поднеся маленькую руку ко рту.

– Какие легкодоступные ингредиенты, – прокряхтел он. – Все чудеса мира прям.

– Ага, – улыбнулся мужчина. – Что примечательно, неизвестно в каком состоянии нужны все эти существа. Живые, мертвые, их части или души. Хотя, мне больше интересно другое: Метатрон большей своей частью не заклинание, а, скорее, средневековая машина, в которой в качестве топлива как раз таки используются эти существа.

– Получается, они хотят собрать эту машину? – спросил Авель.

– Да, но я не уверен, что эта штука вообще будет работать. Есть частичный чертеж и он как минимум не рабочий. Мутанты, сугубо на мой взгляд, просто отчаялись и готовы верить даже в небылицы.

– Лучше не искушать судьбу, – откашлялся палач. – Раз в сто лет и палка стреляет, особенно в наше время. Если эта штука и вправду заработает, нам может быть несладко. Лучше уж предотвратить и гадать, могло ли оно сработать, чем сидеть на руинах.

– Как скажете. Все что нужно – здесь, – мужчина раздавил пальцем окурок и бросил папку на стол. – Если удастся еще что-то найти, куда отправить?

– Железной Деве, – палач взял папку со стола, потушил об стол сигарету и направился к выходу.

Авель поднялся вслед за отцом Каином, но задержался на выходе.

– Сколько из этих существ есть на планете? – спросил он, оборачиваясь к мужчине.

Заведующий улыбнулся и стал заламывать пальцы, считая про себя.

– Одиннадцать, – сказал он, загнув мизинец второй раз.

Авель нахмурился и пошел следом за палачом.

– Получается, что два тела, которые мы спасли, входят в список? – спросил Авель у отца Каина, когда они поднимались по лестнице. – Они достали одиннадцать, а эти два как раз таки недостающие?

– Не совсем, – ответил священник. – Железная Дева сказала, что была похищена почти сотня гробов, а это означает, что они толком не знали, где находятся нужные им тела, – он задумчиво посмотрел вперед. – – Джаггернаут – это разрушитель, а мутант, который никого не убивал – монстр с добрым сердцем. Не знаю, есть ли еще не убивающие мутанты, но вот разрушители...

– У Джаггернаута был сын, – закончил за него Авель.

– Верно. И сейчас он находится в Муравейнике, – тревога слегка сдавила грудь. – Один у нас, другой в Муравейнике, и без одного из них ничего не выйдет.

– Муравейник хорошо защищен. Почти как собор. У них не хватит людей.

– Тем более, Рине будет руководить обороной, – сказал Каин, и тут же поймал себя на мысли, что пытается сам себя успокоить. – Дева была права, когда послала его туда вместе с солдатами. Он справится.

Авель слегка улыбнулся, но его улыбку тут же погасил новый вопрос.

– Думаю, у них недостает не только разрушителя. Ведь Святая Дева на земле осталась только одна и это Железная Дева. Да и ангела им не достать, ведь тело Михаила находится у нас. А что касается посланника Бога, то его половина тоже находится у нас, а вторая в Риме. Это им тоже не заполучить.

– Да, полагаю так. Если они им так необходимы, боюсь, им придется напасть на город и на сам собор.

– Верно, – согласился Авель. – В списке была еще ведьма и немезис. Если ими руководит ведьма-немезис, получается, она должна будет принести себя в жертву?

Священник задумался.

– Вероятно. Ведьмы за всю историю существования купола рождались только два раза, и их тела были кремированы. Однако помимо ведьмы-немезиса может существовать и другая ведьма.

– Но ей в любом случае придется пожертвовать собой. Если она только не найдет другого немезиса.

Палач прикусил губу.

– Да, наверное.

– Подожди меня здесь, – палач положил руку на ручку двери и обернулся к Авелю. – Я скоро.

Юноша кивнул и прислонился к стене.

В кабинете Железной Девы было полно народу. Женщина сидела за широким столом, среди больших стопок бумаг, а за ее спиной и по бокам, что-то рассказывая или спрашивая, нависали офицеры церкви. Дева смотрела в бумаги безучастным взглядом и, казалось, старалась игнорировать священников.

Каин притворил за собой дверь, и женщина оторвала взгляд от бумаг.

– Джентльмены, – она подняла руку, встретившись взглядом с палачом, – на сегодня достаточно. Отправляйтесь.

Священники неодобрительно посмотрели на Каина и направились к выходу. Палач стоял с опущенной в знак почтения головой, но все равно чувствовал их тяжелые взгляды, когда они проходили мимо. Недовольный шепот шелестел за спиной.

Дверь скрипнула в последний раз, и в кабинете воцарилась тишина. Возле Железной Девы остался только генерал-протектор. Мужчина с густыми черными бакенбардами и темно-зелеными глазами также недовольно смотрел на священника.

– Все, как вы и говорили, – отец Каин опустил на колено.

– Я уже знаю. Мне отправили копию.

– Так что прикажете делать? Вы все еще планируете ловить их на живца?

– Да, – женщина сдвинула бумаги с центра стола. – Разведка до сих пор ничего не нашла. Ремонтники уже занялась воротами, а заградительный гарнизон защищает их на краю купола.

– Я сомневаюсь, что они появятся, – ответил отец Каин. – Я про мутантов. Они будут атаковать Муравейник.

– Мы знаем это, – с плохо скрываемым раздражением ответил протектор.

Отец Каин на мгновение посмотрел на него, но вновь перевел взгляд на женщину.

– Тогда почему вы отправляете меня на это задание? Было бы разумнее схватить их там во время штурма.

– Сомневаюсь, – отрезала женщина. – Я надеюсь не допустить атаки на тюрьму. Вы слишком ценная мишень, и за вами пойдут не простые мутанты.

– Тем более, – продолжил генерал. – Если ведьма-немезис так сильна, как мы полагаем, она лично явится, чтобы забрать у вас тела Джаггернаута и мутанта.

– Для них слишком велик риск, – возразил палач, и с вызовом посмотрел на мужчину. – Ради Джаггернаута и мутанта с «добрым сердцем» нападать на палача и Серафима?

– Кто сказал, что только ради них? – вмешалась Железная Дева. – Я планирую отправить с вами творение доктора Ворденклифа.

– Немезиса? – опешил палач, широко раскрыв глаза. Только он подумал о нем на лестнице, желая, чтобы его существование осталось тайной, как вдруг судьба специально сделала все наоборот. – Он же неудачный экземпляр. Разве мы можем ему вообще доверять? Тем более, с нами будет Авель. Если раскроется, что наш третий компаньон немезис, это только больше подорвет веру Серафима в наше дело. А если ведьме-немезису удастся его заполучить? Мы навсегда потеряем образец для исследований, а они обретут еще одно существо из списка. Тогда ей не придется жертвовать собой для своей машины.

– Довольно, – отрезала Дева, бросив на Каина раздраженный взгляд. – Немезис пойдет с вами. Тем более, у него есть навыки сражений. Если он попадет в руки ведьмы, ты уничтожишь его.

– Это будет проблематично, – насупился священник.

– В вашу команду я добавлю еще одного человека, – продолжила женщина, точно не слыша палача. – Она тебе хорошо знакома.

Глаза священника жалобно округлились.

– Может, ваше святейшество подберет кого-нибудь другого? – сердце быстро заколотилось, и Каин ощутил, как что-то сжимает грудь. – Ей ведь только восемнадцать.

– У нее навыки лучше, чем у рядового священника. Вам представилось убедиться в этом на собственном опыте, разве нет?

От воспоминания о выстреле, пробурившем его тело насквозь, палач поежился.

– Да, но почему бы не взять кого-то более опытного? Отца Райна или отца Борта?

– Ты вздумал мне перечить, палач?! – острый взгляд женщины, точно кинжал, впился в лицо Каина.

– Никак нет, ваше святейшество, – священник тут же покорно опустил голову. – Все будет исполнено.

– Ступай, – женщина махнула стальной рукой. – Вы направляетесь к восточным воротам. Если до этого момента на вас не нападут, езжайте обратно. Если ничего не произойдет, сразу отправляйтесь в Муравейник.

– Так точно.

Палач, не поднимая взгляда, откланялся и поспешил удалиться. Генерал недовольно смотрел ему вслед.

– Что-то с ним не так, – сказал мужчина, когда священник закрыл за собой дверь. – Я предлагаю назначить за ним слежку.

Женщина уже перебирала в руках бумаги.

– Не надо, я ему доверяю.

– Он прятал свою руку. Зачем скрывать ранение? Говорю тебе, Катерина, с ним что-то не то.

Железная Дева промолчала. Она уже с головой погрузилась в работу.

Через минуту после того, как палач зашел в кабинет, в коридор потоком хлынули священники, яро обсуждая отца Каина.

– Слишком много ему чести, – говорил один с надменным и гордым видом. По мундиру Авель понял, что тот имеет звание генерала.

– Он всего лишь палач, а Дева относится к нему так, словно он новый протектор, – отвечал молодой священник.

Мужчины остановились и, заметив прислонившегося к стене Авеля, мрачно уставились на него.

Юноша тут же выпрямился и приложил кулак к груди, отдавая честь.

Генерал нахмурился и наклонился к рядом стоявшему священнику.

– Отребье, – прошептал он, но так, чтобы Авель мог его услышать.

Они развернулись и пошли по коридору. Авель медленно опустил руку и взглянул на остальных. Другие священники смотрели на него не менее брезгливо. Лица мужчин так кривились, точно их только что стошнило на собственные синие мундиры. Один за другим они развернулись и отправились за генералом.

Авель подождал, пока они уйдут, и снова прислонился к стене, опустив голову. После долгого пребывания в Риме вновь привыкать к гонению среди коллег оказалось тяжелее, чем он думал. Хоть он и пытался убеждать себя, что и раньше сталкивался с таким отношением и оно его не ранило, но сейчас лицо юноши тронула печаль. Уголки губ слегка подрагивали от обиды.

«Невежи».

Через пять минут вышел и сам отец Каин. Вид у него был озабоченный, рассеянный взгляд уходил куда-то вперед, точно палач был погружен в какие-то раздумья. Однако он повернулся к юноше и широко раскрыл глаза, точно чему-то удивился.

– Что-то случилось?

Авель вздохнул и помотал головой.

– Нет, все нормально, – он оттолкнулся от стены и встал напротив. – Что сказала Дева?

– У нас будет нелегкая поездочка на лошадях, – лицо палача вновь тронула нервозность, – с двумя трупам в повозке.

Авель сначала улыбнулся, приняв это за шутку, однако при взгляде на мрачную гримасу священника, видимо, понял, что это не так.

– Видимо, ваш разговор был не из простых.

Палач скорчил мину и пошел дальше по коридору.

– Мы возьмем с собой Ашу. И еще одного человека. Он был сильным грешником, я предупреждаю заранее, – он взглянул на Авеля. – Сейчас он исправляет свои грехи, так что пытайся сильно его не бить.

Авель слегка нахмурился.

– Это задание не самый подходящий вариант для тех, кто хочет искупить грехи.

– Так решила Дева, – проворчал палач. – Не нам и уж точно не мне оспаривать ее решения. Могу сказать точно, что если на нас все-таки нападут, придется нам несладко. Тебе лучше взять что-то помимо твоей палки.

Авель коснулся медного посоха за спиной.

– Палка с ангельской благодатью внутри сильнее любого пулемета.

С этим Каин поспорить не мог. Оружие, в которое поместили ангельскую благодать, становится в разы мощнее, чем было. Когда ангелы убили себя, чтобы отдать людям свою благодать, она упала на Землю и слилась с разными предметами от простой палки и до мертвой белки. Авель единственный, кто может перемещать благодать из одного предмета в другой, таким образом помещая ее и в оружие. Сам же палач использовать оружие с благодатью не мог. Такие как он не могли.

– Не спорю. Но тебе лучше взять еще свою пушку, – все же сказал Каин. – Надеюсь, ты не извлекал благодать из нее?

– Нет, она всегда там, – ответил юноша. – Не понимаю, почему вы отказываетесь, чтобы я поместил благодать в ваши револьверы?

– Я люблю по-старинке. Выстрел и куча крови, а не непонятное свечение и белый огонь, сжигающий грешников. В этом мире все стало слишком фантастическим.

– Вам разве есть с чем сравнивать этот мир?

– Тут ты прав, – палач лукаво улыбнулся. – Все таки, как я рад тебя видеть, Авель.

Юноша смущенно улыбнулся.

– И я рад вас видеть, святой отец.

Темная и холодная оружейная была заставлена множеством железных стоек, на полках которых покоилась целая куча оружия, начиная от ножей и заканчивая различными видами ракетных установок. В дальнем конце комнаты находилось отдельное помещение, предназначенное под стрельбище.

Стоило юношам переступить порог, как палач тут же затерялся среди шкафов. Авель всегда поражался тому, как загорались глаза священника в этом месте. Маниакальная улыбка священника, когда тот расстреливал целые магазины в деревянные мишени, становилась такой широкой, точно он проводил это время с возлюбленной, а не с холодной и убийственной сталью.

Авеля же оружие не привлекало так, как его наставника. Всю его амуницию составлял лишь медный посох и антикварный пистолет. Не имело значения насколько они были эффективны раньше; после вживления благодати ни одно оружие не могло с ними тягаться.

Юноша остался у двери и, облокотившись на стену, стал наблюдать, как иногда среди полок мелькал силуэт палача с полной сумкой оружия.

Отец Каин бродил между рядов с дробовиками. Если ведьма-немезис обладает той же регенерацией, что и экземпляр доктора Ворденклифа, ее будет трудно убить из «увальня». Священник сомневался, что даже его этот пистолет сможет ее прикончить. Нужно было что-то помощнее, что способно, если не разорвать тело, как от взрыва гранаты, то хотя бы оставить дыру размером с мяч. Для этой цели могли бы подойти экспансивные пули в пулемете, но сейчас, когда пальцы только-только начали отрастать, он просто не смог бы удержать такую громадину одной рукой, не то что перезарядить. Дробовик в таких условиях подходил лучше всего.

Священник остановился между двумя полками и взглянул на оружие. Дробовики походили на пулемет Томпсона, только более плавные, точно отлитые из единого куска металла и с более толстыми кассетами, на тридцать два патрона каждая.

– Идеально, – холодная сталь приятно легла в ладонь.

«Автоматический дробовик способен опустошить кассету за пять секунд, это шесть выстрелов в секунду. При таком калибре пяти секунд стрельбы хватит, чтобы превратить тело ведьмы, будь она девочкой, женщиной или хоть старухой, в фарш».

Палач положил дробовик в большую сумку и прихватил еще один. Вместе с дробовиками туда отправились и несколько кассет с патронами, а вслед за ними и еще один дробовик. На всякий случай.

Священник вышел к двери и поймал на себе любопытный взгляд Авеля.

– Так мало? – спросил тот, глядя на полупустую сумку и улыбаясь. – А где же торчащие стволы пулеметов и огромный огнемет через плечо?

Маленькая ручка в плаще сжалась в крохотный кулачок.

– Я решил не переводить оружие попусту, – священник улыбнулся и вышел.

Возвращаясь обратно, палач только и думал, что об Аше. Сколько он ее не видел? Месяц? Два? Нет, не больше месяца. Ему казалось странным, что несмотря на частые встречи, его сердце до сих пор бешено колотилось, стоило только ему ее увидеть. Порой Каин ловил себя на мысли, что думает, как себя вести при встрече, и сам над собой смеялся за свою нервозность. Несмотря на постоянные планы действий, в которых он выбирал лучшее поведение, все всегда шло не так. Его планы разбивались, стоило ей только попасться на глаза. Продуманный разговор превращался в бессмысленное лепетание, а выражение лица, холодное и безразличное, с каким он собирался вести разговор, превращалось в смущенное и пугливое.

Так вышло и на этот раз. Палач не успел прервать своих раздумий, как вдруг кто-то вынырнул из-за угла и прильнул к нему. Тонкие ласковые руки обвили шею, и он почувствовал мягкое касание женской груди к своим ребрам и теплое дыхание на своей щеке. Мозг понял, что произошло, но тело дало сбой и застряло в ступоре.

– Святой отец, – ласковый голос заставил священника залиться краской.

– Аша... – сдавленно и хрипло произнес он, делая над собой усилие, чтобы хоть что-то произнести. Руки машинально, но скованно и неуверенно обняли девушку. – Аша.

«Зачем я ее обнял? Я же ее наставник. Но мы давно не виделись... Что дальше делать-то?»

– Я рада, что вы целы, святой отец. Очень рада, – девушка отпрянула от священника.

Монашеская форма, приспособленная для военных действий, очень плотно облегла расцветший за последние два года силуэт девушки. Русые волосы, собранные в хвост, ложились на округлую грудь. Зеленые глаза с интересом и вызовом смотрели на палача.

– Как же ты... Выросла... – пробормотал священник, вспоминая их первую встречу в баре мутантов.

Аша слегка смутилась.

– Вы меня месяц назад видели, святой отец, – розовые губы девушки раскрылись в улыбке, обнажив жемчужные зубы.

Не переставая улыбаться, она кивнула Авелю. Юноша, не скрывая радости от долгожданной встречи, улыбнулся и кивнул в ответ.

– Когда мы отправляемся на задание? – спросила Аша, вновь обратившись к Каину.

– Мне нужно привести еще одного человека, – затараторил палач, стараясь смотреть куда угодно, лишь бы не ей в лицо.

Он отдал сумку Авелю и устремился вниз по лестнице, быстро пройдя мимо Аши.

Девушка озадачено посмотрела вслед Каину.

– Что это с ним?

– Он просто очень рад тебя видеть, – улыбнулся юноша, опуская сумку на пол.

– Как маленький, ей богу, – она проследила взглядом за священником, пока его силуэт не растворился в темноте. – Ну, рассказывай, как твои дела? Как Рим?

Авель прислонился к стене, сложив руки на груди.

– Все прекрасно. Почти все, на чем настаивала Железная Дева, удалось выпросить у кардинала. В скором времени у нас будет союз с Римом.

– Это, конечно, здорово, но я бы хотела узнать как ты, а не как твой дружок кардинал.

– Я? – Авель только сейчас заметил, что девушка рассматривала его с нескрываемым любопытством. Должно быть, за последнее время он и вправду сильно изменился.

Он слегка улыбнулся и опустил голову.

– Отдохнул. Горожане Рима как всегда рады меня видеть. Сколько бы я там не проводил времени, все не могу привыкнуть. С каждым разом все лучше и лучше.

– Ничего страшного, к хорошему быстро привыкаешь, – Аша встала рядом и прислонилась к стене. – Ко всему привыкаешь.

– Кроме того, как меня встречают в родном городе, – сдавленно усмехнулся Авель.

– Все так плохо?

– Ну, не совсем, – ответил юноша, хотя так и не считал. – Думаю, рано или поздно их отношение ко мне изменится. Как раньше говорили: «Вода камень точит».

– Только точит она его столетиями, – ответила девушка, подложив руки под поясницу. Свет ламп бросал на стену волнистую тень от ее силуэта. – Твоя жизнь короче. Зачем тебе их признание? Если люди не видят, кто им враг, а кто друг, значит они либо идиоты, либо хотят видеть в тебе врага. Твоей вины в этом нет.

– Они мои коллеги. Они те люди, которых я защищаю, – возразил Авель. – Мы должны ладить. Как-никак, они тоже посвятили себя возвращению Бога.

Девушка фыркнула.

– Ты хочешь с ними дружить, потому что вы «должны» или потому что ты сам этого хочешь?

– Хочу, – ответил после короткой паузы юноша.

– Ты странный, Авель. Лижешь руку, которая тебя бьет.

– Кто бы говорил о странностях, – Авель улыбнулся и ласково посмотрел на Ашу. – Ты фотографируешь сумрак. Это же просто черные фотографии.

– Знаешь, скорее на моих фотографиях появится просвет, чем эти засранцы начнут ценить тебя так, как ты заслуживаешь.

Она пихнула юношу в бок, и тот, смеясь, чуть не упал. Они стояли рядом, непринужденно улыбаясь и глядя себе под ноги.

– А ты как? – спросил наконец Авель. – Что было, пока меня не было? Наверняка отец Каин пригласил тебя погулять.

Аша слегка улыбнулась, но ее задумчивый взгляд говорил о том, что эта шутка не вызвала в ней веселья.

– Нет. Он как всегда. Робеет, хотя это должна делать я.

Авель, видимо, осознав, что плохо пошутил, ощутил неловкость.

– Ты же знаешь святого отца. Он большой ребенок, хоть и пытается казаться циничным. Он чуть не расплакался, когда мы встретились.

Аша засмеялась.

– Кажется, тебя он был рад видеть больше.

– Мужская дружба, – улыбнулся Авель. – А как насчет твоей дружбы с Железной Девой?

Девушка в мгновение ока скорчила мину и отрешенно уставилась в пол. Вид у нее стал такой, точно она вспоминала о чем-то запредельно ужасном.

– Это больше похоже на попытку уничтожения. Она не готовит себе преемницу, она просто хочет меня убить.

– Разве все так плохо? – Авель с улыбкой протянул к Аше руку, но, увидев ее потерянный взгляд, тут же опешил. – Я не думаю... Она просто готовит тебя.

– На медленном огне, – девушка вздохнула и посмотрела на Серафима. – Надеюсь, тебя в детстве так не гоняли?

– Да нет, мне это нравилось. У меня легко получалось.

– Я и не сомневалась, – Аша улыбнулась. – Я ведь просто человек.

– А я кто? – нахмурился Авель.

– Ты не человек, – ответила девушка.

Лицо Серафимо будто исказило судорогой.

– Как это? – он оттолкнулся от стены и встал прямо напротив Аши. Девушка уже не улыбалась и смотрела куда-то сквозь него. – Ты хоть понимаешь, что это... Я... Так нельзя!

– Авель, – ее глаза блеснули, и юноша отшатнулся. – Как вид – ты не человек, но ты более человечен, чем каждый из нас. Не умею красиво говорить. Я не понимаю, почему ты прячешься от своей сути? Ты ведь чертов полуангел! Гордись этим! Тебе не обязательно быть как они.

Авель стоял и не мог ничего сказать. Он бессмысленно смотрел на девушку, пытаясь подобрать слова.

– Ладно, пойдем, – оборвала его раздумья Аша и пошла в коридор.

Юноша повернул голову, глядя ей в спину, точно надеясь все-таки что-то ответить, но так и не найдя слов, пошел следом.

Когда после Судного Дня крепость начали перестраивать в собор, изменениям подверглось все, кроме одного места – темницы для отрекшихся от церкви. Вечно мрачные и сырые коридоры со множеством пустых камер тонули в холоде и зловонии. Веками люди здесь умирали от эпидемий, голода и холода, от жутких пыток и издевательств. Каждый сантиметр стен хранил в себе напоминания о мучениках, в дикой агонии писавших на камне кровью и царапавших ногтями свои последние проклятия. Каин всегда считал это иронией. Отцы церкви оставили целым лишь то место, что хранило больше всего ненависти к ним самим. Словно не нашедшие покоя призраки не дали уничтожить свое последнее пристанище. Теперь их единственными посетителями были крысы, что растаскивали оставшиеся от них кости.

Сотню угнетенных еретиков заменил один единственный заключенный, которому не требовалось ни ухода, ни охраны, ни еды.

Священник шел по коридору. Ноги шаркали по сырому граниту, а одна единственная рука с фонарем светила на выдолбленные в граните номера над камерами. За древними железными решетками свет вырывал из тени человеческие кости, ржавые кандалы и выцарапанные ногтями надписи на стенах.

Это даже казалось странным. На верхних этажах всюду мерцали голограммы, работали лифты и стояли магнитные титановые ворота; в лабораторию попадали вообще по отпечаткам пальцев, так почему же здесь все осталось как в средневековье? Скелеты, решетки, гниль, крысы. Будто напоминание людям о том, с чего они начинали.

Он остановился у одной из камер. Свет фонаря упал на дальний угол комнаты, где вырвал из тьмы исполинскую фигуру в плаще, пригивавшую большую голову, что утыкалась макушкой в потолок. Плечи гиганта были шире, чем у палача в полтора раза, фонарь даже не мог осветить их полностью. Череп, лежавший возле ног человека, тот мог взять двумя пальцами в кольцо. Исполин стоял спиной к палачу, с накинутым на голову капюшоном.

Священник поморщился. С каждой секундой его лицо становилось все мрачнее.

«Может, стоило в тайне уехать без него?»

– Я пришел за тобой, – сказал Каин, пытаясь выговаривать каждое слово как можно тверже.

Мужчина стоял неподвижно. Черный силуэт, точно скала, замер во мраке.

– Железная Дева хочет меня видеть? – раздался тяжелый, точно раскаты грома, голос и эхом прокатился по пустым коридорам.

– Нет, ты отправляешься на задание.

Исполин слегка развернулся, и под темной капюшона сверкнул желтый глаз.

– Что за задание?

– Мы должны сыграть в ловлю на живца и поймать тех, кто за нами придет. Скорее всего нам придется столкнуться с немезисом.

– Немезис? – мужчина развернулся, и свет фонаря полностью обнажил его лицо.

Один глаз мужчины был голубым, а второй ярко-желтым, почти золотым, на полностью черном белке. Через все бледное, как у трупа, лицо тянулся ужасный шрам, заштопанный стальными скобами, словно они соединяли две половины головы. Черные засаленные волосы сосульками спускались на лоб.

– Доктор жив? – спросил гигант, сделав шаг вперед.

– Нет, – палач отступил, не прекращая светить в лицо немезису. – Доктор умер на эшафоте. Ты ведь помнишь?

Исполин опустил взгляд.

– Да, – прозвучал тихий шепот из-под капюшона, – Я забыл.

– Верно, – палач сделал паузу. – Этот немезис другой. Не знаем, какой именно, но другой.

И он сильнее тебя.

– Вы хотите, чтобы я его убил?

– Если придется. Наша цель – поймать этого немезиса и привести в собор. Дева надеется изучить его.

«Как и тебя».

Мужчина слегка нахмурился и, тяжело ступая, подошел к решетке, отчего стал казаться еще больше.

– А что будет со мной после задания? Когда мы его поймаем?

– Железная Дева не сказала, – палач сделал еще пару шагов назад, не сводя света с мужчины. Ему не хотелось, чтобы гигант исчезал из виду. – Если мы не поймем его, нас отправят защищать Муравейник.

– А как ты сам думаешь, палач? Что со мной будет?

Священник слегка нахмурил брови. Он не ожидал, что немезис знает, кто он такой.

– Она даст тебе свободу.

– Мне не нужна свобода. Я хочу другого.

– Отпущения грехов?

Мужчина кивнул.

– Значит отпустит твои грехи, – палач потушил фонарь и зашагал прочь. – Идем. Тебе еще нужно подготовиться.

– Вы не открыли камеру, – возразил мужчина, глядя вслед священнику желтым глазом.

– Да? – Каин обернулся. – Я сомневаюсь, что эта решетка когда-либо была тебе помехой, – он вновь развернулся. – Выходи, мы торопимся.

Огромный силуэт мужчины скрылся в темноте. В ту же секунду все подземелье содрогнулось от удара, и за спиной палача раздался оглушительный грохот. Тяжелая решетка буквально вылетела со своего места, вместе с кусками гранита и врезалась в соседнюю стену. Столбы пыли хлынули в коридор и захлестнули палача по пояс.

Священник посмотрел назад и улыбнулся, увидев сияние желто-золотого глаза в темноте.

Он зашагал прочь, а за его спиной, покачиваясь из стороны в сторону, огромной тенью ступал немезис.

– Я даже не знаю, что тебе дать, – сказал священник, проходя между полок с оружием.

Немезису приходилось идти боком, чтобы протискиваться между шкафами, но торчащие стволы орудий все равно, цепляясь за исполина, падали на пол.

Отец Каин дошел до отдела с пулеметами и остановился напротив широкой полки, на которой в черных деревянных ящиках лежало само оружие. Рука в белой перчатке легла на один из таких.

– Можно было бы взять русский, – палач слегка сдвинул крышку. – Он противотанковый, и тело ведьмы превратит в фарш, но у него есть электроспуск, а таскать на себе еще и батареи непрактично, – он убрал руку с ящика и спустя несколько шагов положил на другой.

– Мне не тяжело, – возразил исполин, глядя, как отец Каин открывает новый ящик.

Священник наклонился. Запах краски и металла тут же ударили в нос, и палач прикрыл глаза от удовольствия.

– О да, – он погладил рукой стальную трубу, служившую орудием дулом. – Это уже ближе. Гораздо ближе.

– Мне не тяжело, – повторил исполин.

Палач, скорчив недовольную гримасу, посмотрел на немезиса.

– А кто сказал, что ты будешь ходить с одним пулеметом? Ты у нас сильный, два удержишь точно.

– Стрелять сразу из двух?

– Да. Как из пистолетов, только это пулеметы.

Немезис слегка кивнул, и Каин снова вернулся к пулемету.

– FN-BRG-15, – глаза священника заблестели, как у влюбленного. – Почти что малокалиберная пушка. Такой может превратить броневик в решето. Расстреляет как консервную банку, – он потянул здоровенный пулемет за приклад, но для такой махины одной руки было недостаточно. Оружие мертвым грузом лежало на дне ящика.

Огромная ладонь немезиса обхватила приклад, и пятьдесят килограмм стали поднялись в воздух, чуть не сбив палача с ног. Исполин слегка махнул рукой, и массивное дуло пулемета с гулом разрежало воздух, звонко стукнувшись о близстоящий шкаф.

– Ну как? – спросил палач, улыбаясь. Вид немезиса, легко удерживающего огромный пулемет одной рукой, его очень радовал. – Потянешь два?

Немезис посмотрел на оружие и перевел взгляд на палача.

– Давайте второй.

Гремящая трель выстрелов заполнила комнату для стрельбы. У палача закладывало уши и давило виски, но он с наслаждением смотрел, как огромные гильзы потоком сыпятся под ноги немезиса. Два огромных пулемета, точно разъяренные драконы со стоном и ревом изрыгали из своего нутра струи пламени. Сотни светящихся копий бурили и превращали в пыль громадную гранитную стену в конце комнаты. Стальные демоны выли, горели и дымили, пытались вырваться из ладоней, но огромные ручища немезиса, сплетенные из толстых, как питоны, мышц и сухожилий, намертво удерживали их, точно пластиковые игрушки. Дым и пороховой газ серым туманом окутывали исполина, и только яркий желтый глаз светился сквозь пелену.

Палач стоял позади и представлял, как огромные пули разрывают ведьму на куски. Как старушечья голова разлетается на кровавые осколки, а глаза падают на землю и весело скачут в разные стороны. Священник очень надеялся, что в разгаре боя ведьму все-таки придется убить. Это было бы куда лучше и легче, чем ловить ее, а потом, рискуя своими жизнями, везти до собора, сидя лицом к лицу в тесной повозке. Палач даже и не рассматривал варианта поимки ведьмы. Ведь стал бы он тогда давать немезису самые мощные пулеметы и пули, способные разрывать тела? Каин очень надеялся, что на этот раз не допустит совершенной в прошлый раз ошибки.

Они все собрались возле потайного выхода. За железными воротами начинался древний каменный туннель, ведущий из собора прямо за стены города. Под землей дул холодный ветер. Авель и Аша сидели на лошадях, плотно закутавшись в плащи и понутив головы. Позади них стучали копытами две лошади, запряженные в деревянную телегу. Черный брезент высоко поднимался над повозкой, скрывая под собой сумки и ящики с оружием поверх двух свинцовых гробов.

«Почему не дать мне грузовик? Лошади, конечно, не так заметны, но разве не это нам и надо?»

Палач запрыгнул на свою лошадь и заметил, как Авель хмурым взглядом рассматривает нового компаньона. Немезис залезал на своего жеребца. Конь громко заржал, когда исполинское тело мужчины водрузилось ему на спину, заставив животное сильно осесть. На немезисе блестели черные облегающие очки, скрывающие от Аши и Авеля желтый глаз. Однако палач видел, что юноша был уже нехорошо настроен по отношению к новому путнику. Аша же без особого интереса посмотрела на мужчину.

– Он очень большой, – она придержала лошадь отца Каина, когда та было дернулась в сторону ворот. – Это тот грешник?

– Да, – ответил он, хмуро глядя на Авеля. – Не заговаривайте с ним и не смотрите на него. Особенно ты, Авель.

Юноша отвел голубые глаза от мужчины и посмотрел на священника.

– Как скажете, отец Каин, – он дернул узды и отошел чуть вперед.

Палач еще некоторое наблюдал за Авелем, теша себя надеждой, что поездка пройдет без происшествий, хотя в это верилось с трудом. Ворота со скрежетом отворились. Священник накинул широкий капюшон на голову и направил лошадь вперед по полузатопленному коридору канализации.

3-й круг

Все время, пока всадники ехали по полузатопленному туннелю, среди них царило молчание. Аша и Авель держались поодаль от повозки, что покачиваясь, скрипела позади. Серафим сидел с опущенной головой и смотрел на плескавшуюся под копытами лошади воду, а девушка держала перед собой фонарь, направляя столб света в даль коридора. Зловонные испарения клубились и растекались по потолку.

Молчание давалось палачу тяжело. Каин ощущал напряжение, точно каждый хотел что-то сказать, но из последних сил сдерживался, дабы сохранить мнимый мир. Именно слов, которые могли прозвучать в любой момент, и боялся священник. Он хотел заговорить первым, лишь бы уже разрядить гнетущую тишину, но не отваживался. Риск, что разговор пойдет о их компаньоне, был безумно велик.

Немезис давил на палача не только морально. Тучное тело гибрида, казалось, занимало все пространство туннеля, норовя вдавить юношу в стену. Черный широкий плащ, больше похожий на парус, опускался до самых копыт лошади.

«Моя команда по спасению человечества, – думал священник, оглядывая всадников. – Чуть что, поубивают друг друга».

Через час они все-таки выбрались на поверхность. Чувство зажатости покинуло палача, и он глубоко вдохнул холодный воздух. Снаружи было куда темнее, чем в туннеле. Каин взглянул на небо, точно надеясь увидеть хоть что-нибудь кроме обволакивающего мир мрака, но в ответ на него смотрела лишь непроницаемая мгла. Воспоминания о луне и звездах, что бесконечной россыпью охватывали небо, казались священнику уже выдумкой. А ведь когда-то даже самой темной ночью он мог разглядеть что-то, кроме своих рук.

– Куда нам теперь? – спросил Авель, встав поперек движения. В полном мраке его глаза светились голубым светом.

Палач огляделся, словно искал какой-то ориентир в темноте, но дальше гривы лошади не мог ничего увидеть. Однако это и не требовалось. Священник вытащил из кармана плаща компас и, поднеся его к лицу, прищурился.

– На восток, – сказал он и направил лошадь вправо. – Включите фонари. Если не будем медлить, через час доберемся до форта и сделаем привал. Оборону там держать легче, чем на открытой местности.

Авель кивнул и мельком взглянул на исполина. Отражение голубых глаз блеснуло в черных очках немезиса. Юноша нахмурился и направил лошадь вперед.

– Я уже ненавижу это задание, – скорчив гримасу, сказал палач.

Рядом послышалась поступь копыт, и священник, обернувшись, увидел девушку, точнее, ее улыбку в тени капюшона.

– Не все так плохо, святой отец, – лошадь Аши поравнялась с его жеребцом.

– Из нас команды не выйдет, – с досадой процедил священник.

Он смотрел на растворяющегося в темноте Авеля, как вдруг рука девушки коснулась его ладони, и юноша залился краской.

– Наверное, это потому что мы ничего не знаем о нашем товарище. Трудно сдружиться с тем, кто имеет от тебя секреты.

– Ну, да, может быть. Наверное, – палач замер, точно наступил на мину. Сердце в груди начинало биться все сильнее.

– Что плохого, если он расскажет нам о себе? – девушка посмотрела на огромную мрачную фигуру на коне, – Мы ведь его не осудим.

– Да, наверное, – промямлил Каин, но вдруг опомнился и мотнул головой. – Точнее, нет. Это приказ Железной Девы. Мне голову с плеч снимут, если я проговорюсь.

– Но вы же сами палач.

– Значит, прикажет сделать это самому, – сдавленно усмехнулся юноша. – Уверен, новый палач будет более послушным, чем я.

– А кто был палачом до вас?

Священник постарался припомнить своего предшественника, но в голову ничего не приходило, кроме теплой руки девушки.

– До меня был отец Райен. Очень жуткая личность... Он был последним из тех, кто настаивал, что вместо гильотины нужно использовать топор. Тогда еще не было яда на лезвии, и с регенерацией боролись посредством прижигания среза. К жженой плоти голова прирастает также плохо, как к отравленному телу.

– Вам так нравятся казни? – спросила Аша, глядя прямо на него.

– Мне нравится не сам процесс казни, а скорее её смысл, – Каин пытался смотреть куда угодно, но только не на нее. – Церковный палач это человек, который уничтожает нечисть. Хотя священники тоже, по сути, убивают нечисть, но они скорее следователи, а вот палач... – юноша замолчал, подбирая слова. – Когда нечисть попадает к палачу, у нее уже нет надежды попасть в Муравейник. Каждая отрубленная голова – знак того, что на одну единицу зла стало меньше. Палач вызывает отвращение даже у самих служителей, но кто-то же должен это делать.

– Согласна, – поддержала Аша. Руки она все еще не отнимала. Если бы не темнота, цвет лица Каина его давно бы уже выдал. – Многие боятся брать на себя убийство, даже если это убийство мутанта. Надо быть смелым, чтобы несмотря на упреки и злые взгляды в спину, делать свое дело.

– Спасибо, – Каин смущенно улыбнулся. Он постарался посмотреть на Ашу, но тут же отвел взгляд. – Рад, что ты так считаешь.

– Да не за что, – она наклонила голову, и русые волосы выпали из-под капюшона. – Так все-таки... Кто этот грешник? Их ведь обычно отправляют на исправительные работы или на эшафот, почему тогда он отправился с нами? Он, конечно, наверняка силен, но у него нет ни подготовки, ни подходящих навыков для этого задания. Это самоубийство и опасность для нас самих.

Палач вздохнул и крепче сжал поводья.

– Ты правда хочешь это знать?

– Хочу, – девушка слегка приблизилась, не давая священнику возможности сказать «нет».

Каин обернулся и взглянул на исполина. Мужчина ехал, опустив голову, и, казалось, смотрел на щебенку под копытами жеребца.

– Хорошо, я расскажу, – сдался юноша. Аша подвинулась как можно ближе к палачу. – В общем, он был командиром разведки. Его отправили за стену сопровождать рекрутов на последнем экзамене, но их поймали демоны. Это был первый зарегистрированный случай, когда демоны действовали группой. В общем, демоны поставили условие: либо он убивает свою группу, либо они убивают всех. Командир согласился и всех убил. Но демоны просто так его не отпустили. Они оторвали головы у трупов, сделали из них ожерелье и обкрутили его вокруг командира, а потом доставили его к краю купола. Зенитки отогнали демонов, а командира спасли. Но они недолго радовались. Когда они узнали обо всем, командира осудили, пытали, но в итоге оставили ему жизнь. С тех пор он под заключением церкви.

Девушка отвела взгляд в сторону. Каин молчал, пытаясь понять, о чем она думает. Наверняка, теперь она ненавидела их нового компаньона еще больше.

– Я никогда не видела демонов, – вдруг сказала Аша.

– Надеюсь, и не увидишь, – палач посмотрел перед собой. – Жуткие существа. Огромные, как наши дома. Здоровенные монстры, составленные из разных частей людей и животных.

Безумно уродливые твари. И все летают. Если увидишь огромную волосатую голову с крыльями, с вероятностью девяносто девять процентов, это демон.

– Как-то слишком фантастично, – недоверчиво ответила Аша.

– Да нет, все так и есть. В старом мире тоже считали, что упырей не существует. Как и демонов с Адом. Еще они часто меняют форму. Могут превращаться и в гуманоидных существ. Но это в редких случаях, к примеру, когда хотят воспользоваться оружием.

– Оружием? – ее рука крепче сжала ладонь юноши, и палач обомлел.

– Ну, там холодное, к примеру, – Каин запнулся. – Огромные мечи из железа или камня.

Булавы и палицы всякие.

– Я так понимаю, они размером с деревья?

– Кто, демоны?

– Нет, – улыбнулась Аша. – Их оружие.

– А, ну да, с деревьев, – от неловкости палач вытянулся в седле как струна на гитаре, но тут же, осознав нелепость позы, постарался сесть как можно небрежнее.

«Да что же я делаю?»

Дальше они ехали молча. Авель в авангарде, Аша рядом с палачом, все еще не убирая своей ладони от его руки, и мрачный исполин, все это время не поднимавший взгляда от копыт жеребца. Отец Каин молчал и наслаждался тишиной. После того, как ладонь девушки легла на его руку, он больше не считал это молчание неловким. Скорее наоборот – очень удачным и приятным. Ее маленькая ладонь с длинными тонкими пальчиками так приятно касалась его кожи, что палачу хотелось сжать ее в своей руке, но он не мог себе этого позволить. Не из-за смущения, которое одолевало его точно глупого подростка, а из-за его положения, пропастью растянувшегося между ними.

Наступил день, и непроглядная, почти что густая на ощупь тьма, начала рассеиваться. Особо светлее не стало, все по-прежнему было черным, но теперь всадники могли видеть дорогу на несколько метров вперед, что существенно облегчало путь.

Каин бездумно смотрел вокруг. Взгляд блуждал по морю слякоти, в которой тонули редко встречавшиеся камни. Сто лет назад здесь всюду были поля, усеянные пшеницей, зеленели пастбища, и дичи было столько, что казалось, будто весь мир состоял из жизни. Теперь же не осталось ничего, кроме выжженной радиацией пустыни.

Человеческие кости, наполовину увязшие в грязи, встречались каждые сто метров. Заброшенные дома, осыпавшиеся, косые, без окон и дверей, встречались реже. Их хозяева умерли еще очень давно. Кого-то убили мутанты, а кого-то мародеры, искавшие в этих бетонных коробках спасения. Больше всего не повезло тем, кто умер с голоду, особенно если жил не один и приходилось делать выбор: умереть или съесть близкого. Иногда вдоль дороги виднелись высохшие и серые деревья, простершиеся к небу точно костлявые руки. Хрупкие ветви уродливо гнулись, словно из них высосали все соки.

Вскоре в темноте показался силуэт развалившегося форта. Очертания разрушенных стен, бойниц и башен напоминали высокие надгробия. Надгробия тем, кто когда-то встретил тут атаку демонов. У самых руин все густо заросло ядовитым плющом, среди листьев которого всюду валялись небольшие куски кирпича. В пустых окнах стонал ветер. Развалившаяся крыша форта массивными булыжниками лежала на земле.

Ночлег решили разбить за двумя сходящимися стенами. Позади чернело множество развалин, а в самих стенах имелись окна, так что, в случае чего, здесь можно было обороняться. По предположению Аши, когда-то здесь была огневая точка. Об этом говорили следы от стоек пулемета на оконных рамах.

Огонь разожгли в самом центре. В закоптившемся котелке варилась тушенка с картошкой и луком. Палач высыпал в воду почти целую банку соли и перца, и душистый запах понемногу начинал будоражить животы всадников. Пока Авель помешивал варенье, Аша чистила

дуло своей винтовки и настраивала прицел. Огромный мужчина сидел в углу двух стен и неподвижно смотрел себе под ноги. Священник периодически замечал, как Авель бросает злые взгляды на немезиса. От нервозности, которая засела в нем с самого начала похода, Каин достал из-под плаща трубку из дуба. При жизни дерево болело радиацией, о чем свидетельствовали круглые шишки на коричневой трубке. Палач надеялся, что хотя бы приятный дым табака сможет снять тревогу.

Повозку с лошадьми загнали сюда же. Жеребцы священника и немезиса были не особо прихотливы и ели ядовитый плющ, а вот коней Аши и Авеля приходилось кормить овсом. Повезло, что Авель заблаговременно позаботился о пропитании скакунов. В землях за городом кроме ядовитого плюща ничего не росло, да и он встречался очень редко.

Отец Каин потягивал трубку и слушал тишину. Абсолютное безмолвие угнетало. В глубине души он надеялся услышать хоть какой-нибудь намек на жизнь – щебетание птицы или хотя бы пение сверчка. Складывалось впечатление, что во всем мире не осталось выживших, кроме них самих. Только вечная ночь, холод и смерть. До ушей доносился лишь треск костра и лязг стальных деталей винтовки.

Палача удивляло, как легко хрупкая девушка откручивала тяжелый ствол орудия своими тонкими миниатюрными руками. Она знала каждый винтик, каждое сочленение в конструкции, знала все, что необходимо ее сестре по духу и бережно чистила ее после каждого задания. Складывалось впечатление, что Аша не просто делила с винтовкой всю свою жизнь, но и родилась, держа ее в руках.

«А как она стреляет», – подумал священник, искоса поглядывая на девушку.

Авель уже закончил мешать суп и сидел, прислонившись к стене. Под тенью капюшона светились недовольные голубые глаза. Юноша вытащил из походной сумки маленькую потрепанную книжку, на обложке которой поблескивал тонкий металлический крест, и раскрыв ее, спрятал свой недовольный взгляд среди страниц.

«Однако что-то не меняется», – подумал Каин, припоминая, что юноша и раньше брал с собой на задания Библию.

– Про что читаешь сейчас? – нарушил он тишину.

– Про исполинов, – ответил Авель, не поднимая головы.

Каин промолчал, не найдя слов. Упоминание о исполинах, заставило его вспомнить о немезисе.

Великан сидел все также неподвижно. Его взгляд устремлялся куда-то в ядовитый плющ сквозь черные стекла очков. В своем огромном плаще он походил на огромную насыпь угля, накрытую брезентом.

Со стороны подул ледяной ветер, и священник ощутил, как холод просовывает свои острые пальцы ему меж ребер. Он сильнее укутался в плащ и подвинулся к костру.

– Давайте-ка обсудим, как нам построиться, в случае нападения, – он поднял крышку котелка и взглянул на варево.

– Разве есть смысл? – спросил Авель, наконец-то подняв голову. – Все зависит от того, откуда враг появится, – юноша говорил спокойно, но в его голосе чувствовалась доля обиды.

Палач посмотрел на Серафима.

«Он злится на меня? Я же говорил, что не могу пойти против воли Девы. Или же он расстроен, что я недостаточно слежу за немезисом?» – Каина всегда смущала эта черта его воспитанника. Авель был добрым юношей, но когда дело касалось грешников, становился другим человеком.

– Согласна, – поддержала Аша. – Они могут напасть откуда угодно.

Немезис сидел все также неподвижно.

– Именно поэтому мы должны все предусмотреть, – палач поднес железную миску к краю котелка и налил супа. – Не хочу, чтобы нас застали с голой задницей.

Аша слегка улыбнулась, Авель же легонько кивнул.

– Тем более, – уже тише продолжил священник, – я думаю, что если на нас и нападут, то это будет здесь. Пока мы отдыхаем.

– Нам готовиться? – девушка настороженно подняла снятое дуло винтовки.

– Пока нет, но быть начеку, – палач отхлебнул немного похлебки, и его губы разошлись в довольной улыбке. – Боже, как вкусно. За окна отвечаешь ты и наш компаньон.

Аша мельком посмотрела на немезиса. Авель же наградил его более долгим и злым взглядом, но перевел его обратно на палача, когда тот снова заговорил:

– Вы специализируетесь на бою на дальних дистанциях, поэтому простор за окном будет для вас идеальным полем. Мы же с Авелем прикроем сзади. Я с дробовиком хорошо подхожу для ведения огня среди руин, а Авель – боец ближнего боя. Надеюсь, теперь вопросов не возникнет?

Каин искоса посмотрел на юношу.

Авель, все время молчавший, подался вперед. Палач тут же понял, что сейчас случится плохое. Он хотел было поднять руку и остановить юношу, но взрослая единственная ладонь, которую он мог показать, была занята миской.

– А мы можем полагаться на этого человека? – Авель встал прямо напротив исполина. – Если мы уйдем отбивать атаку в руины форта, он останется один с Ашей. Он уже предал своих людей, разве ему можно доверять?

«Он все слышал?»

– А ты хочешь предложить построение получше? – священник бросил на Авеля недовольный взгляд. Дружба дружбой, но они на задании, и здесь Серафим – его подчиненный.

Юноша не поддался и в упор посмотрел на палача.

«Знал бы ты, что безопаснее чем с ним, Аше не будет».

Немезис поднял голову, и свет костра вырвал из тьмы капюшона обезображенное шрамом и скобами лицо. В черных стеклах отразились голубые глаза Авеля.

– Вы же умеете обращаться с винтовкой, святой отец? – слова Авеля звучали скорее как просьба, а не вопрос, – Разрешите мне пойти с грешником в руины.

«Ооо, нет, – подумал священник, глядя на Авеля. – Я дурак, но не настолько».

– Нет. Лучшего построения обороны тут не сделать. Авель, если ты доверяешь мне, то доверяй и ему, потому что я полагаюсь на этого человека.

Юноша недовольно взглянул на немезиса. Белые пальцы сжались в кулаки, словно Авель пытался обуздать кипящее в нем негодование.

– Но мы не можем доверять ему.

– Доверяй не ему, а мне, – настойчиво произнес священник.

Юноша еще раз бросил короткий взгляд на мужчину и с досадой на лице вернулся на прежнее место. Взгляд голубых глаз вновь устремился в Библию.

Палач вздохнул и, поднеся миску к губам, допил остатки супа. Пока что срыв покровов переносился на потом.

Аша, все это время напряженно слушавшая разговор, легла на спину и достала из сумки фотоаппарат. Каждый раз, когда представлялся случай, девушка фотографировала сумрак. Палачу казалось это бесполезным занятием. Сумрак уже сто лет не становился светлее и вряд ли когда-нибудь станет, однако ему нравилось, с какой настойчивостью Аша утверждала ему, что с каждым снимком небо становится хоть чуточку светлее.

Раздался щелчок, и яркая вспышка осветила небо.

Девушка вытащила карточку из фотоаппарата и, помахав ей на ветру, взглянула на изображение. Ее глаза слегка прищурились.

– Я думала, что птицы вымерли, – Аша присела и всмотрелась в небо.

– Птицы? – палач отложил миску и сделал тоже самое.

Где-то вдалеке что-то и вправду летело. Не больше точки, но уж по слишком странной для птицы траектории. Ее полет больше был похож на падение.

Авель тоже посмотрел в небо.

– Странная птица, – Аша отложила фотоаппарат и встала на ноги. Может, это метеорит?

– За метеоритом тянется хвост, – настороженно сказал палач. Рука в белой перчатке убрала пенсне и спрятала его в карман.

Аша подняла прицел от винтовки и, приложив его к глазу, посмотрела вверх.

– Что там? – спросил Авель, закрывая Библию.

Девушка покрутила колесико над прицелом и прищурилась.

Палач тревожно смотрел то на Ашу, то в небо, чувствуя, что что-то идет не так. Он не знал, почему его терзают плохие предчувствия, но ясно ощущал, как внутри него что-то сжимается. Ощущение приближающейся беды росло с каждой секундой, и Каин с ужасом начал понимать, что это именно оно. Это не пережившая радиацию птица. Начинается. Прямо сейчас.

Священник увидел, как девушка перестала шуриться и раскрыла рот.

– Что там? – спросил он, широко раскрыв глаза. Сердце в груди застучало быстрее.

Девушка отбросила прицел и ринулась к повозке. Черный брезент вспорхнул в воздух, и среди сумок с оружием зазвучал металлический скрежет. Авель поднялся на ноги. Даже немезис, все время сидевший неподвижно в углу, посмотрел на Ашу.

– Что там? – палач подбежал к девушке и положил ей руку на плечо.

Аша обернулась, и на ее лице священник заметил страх.

– Демон.

Каин застыл. Рука сама соскользнула с плеча Аши.

Девушка, не дожидаясь ответа палача, стащила с повозки длинную черную трубу. В другой руке, оттягивая ее вниз, качался небольшой, но тяжелый снаряд.

– Демон? – Авель скинул капюшон и вытащил из-за спины посох, – Не может такого быть. Демоны не способны проникнуть под купол!

– Это демон! Огромный! Как вы и говорили! – Аша уже судорожно вкручивала в снаряд в ракетницу. – Крылья! Огромные зубы, и лицо человеческое!

«Это не может быть демон. Нет. Им не пройти через купол. Это...»

Палач обратил взгляд к небу, в попытке разглядеть выросшую за это время точку. На ее тельце мерцал едва заметный желтый огонек. По бокам что-то трепыхалось, и Каин узнал в этом движении взмах крыльев.

«Ну почему это не птица?»

Аша тем временем облокотила ракетницу на плечо. Меткий зеленый глаз прицелился на слабое движение на фоне темноты.

– Получай, тварь! – она нажала кнопку, и раздался гулкий хлопок.

Снаряд вырвался из трубы, но, не успев еще перелететь стену, выпустил струю дыма, захлестнувшую весь отряд, и со свистом взмыл в небо.

Палач поднес руку к глазам, стараясь рассмотреть, как ракета летит к цели. Аша откинула трубу в сторону и закашлялась от ударившего прямо в нее едкого дыма. Немезис и Авель полностью пропали в тумане.

Священник, затаив дыхание, смотрел, как белая нить рассекает небо и мчится на растущее во мраке пятно. Расстояние между ними с невероятной скоростью сокращалось. Еще несколько секунд и они столкнутся. Палач даже не заметил, как крепко стиснул зубы. Казалось, что время все больше замедлялось, а обезумевшее сердце своими ударами заглушило все другие звуки. Все кроме него замерло в ожидании.

Через мгновение они столкнулись. Огненная вспышка озарила небо, и воздух над фортом содрогнулся громом. Дым, выпущенный ракетой, уже растекся по земле, обнажив бледные

лица всей команды, но отец Каин смотрел только на небо. Он наконец увидел, что именно подбила ракета.

«Ну почему это не птица? – вновь подумал священник. В серых глазах отражалось огромное нечто. – Почему?»

Вниз пикировало исполинское чудовище; огромная пасть разинута, длинные черные волосы на голове, как и крылья, были охвачены огнем. Громадное тело разваливалось на горящие куски. Чудовищный вой прорвался сквозь стихающий рев взрыва. Золотым свечением, которое видел палач, были желтые глаза монстра, и они быстро приближались к земле.

– Черт, – Каин, видя, что чудовище падает прямо на Ашу, бросился к девушке и оттолкнул ее к стене.

Огромная тварь протянула горящие руки к священнику.

В следующее мгновение вся земля содрогнулась от взрыва. Раздалось надрывное ржание умирающих лошадей. Яркое пламя взметнулось в воздух и потянулось за рухнувшим на землю гигантским телом, которое протаранило руины форта, и исчезло в центральной части крепости. От стен огневой точки не осталось и камня. На месте, где стоял котелок, раскинулась глубокая траншея с кусками сгоревшей плоти на дне. Разорванных взрывом лошадей как и повозку выкинуло за пределы форта.

Ашу, заваленную землей у самого края траншеи, вытянул немезис. Девушка еле раскрыла глаза, и увидела, что его черный плащ сильно изорвался и укоротился до пояса, а на плече слабо горели язычки огня.

– Святой отец... – она постаралась встать на ноги, но ужасная боль поразила голень, и Аша упала в руки немезиса.

Мужчина аккуратно опустил девушку на землю. Она посмотрела в лицо мужчины и увидела, что его черные очки пропали. На нее смотрел голубой и черный с золотой радужкой глаз. Такой же, как и у монстра, которого она видела в прицеле.

– Что это? – закашлялась Аша, указывая немезису на лицо.

Неожиданно перед мужчиной появился медный посох и уперся ему в горло. Девушка увидела Авеля, что стоял позади и не давал исполину приблизиться к ней. Его широкий капюшон трепыхался на спине, а белые волосы спадали на лицо. Голубые глаза с ненавистью смотрели великану в затылок.

– Я так и знал, что с тобой что-то не так, – посох сильнее надавил на кадык немезиса.

Мужчина убрал руки от Аши и встал на ноги.

– Кто ты такой? – спросил Абель. В его взгляде смешалась злость и хладнокровие убийцы.

– Я – немезис. Эксперимент доктора Ворденклифа, – огромная ладонь мужчины потушила горевшее на плече пламя.

Аша медленно приподнялась над землей и всмотрелась в лицо мужчины.

– Твой глаз, – она снова закашлялась и поднесла ладонь ко рту. – Он такой же, как у того монстра. Он тоже немезис?

– Доктора Ворденклифа убили, а результат его эксперимента предали огню, – Абель надавил посохом на подбородок великана, желая поднять голову, но мужчина был неподвижен как скала. – Или ты хочешь сказать, что церковь спрятала его и хранила все эти годы?

Мужчина молчал. Он повернул голову и на парня посмотрели разные глаза.

– Говори! – крикнул Абель.

– Ты сам видишь ответ, – немезис вдруг обернулся в другую сторону.

Абель, не убирая посоха от горла мужчины, взглянул туда же.

В темноте послышались шаги. Целое множество. Из мрака один за другим начали появляться люди. Их внешний вид выдавал в них плохо подготовленный отряд: потертые камуфляжные костюмы, рваные спортивные куртки, джинсы, плащи, некоторые выходили даже

в майках. Оружие у них тоже было самое разное: от старых пистолетов до автоматов. На некоторых стояла отметка: «Окрещено собором апостола Петра». Один за другим они появлялись из темноты и окружали стоявших в разрушенной огневой точке.

«Кто они?» – подумала Аша, осматривая разношерстную толпу, но внутри уже ощутила тревогу.

Из толпы вышел слегка сутулый и невысокий человек в ядовито-зеленом плаще. Лицо скрывал широкий капюшон, по обе стороны которого, были вышиты змеиные глаза. Ступни, обутые в простые сандалии, были черными, словно у мертвеца. Руки болтались возле туловища, а опущенная голова почти лежала на груди. Аша не знала почему, но ей казалось, что от него исходит больше всего угрозы. Мужчина подошел ближе, но, не став выходить вперед, спрятался за спиной одного из людей.

– Кто вы? – спросила девушка. Она медленно попятилась к стене, где в зарослях плюща лежала винтовка.

– Мы орден Иисуса Навина, – прохрипел голос из-под капюшона, и в его тени показалась жуткая улыбка. – И мы пришли вас резать.

Авель убрал посох от горла немезиса и занес его за спину. Толпа встрепенулась, точно почуяв угрозу.

– Кто среди вас немезис? – спросил Авель, глядя на человека в плаще.

– Среди нас его нет, – неизвестный развел руками, и Авель увидел, что его ладони такие же черные как и ступни. Через оба запястья тянулись уродливые рваные шрамы.

Аша доползла до винтовки и уже собирала ее, стараясь как можно быстрее прикрепить дуло к основному телу орудия.

– Расскажите мне, кто вас возглавляет, и я пощажу часть из вас, – сказал Авель.

Человек в плаще засмеялся и запрокинул голову назад. Капюшон свалился на спину, и перед остатками отряда отца Каина предстал юноша с песочными волосами. Во рту его блестяли стальные треугольные зубы. Желтые глаза со змеиными зрачками нагло смеялись и плясали в глазницах, бросая взгляды то на Авеля, то на немезиса, то на Ашу.

– Ты нас убьешь? – он накинул капюшон обратно, не отнимая черных пальцев от его краев. – Нас тут тридцать вооруженных человек, а ваше оружие откинуло черт знает куда.

Авель мимолетом посмотрел на отброшенную взрывом тележку, которую уже окружили несколько мутантов с автоматами, и вновь перевел взгляд на человека в плаще. Медных посох начал гудеть.

– Вы сделали свой выбор, – яркая вспышка озарила пространство бывшей бойницы, и из кончика посоха выплеснулось белое, сияющее пламя. Оно побежало вверх по металлу, растеклось по воздуху и приняло форму двусторонней косы. Воздух вокруг сияющего лезвия расплавился и заискрился.

– Так вот ты какой, Серафим, – прошипел юноша в капюшоне и спрятался за спинами солдат.

Аша, наблюдая за лезвием из белого пламени, уже и забыла о своей почти что собранной винтовке. Немезис, глядя, как сияет и вибрирует воздух вокруг посоха, поморщился, прикрыв лицо ладонью.

Авель уже хотел броситься в атаку, но гигант загородил его собой.

– Что ты делаешь? – оскалился юноша. – Я убью их!

– Отцу Каину нужна твоя помощь, – золотой глаз блеснул под капюшоном немезиса. – Или ты уже забыл о нем?

Лицо Авеля тут же потеряло все признаки свирепости, и его глаза широко раскрылись. Видимо, в воцарившемся хаосе он совсем забыл о наставнике, а ведь упавший монстр мог размазать его по дну траншеи. Может быть, отец Каин сейчас лежал где-то в руинах и истекал кровью. Сверкающая коса так и застыла в руке юноши.

– Иди к отцу Каину, – сказала Аша.

Юноша обернулся и увидел лежащую на земле девушку. Собранная винтовка уже целилась в неприятеля. Бровь Аши плотно прижалась к прицелу, и длинный палец плавно лег на курок.

Авель снова взглянул немезису в лицо и убрал посох за спину. Светящееся лезвие вспыхнуло и рассеялось в воздухе.

– Если с ней что-то случится... – юноша замолчал, словно хотел припугнуть немезиса, но не нашел нужных слов. Он отвернулся и побежал вглубь руин.

«Прошу, будь жив. Будь жив», – Аша подумала об отце Каине.

Исполин перешагнул одной ногой через винтовку девушки и повернулся к толпе, таким образом прикрыв Ашу от обстрела.

– Эта пародия тебе не поможет, девочка, – юноша в ядовитом плаще смотрел на немезиса из-за спин. Толпа придвинулась еще ближе. Девушка знала, что если они пройдут еще десять метров, то смогут открыть прицельный огонь.

– Надеюсь, у тебя есть оружие? – спросила она у немезиса, не отрывая глаза от прицела.

– Сейчас будет.

Немезис вдруг исчез, но не успела девушка этого понять, как он вновь появился на этом же месте. Аша в удивлении подняла голову. Она была уверена, что ей показалось.

– Что сейчас... – в руках немезиса девушка увидела два огромных пулемета. Рядом с его ногами валялись концы двух длинных патронных лент. Это заметила и толпа, резко остановившаяся на месте. Возмущенный гул прокатился по рядам мутантов. Охранявшие повозку, осмотрелись и увидели, что ящики в ней оказались раскрыты и пусты.

– Так значит ты... Это было... – Аша все не могла поверить в увиденное. – Это телепортация?

– Нет, короткий прыжок, – мужчина покачал руками, точно разминаясь, и тяжелая сталь в его больших руках с лязгом содрогнулась. Немезис с легкостью вытянул пулеметы перед собой, точно они были из пластмассы. Патронные ленты звякнули о камень.

– Готова? – спросил он, глядя в сторону толпы.

Аша передернула затвор и нашла в прицеле голову юноши в капюшоне.

– Готова.

– Стреляйте, идиоты! – крикнул парень, в страхе убегая подальше.

– Стой! – Аша спустила курок, но не увидела, достигла ли пуля цели. С обеих сторон разразилась яростная стрельба.

Огонь и дым от автоматов закрыл девушке обзор. Пули со свистом полетели мимо лица, но она не отрывалась от прицела, продолжая стрелять почти наугад. Плащ немезиса трепыхался над головой и прямо на глазах разрывался на лоскуты. Что-то теплое, словно дождь, орошало ее щеки. Огромные пулеметы грохотали в паре сантиметров от головы, а тяжелые и горячие гильзы сыпались на спину и звенели об винтовку. Кожу обжигали раскаленные выхлопы. Солдаты побежали в атаку и стали различимы в дымке перед прицелом. Судорожный взгляд девушки бросался от мутанта к мутанту. Палец, словно пораженный судорогой, по несколько раз в секунду спускал курок, отправляя свистящие пули в головы солдат. Нападавшие падали один за другим. Пули противников лязгали об пулеметы немезиса. Взгляд Аши упал на ноги великана, и девушка заметила, что кожи на них почти не осталось. Его икры превратились в изрытое пулями мясо, в которое продолжал попадать свинец. Под мышцами белели кости. Девушка почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Несмотря на увечья, о которых Аша только могла догадываться, мужчина продолжал стрелять. Пулеметы громко и монотонно скашивали мутантов, а неподвижный исполин высился над девушкой точно скала.

Через несколько мгновений тархтение последнего автомата заглохло. Мутант, державший его, повалился на спину с отстреленной головой. Пулеметы немезиса прекратили грохотать, и из всех щелей орудий повалил белый дым.

«Закончилось?»

Шум, сменившийся внезапной тишиной, породил в ушах девушки свист. Аша подняла голову и огляделась. Все вокруг нее было усыпано сверкающими гильзами. По ее рукам, плечам и лицу стекали капельки крови. Аша обнаружила, что она была и под телом. Девушка быстро подскочила и начала проверять одежду, опасаясь, что ее ранили, но не нашла ни одного отверстия. Кровь была не ее.

Шумно выдохнув, она позволила себе осмотреться. Всю землю возле границы форта устилали мертвые мутанты. В их налитых кровью широко распахнутых глазах застыл предсмертный ужас. Через открытые рты стекала кровь. Тела лежали хаотично и в неестественных позах, точно кто-то высыпал их на землю из огромного мешка.

Девушка привстала на колени, схватившись руками за плащ защитника. Немезис стоял молча и неподвижно. Его огромные руки резко опустились, но все еще не выпускали огромные пулеметы.

– Ты в порядке? – тихо спросила Аша и ухватила за плечо мужчины. Пальцы моментально погрузились в мокрую и теплую плоть немезиса, и девушка отпрянула, глядя на свои руки. По ладоням растекалась вязкая и черная как масло кровь. Понимая, что мужчина сильно ранен, она потянулась к его лицу.

– Не надо, – великан слегка обернулся, и Аша увидела, как сильно он пострадал. Половина лица мужчины полностью лишилась кожи. Мышцы на белом черепе превратились в фарш, среди которого поблескивали застрявшие в мясе пули. Вместо желтого глаза, на девушку смотрела пустота, из которой текли кровавые слезы.

Аша в испуге отшатнулась назад и повалилась на спину у самого края рва, проделанного упавшим на форт чудовищем. Взгляд широко раскрытых глаз не отрывался от немезиса.

– Я же говорил, – сказал мужчина и начал оборачиваться, как вдруг мощный удар отбросил его в сторону словно тряпичную куклу.

На месте, где только что стоял немезис, пошатывался худой и серый труп, чье ссохшееся лицо обрамляли седые бакенбарды. Губы наполовину сгнили, и за ними проступали кривые черные зубы. Желтые глаза с удивлением смотрели на девушку, точно мертвец ее узнал.

Аша вспомнила его раньше.

«Нет, только не это», – судорожный взгляд начал бросаться из стороны в сторону в поисках винтовки.

– Привет, девочка. Помнишь меня? – послышался хриплый и тяжелый голос мертвеца. Труп сплюнул бурую жижу прямо на ногу Аше.

– Джаггернаут? – девушка до последнего надеялась, что это не так. Любой другой мертвец, но только не этот.

– На этот раз нам не помешают, – труп засмеялся, но его смех превратился в гортанный клочот. Он довольно посмотрел на Ашу и сделал шаг вперед.

—

Палач раскрыл глаза и обнаружил, что находится среди развалин, придавленный грудой камней. Все тело онемело. Грудь сдавило так сильно, что вдох едва проходил внутрь, а выдох кончался хрипом. Из разбитого лба кровь стекала по лицу и заливала глаза. Во рту застыл ее солоноватый привкус. Серые от пыли кисти, в том числе и детская рука, торчали возле головы. Священник медленно поднял взгляд перед собой.

Напротив, в огромной траншее, горели останки исполинской твари. От громадного тела остались только голова, часть спины и руки. Плоть, пузырясь, сползала с костей, а под самим монстром растекалась лужа бурой крови. Из распахнутой точно небольшая пещера пасти сквозь уродливые треугольные зубы поднимались клубы едкого дыма. В воздухе витал несвойственный для еще свежего тела запах разложения.

Палач подался вперед, заставляя онемевшее тело ожить, и груда камней с грохотом посыпалась вниз, высвобождая священника. Рядом лежал дробовик, который он в последний момент успел схватить с повозки. Священник поднял его здоровой рукой и оглядел. Корпус немного помялся, металл покрыли многочисленные царапины, но ствол остался ровным, что значило, что и само оружие еще могло стрелять. Грязный рукав протер окровавленный лоб.

«Неужели оно сдохло?» – палач посмотрел на мертвого гиганта.

Внезапно тело монстра затрещало, и его спина с хрустом провалилась внутрь грудной клетки, выпустив наружу кровавый туман из газов. Каин тут же нацелился в сторону чудовища.

Из грудины показались белые женские руки. Они медленно, точно крадущиеся змеи, заскользили вверх по обломанным ребрам и застыли на самых верхушках, вытягивая наверх их хозяйку. Из разлагающегося трупа монстра показалась обнаженная девушка. Густые и длинные каштановые волосы лежали на стройном бледном теле. От живота в полость монстра тянулись толстые синие сосуды, дрожащие, будто в них струилась кровь. Синие, как у утопленника, губы незнакомки раскрылись в лукавой улыбке, и яркие желтые глаза с черным белком играючи посмотрели на палача.

– Не стреляй, – прошелестел голос девушки. Она откинула густые волосы на спину, обнажив округлую грудь.

– Ага, прямо-таки послушался, – ответил священник, но все же не выстрелил. Мушка дробовика целилась ей в лицо. Каин был так напряжен, что стоило только внезапной гостье пошевелиться, и он спустит курок.

Девушка улыбнулась, видимо, прочитав желание палача.

– Я здесь, чтобы поговорить, – ее голос звучал интимно тихо, словно она с ним заигрывала. – Ты же не имеешь ничего против разговоров?

Каин настороженно нахмурился и поднял дробовик повыше.

– Нет, но я против, когда меня сшибают, растирают об землю и разбивают голову об стену.

– Это твоя подружка подбила меня, я не виновата, – девушка развела руки в стороны. – Если бы мои крылья не загорелись, я бы приземлилась помягче.

– Жаль, что не разбила насмерть. Ты и есть ведьма-немезис, так?

– То есть увиденное тебя в этом не убедило? – девушка ехидно улыбнулась и коснулась кончиками пальцев грудей. – Да, я ведьма-немезис. Не такой немезис, как тот «монстр Франкенштейна». В отличии от него, я такой родилась.

Каин бы обрадовался, что его предположения полностью совпали с действительностью, если бы они не носили катастрофический характер. Перед ним стояло самое сильное существо на планете.

– Если ты ответишь на мои вопросы, обещаю, ты умрешь быстро и безболезненно, – постарался как можно убедительнее произнести палач, но сказанное показалось ему самому смешным.

Девушка засмеялась.

– Какой ты грозный, Каин. Я бы хотела узнать тебя поближе, гораздо ближе, – она облизала бледные губы. – Я отвечу на твои вопросы, но тогда ты ответишь на мой. Не бойся, я не буду спрашивать о вашей церкви и прочем бреде. Это будет личный вопрос.

Каин поморщился, и его рука сильнее сжала дробовик.

«Она знает меня? Что же, неудивительно для ведьмы. Надеюсь, она не телепат, – палач взглотнул. На секунду ему показалось, что к встрече с ведьмой нужно было готовиться также,

как и к встрече с Ашей. Он вдруг понял, что не знает, что делать дальше, – Что за личный вопрос? Здесь есть подвох».

– Попробуем, – палач сделал шаг вперед. – Кто вы такие, каковы ваши планы и кто у вас главный? Проникновение на территорию человечества ваших рук дело?

– Да, наших, – тут же ответила ведьма, словно это не было секретом. – Мы организация, чьей целью является уничтожение человечества. Знаю, звучит банально, но факт остается фактом. А главная здесь я.

– Так и думал. Если тебя убить, можно будет возвращаться домой, – священник уже приготовился стрелять.

– Оу, – девушка наклонила голову набок, – Железная Дева вряд ли ждет от своего пса такого непослушания. Однако сейчас разговор не о ней, а о тебе, и вот мой вопрос, – она наклонилась вперед, облокотившись на огромное ребро монстра. – Почему ты предал Люцифера?

Холодок пробежал по спине палача. Даже спрятав лицо за прикладом дробовика, он не мог скрыть шока. Веки широко распахнулись, и казалось, что глаза вот-вот начнут дрожать от страха, как внезапно задрожало и само оружие.

«Какого черта? – мысль о телепатии не казалась уже такой дикой, – Откуда она знает? Она не может знать... Не может знать так много! Она телепат. А там где телепатия, всегда рядом телекинез. Если она может и то, и то, – его мрачный взгляд впился в лицо ведьмы, – Тогда нам всем конец...»

– Откуда тебе это известно? – тихо, но с твердостью в голосе спросил Каин.

Девушка, увидев смуту в лице палача, улыбнулась пуще прежнего, обнажив белоснежные зубы. Каштановые волосы свалились со спины и закрыли повисшую над ребром грудь.

– Он мне сам рассказал о тебе, – ведьма улыбнулась, увидев, как лицо палача побелело на глазах. – Ты ведь был его любимчиком. И до сих пор любимец. Господин ждет твоего возвращения. Именно поэтому я...

Не успела ведьма договорить, как палач выстрелил. Раскаленная дробь моментально сорвала кожу с ее головы. Девушка повалилась назад, получив еще три пучка свинца в лицо.

Священник тут же прыгнул в траншею, прямо в грудину монстра, и продолжил обстреливать ведьму. Ее белые руки попытались прикрыть тело, но палач ногами придавил их к земле. Струи крови, бьющие из головы девушки, орошали его лицо и одежду.

Гниющая на ребрах плоть вдруг ожила и устремилась к немезису. Кровоточащая масса начала залезать на нее со всех сторон, точно пытаясь защитить, но палач ее не видел. Не видел ничего кроме разрывающейся от выстрелов головы девушки и крови, брызгавшей в глаза. Сердце бешено било по ушам, и даже звук выстрелов не мог пробиться сквозь эти оглушительные удары.

В дробовике кончились патроны. Священник выбросил его и выхватил из кобуры «увальня» – тяжелый однозарядный пистолет. Плоть уже начала покрывать лицо ведьмы. Пуля в последнюю секунду вырвалась из оружия и расколола голову немезиса надвое. Мясо поглотило девушку и начало пульсировать, раздуваясь до большого кокона.

Не успел палач и сделать шага назад, как образовавшийся из гнилой плоти шар оцетинился длинными стальными иглами. Несколько таких разорвали его плащ и оцарапали лицо, но Каин вовремя отступил. Кокон начал покрываться блестящей чешуей.

Забравшись на лишившийся плоти череп, палач быстро, насколько это позволяла детская рука, перезарядил «увальня». Новая пуля отправилась в шар, но со звоном отрикошетила и улетела в стену за спиной.

– Что же, придется тебя оттуда достать, – юноша откинул пистолет в сторону и стер подступающую к глазам кровь. Он помахал рукой перед коконом, и длинные иглы, следуя за ладонью, покачались из стороны в сторону.

Губы палача тут же посинели. Темные волосы стали пепельно серыми, а зрачок в правом глазу вспыхнул красным, словно капля расплавленного железа, и поделился надвое.

«Прости меня, Дедушка, я грешен, – уголки губ Каина задрожали в кривой ухмылке. – Надеюсь, мне не придется превращаться полностью».

Палач задрал рукав на правой руке и выставил ладонь с отросшими когтями в сторону. Воздух над пепельной кожей начал дрожать и плавиться. Рука покраснела, точно металл в печи, и через пару мгновений стала желтой. По ее поверхности побежали языки пламени.

Каин бросился к кокону, и длинные иглы потянулись ему навстречу. Они пронзили священника насквозь, разорвав плащ на спине, но Каина это не остановило. Раскаленная рука на огромной скорости вошла в стальную чешую, точно нож в масло, и юноша почувствовал, как пальцы вцепились в горло ведьмы. Сквозь кокон послышался приглушенный крик, и палач ощутил, как девушка попыталась вырваться. Он сильнее сдавил горло, изо всех сил вонзая длинные когти в гортань. Из шара повалил дым и запах жженой плоти.

Внезапно что-то крепко стиснуло его руку. Острая боль пронзила мышцы, и юноша услышал треск собственных костей. Он из всех сил рванул конечность на себя, и из оплавленной дыры, ломая кокон, вылезла огромная и покрытая толстыми венами рука, когтями вонзившаяся в его плоть. Палач в ужасе попытался вырваться, но она держала его мертвой хваткой.

Кокон развалился, точно яичная скорлупа. Мутная жидкость, похожая на гной, хлынула наружу и намочила сапоги священника. Перед Каином вновь появилась ведьма, а точнее то, что когда-то ей было. Половину лица девушки обезобразила огромная опухоль, через которую на священника смотрел большой желтый глаз. Нижняя челюсть безобразно торчала вперед, а из разбухших десен росли треугольные акульи зубы. Из выжженного и разорванного горла на грудь стекала бурая жижа. От обросшего мышцами плеча тянулась уродливая исполинская рука, крепко державшая палача. За спиной девушки вздулся красный горб, который пульсировал, словно в нем билось громадное сердце.

– Бо-о-о-ольно-о-о, – проревело существо. Безумные глаза, лишённые какого-либо признака разума, взглядом пожирали юношу. Изувеченное горло свистело при каждом вдохе, а из обезображенного рта текла густая слюна, – Падаль. Мразь. Подонки.

Каин не успел сказать и слова, как огромная конечность ведьмы швырнула его в руины. Тело палача проломило стену бойницы и распласталось на земле.

Через несколько секунд юноша очнулся. Весь мир закружился перед глазами. На несколько секунд из памяти вылетело где он и что происходит. Помутнение очень быстро прошло, но на его место тут же пришла боль, сотнями иглами вонзившаяся в тело. Рука не двигалась, и Каин понял, что она сломана. Без единственной рабочей руки ему не справиться, тем более, что, не превращаясь дальше, ее не восстановить.

Покачиваясь, палач поднялся на ноги и взглянул через проломленную стену, где метрах в сорока от него маячило чудовище, что огромной рукой поднимало глыбу.

«Черт!»

Серые волосы начали быстро отрастать. Второй глаз, подобно первому, заполнился двумя зрачками, а человеческие зубы посыпались на землю.

Каин почувствовал, как кости в сломанной руке начали срастаться, а вместе с этим ощутил поднимающееся из глубины груди веселье. Верный признак того, что он начинает бредить.

«Нехорошо... Держи себя в руках!» – он опустил голову, пытаясь усмирить растущее веселье, но тут же осознал, что нельзя выпускать ведьму из виду.

Не успел он поднять взгляд, как огромный кусок бетона врезался ему в лицо. Голова запрокинулась назад, и шея громко переломилась. Глыба пробила стену позади палача, и Каин сполз по ее обломкам, раскинув ноги.

Глыба буквально вырвала только что отросшие зубы из десен, и открытый рот палача быстро наполнился кровью. Нос размазало по лицу и вдавило в череп. Голова неестественно

склонилась на бок и упала на плечо. В пустых лишенных сознания глазах палача отражался беснующийся монстр.

Ведьма, брызгая слюной, расшатывала каменную колонну. Огромная рука качала камень из стороны в сторону и крошила его края когтями, а обезображенный рот скалился и сотрясал небо звериным рыком.

Лицо палача задрожало, словно от инфаркта. Голова дернулась и с громким щелчком встала на место, и Каин тут же вернулся в сознание, с ужасом осознав, что совсем не чувствует тела. Сказывалась сломанная шея. Перед взором все кружилось, и юноша надеялся, что немезис не успеет его атаковать, пока не завершится трансформация. От туловища вздымались перья черные волосы дыма.

Каменная колонна с треском переломилась и повисла над землей, удерживаемая огромной рукой чудовища. Ведьма с ревом взмахнула громадиной и отправила ее в сторону бойницы.

Несколько тонн бетона в пару секунд преодолели десятки метров и, проломив остатки первой стены, устремились в палача.

Губы священника растянулись в жуткой ухмылке. В горящих глазах отразилась приближающаяся колонна и...

...остановилась.

Звериный оскал ведьмы тут же улетучился. На обезображенном лице проступили удивление и ужас, и заплывший чудовищной опухолью глаз со страхом посмотрел на палача. Многолетняя глыба безжизненно повисла в паре сантиметров от лица Каина, и воздух вокруг нее будто бы сгустился и задрожал.

– Хе-хе, – раздался смех множества голосов. Юноша, точно безумный, смотрел на застывший перед ним камень. – Думаю, ты впервые видишь телекинез. Позволь продемонстрировать.

Обрамленная когтями ладонь коснулась колонны.

Не успела ведьма и шевельнуться, как громадная глыба, точно пушечный снаряд, со свистом рассекла воздух и протаранила ее. Камень буквально взорвался, и осколки колонны разлетелись по всему форту. Облако пыли взмыло в воздух, скрыв в себе чудовище.

Палач хотел смеяться. Он не видел ничего смешного, но истеричный смех так и рвался из него, заставляя юношу сгибаться и хвататься за грудь. Слюна брызгала сквозь острые зубы.

«Не надо! Хватит! Прекрати!» – кричал в мыслях священник, пытаясь взять над собой контроль. Каждый раз, когда ему приходилось прибегать к помощи телекинеза, его рассудок начинал разваливаться. Ощущение было сравнимо с падением в бездну. Непроглядную, засасывающую точно расщелина на дне озера.

Он поставил ногу на разбитую стену и взглянул на облако пыли.

– Ну давай... Давай! Выходи, девочка! – он прикрыл лицо рукой, пытаясь сдержать смех. Он чувствовал, как в нем растет желание бойни. – Не говори, что ты так быстро подохла!

– Па-па! – воздух над фортом содрогнулся. В клубах пыли показался темный обезображенный силуэт монстра. Огромная рука медленно простерлась из дымки, а вслед за ней вторая, но еще больших размеров.

Каин расплылся в довольной улыбке и облизал губы.

«Сейчас. Сейчас! Сейчас повеселимся!» – его лицо скрутила гримаса страдания. Он упал на колени и схватился за голову. В ушах пищало. Боль, словно сверло, дробила череп и вонзалась в мозг.

– Хватит! – из глаз брызнули слезы.

Монстр вылетел из тумана, точно пушечное ядро. Палач даже не успел поднять головы, когда он оказалось рядом. Безобразное и покрытое безумием лицо ведьмы застыло в паре сантиметров от его носа. Каин даже почувствовал запах паленой плоти и влажное, зловонное дыхание чудовища на своей коже.

Священник еле успел прикрыться руками, когда огромный кулак выбил из его груди воздух. Кости громко треснули, и Каина выкинуло за пределы бойницы. Он выставил ноги навстречу приближающейся земле, но ускорение, полученное им при ударе монстра, буквально обрушило его на твердый каменистый пол. Боль тут же вонзилась кинжалами в сломанные руки, и тело перекрутило несколько раз, пока оно не распласталось на бетоне. Палач, словно не чувствуя боли, тут же вскочил на ноги, и горящие глаза отыскивали приближающегося монстра.

– Весело! – Каин сплюнул сгусток крови. – Слабый удар!

«Хватит! – завопил он в мыслях, – Сосредоточься! Соберись!»

Чудище, разбрасывая обломки камня и ломая на пути стены, несло на него. Новая рука твари будто бы безжизненно болталась позади тела, но палач знал, что именно ей она нанесет удар. Кости в собственных руках почти срослись.

Гигантская лапа, как и ожидал Каин, резко ожила и ринулась навстречу. Он нырнул под нее, оказавшись вплотную с ведьмой. Немезис скривил рот и попытался отпрянуть, но ладонь Каина устремилась ему в грудь. Когти пробили грудину, и длинные пальцы проникли сквозь плоть, сжавшись в том месте, где должно было быть сердце.

Каин широко раскрыл глаза, осознав, что его там не оказалось.

– Что за... – вторая рука ведьмы схватила его и сдавила так сильно, что десятки костей разом хрустнули. Толстая струя крови вырвалась из рта палача, а глаза полезли из глазниц.

«Нет!» – пальцы вцепились в легкое ведьмы и начали отрывать от него куски. Девушка вскрикнула, и огромная рука выпустила Каина.

Палач, падая, дернул конечность на себя и вырвал кусок легкого из груди монстра. Немезис взревел и забился в агонии. Из пробитой груди потянулись склизкие нити плоти. Не успел юноша рухнуть на землю, как вторая рука монстра вновь обрушилась на него и отправила в полет.

«Скоро я не смогу регенерировать», – думал он, пролетая над руинами. Кости, словно живя отдельно, шевелились в изувеченной плоти и вставали на место, но уже медленнее, чем раньше.

Он упал на прогнившие ящики и мешки. Сырое дерево с громким треском проломилось под телом. Белая пыль извести тут же вспорхнула в воздух и облепила мокрую от крови одежду. Каин начал подниматься, но вдруг услышал железное бречание под рукой. Под ладонью лежала ржавая цепь. Палач внимательно посмотрел на нее и растянулся в улыбке.

– Юхуху! Что я приду-у-умал!

Земля под ногами монстра дрожала. Его приближение сопровождалось грохотом и звериным воем. Над стеной, которая их разделяла, разлетались камни.

Каин взял цепь с двух концов и, поднявшись на ноги, притаился. Все тело пульсировало болью и стонало, точно просило передышки. Грохот нарастал. Палач чувствовал, как с каждой секундой монстр подходит все ближе, смотрит на камень, разделяющий их, и точно также, как и он сам, представляет по ту сторону врага.

«Давай же».

В этот же момент стена разлетелась, и немезис набросился на него.

Каин перепрыгнул через ведьму, в воздухе обкрутив цепь вокруг ее шеи. Огромные руки девушки попытались схватиться за нее и не дать затянуться, но исполинские пальцы были слишком неуклюжи. Железо намертво сдавило горло. Палач дернул руками, повалив немезиса на землю, и побежал к ближайшей бетонной свае, таща за собой брыкающегося монстра. Он перепрыгнул через камень, и части цепи оказались по разные стороны колонны. Безобразное тело немезиса продолжало волочиться по земле, пока спиной не ударилось о сваю. Тяжелая цепь сдавила горло ведьмы.

Шея девушки тут же начала разбухать и покрываться буграми мышц, но было уже поздно. Железо так сильно сдавило плоть, что буквально терлось сквозь кожу о позвонки. На лице немезиса, точно куча червей, вздулись вены. Кожа стала настолько красной, будто была готова лопнуть, как переполненный кровью комар. Выкатившиеся глаза покрылись капиллярами и закатились. Огромные руки рвали растущее на шее мясо в бесполезной попытке добраться до цепи.

– Надеюсь, тебе хорошо! – засмеялся палач, но тут же скорчил гримасу, когда боль сжала виски. – Сейчас тебе будет еще лучше...

Цепь в руках Каина начала нагреваться, постепенно становясь красной, а затем желтой. Воздух над металлом задрожал. Через пару секунд до его слуха донеслись жуткие свистящие хрипы ведьмы. Палач засмеялся.

Раскаленное железо плавало кожу девушки и буквально сжигало мясо, проникая сквозь плоть. Одно из звеньев, сжегшее до конца мышцу, уперлось в кость.

«Умоляю тебя, умри!» – взмолился в мыслях Каин, уже не в силах сдерживать подступающее к нему безумие и слабость в дрожащих руках. Он чувствовал себя так, точно находился в полусне. Забытые и бред медленно поглощали рассудок.

Бетонная свая позади палача внезапно сломалась. Не успел он обернуться, как цепь резко оторвала его от земли и подбросила в воздух. Скользящий взгляд зацепился за жуткое зрелище на земле. Из горба ведьмы рос огромный, как дерево или столб, позвоночник. Меж громадных позвонков подобно ветвям торчали ростки спинного мозга. Руки ведьмы держали раскаленную цепь.

Палач выставил ноги, готовясь к твердой посадке, но монстр неожиданно дернул руками, и Каин на огромной скорости протаранил землю лицом. Череп лопнул, и кровь хлынула на бетон, точно из разбитого кувшина. Священник провалился во тьму.

Цепь сползла с изувеченной шеи ведьмы. Ее горло, обросшее буграми мышц, было выжжено посередине до самых позвонков. Пузырящийся жир стекал по шее, а обугленные края раны все еще дымились.

Девушка упала на колени, выпучив слезящиеся глаза и пытаясь вдохнуть. Тело била дрожь. Огромный позвоночник продолжал расти из лопнувшего, точно гнойник, горба, принося ведьме адские мучения. Огромные руки заколотили по земле с такой силой, что тело Каина начало подпрыгивать. Девушка задергалась точно в приступе эпилепсии. Искривленное агонией лицо обратилось к небу, и из огромного позвоночника начали отрастать отдельные сочленения. Одни стали гигантскими ребрами, а другие же, обретя суставы, превратились в голые кости рук, что с грохотом обрушились на землю, поднимая пыль.

Ведьма вдруг замерла, и из ее глаз, ушей и ноздрей потекла кровь. Трупное лицо резко начало худеть: сквозь тонкую кожу проступили очертания черепа, глаза впали, а губы исчезли, обнажив крошачьи зубы. Через пару секунд от девушки остался лишь скелет обтянутый потрескавшейся кожей. Она вся ссохлась, точно древняя мумия. Из разорванной спины, подобно огромным щупальцам, появилось мясо, что быстро поползло по скелету, обволакивая его и срастаясь с костями.

Палач лежал неподвижно и смотрел. Череп почти полностью сросся, но юноша еще не мог встать. Если бы он мог изменить выражение лица, то оно бы оделось в маску ужаса. В отражении глаз огромный скелет покрывался мышцами, а на верхушке позвоночника начинала расти громадная опухоль, очертания которой отдаленно напоминали голову.

«Быстрее! Быстрее!» – тело регенерировало медленно. Священник ощущал прикосновение холодного бетона к коже, но конечности все еще оставались неподвижны. Если превращение ведьмы закончится раньше, чем он овладеет своим телом, то ему точно конец. Каин даже жалел, что сразу не воспользовался телекинезом и не раздавил кокон, пока чудовище было

в нем. Если он все-таки успеет, если только сможет подняться раньше ведьмы, он не задумываясь им воспользуется, невзирая на последствия.

Гора мышц пошевелинулась, и огромные кости застонали под тоннами плоти. От нарощего мяса словно из труб под давлением хлынул пар, скрыв исполинское чудовище в серой пелене. Сквозь образовавшийся туман палач видел тень уродливой головы, что тряслась из стороны в сторону. Оболочка, оставшаяся от ведьмы, грудой костей и кожи лежала на бетоне. Издали она напоминала какое-то серое тряпье.

Каин прислушался. Сквозь шипение пара и грохот огромных рук о бетон, он ясно выделял тихие и ритмичные удары внутри монстра. Биение исполинского сердца. Что-то громко треснуло, точно разломилась огромные кости. Образовавшаяся голова открыла рот, и палач с ужасом увидел тень громадных зубов.

И тут его тело вновь ожило. Оно тут же отозвалось болью и задрожало, точно после пробуждения. Не медля ни секунды, Каин как можно быстрее начал подниматься. Конечности были еще слабы, но не было времени ждать. Теплое дыхание твари, струей бившее из тумана, говорило, что времени восстанавливаться у него нет.

Огромная тень вновь зашевелилась. Земля под слабыми ногами Каина задрожала, и юноша чуть не упал. В тумане стал различим весь силуэт монстра, и палач в ужасе вытаращился на исполинскую тень, понимая, насколько огромно это существо. У выросшей твари были ноги. Она стояла на четвереньках и поворачивалась из стороны в сторону, громко царапая бетон когтями.

«Сколько в нем? Десять тонн? Двадцать? Сто?» – палача охватила паника. Идея о том, чтобы напасть прямо сейчас, улетучилась. Ему просто не хватит сил, чтобы даже сдвинуть телекинезом монстра, не то что убить. Юноша надеялся, что существо даст ему время восстановиться, но в тоже время его терзали плохие предчувствия. Если монстр уже сформировался, разве он не должен был уже напасть? Складывалось впечатление, что тварь сама выжидала то ли удобного случая, то ли хода палача.

Неприятная мысль кольнула Каина, отчего холод пробежался по спине:

«Оно разумно?»

Раздался еще один толчок, и Каин замер, спрятав вдох в груди. Сквозь туман на него смотрели огромные желтые глаза. Испуганное отражение юноши тонуло в бездонных, точно колодцы, зрачках твари.

Пелена рассеялась, и палачом овладел ужас, точно к нему вернулись старые воспоминания об Аде, которые он так тщетно и лихорадочно пытался забыть. В паре метров от него неподвижно застыло нечто безобразное и огромное, похожее на гибрид человека и летучей мыши. Из-под сползающих на лицо длинных черных волос на палача смотрели огромные глаза, лишенные век. Пасть твари раскрылась, и наружу вывалился язык. Длинный, красный и мокрый. Он извивался как змея, облизывая огромные зубы.

Монстр на четырех конечностях, словно таракан, побежал на него. Земля задрожала. Из темной глотки раздался оглушительный рев, точно стадо слонов оплакивало мертвого младенца.

Палач постарался отпрянуть с пути монстра, но не смог пошевелиться. Он в ужасе посмотрел на свои руки и ноги, предательски дрожавшие, точно от лихорадки.

«Оно парализовало меня!» – юноша направил все силы на то, чтобы поднять трясущиеся руки. Ладони медленно тянулись вверх, напрягаясь так, что сквозь пепельную кожу проступили жилы.

Огромная тварь нависла над ним. В чудовищно больших глазах, застывших от него всего в метре, Каин увидел свое жалкое отражение. Из раскрытой пасти на него стекала слюна, и доносился резкий запах гнилой плоти. Огромные, точно каменные глыбы, кулаки монстра взметнулись в воздух и рухнули вниз. Дрожащие руки священника простерлись навстречу.

Лапы застыли в паре сантиметров от протянутых ладоней Каина, и сгустившийся воздух заструился по исполинским пальцам монстра. Палач почувствовал, как его тело моментально начало слабеть. Руки дрожали так, точно удерживали на себе тонны веса, что отчасти так и было. Лицо Каина подернулось судорогой. Чудище ревел не в силах преодолеть невидимый барьер. Громадные мышцы зашевелились, пытаясь весом раздавить препятствие.

Каин морщился от навалившейся на лоб боли. Она ощущалась так, будто его голову со всех сторон сжимают тиски. Он крепко сжимал зубы, и из десен уже струилась кровь.

– Ну что, сука?! – зазвучал многоголосый крик палача. Голос уже не принадлежал ему. Юноша начинал тонуть в собственном безумии, но чувствовал, как взамен рассудка к нему возвращаются силы. – Кажется, телекинезом ты не обладаешь! Это хорошо!

Он начал медленно разводить руки. Лапы чудища, дрожа, разошлись в стороны. Чудище ревел, пытаясь помешать движению, но ничего не могло с этим поделать.

– Позволь я познакомлю тебя теперь с телепатией, – на этот раз кривая ухмылка все же появилась на устах палача. Он до последнего не хотел прибегать к этой силе, и даже сейчас сомневался, стоило ли ее использовать, но идущее впереди рассудка помутнение уже решило исход.

Красные зрачки палача начали пульсировать, постепенно разгораясь до яркого свечения. Монстр поморщился и постарался вырваться, но удерживаемые телекинезом руки не позволили. Глаза Каина вспыхнули, и красное свечение заполнило собой все вокруг.

Каин летел. Его сознание покинули абсолютно все ощущения, кроме жгучей боли в глазах. Из всего тела он чувствовал только их. Вокруг ничего не было видно. Темнота без запахов, вкусов и температуры. Абсолютная пустота.

Палач опустил взгляд вниз и увидел свой позвоночник, точно червь болтающийся под головой. Из воздуха начали расти ребра, по которым красными нитями сплетались мышцы. Последний позвонок разросся в тазовую кость, а от нее, тут же покрываясь мясом, повисли ноги. В полости ребер появились очертания органов, что начали заполняться плотью.

За всю свою жизнь Каин проникал в чужое сознание всего четыре раза, и каждое слияние отличалось от предыдущего. Однако одно оставалось неизменным – у него заново отрастало тело.

Через несколько мгновений весь скелет юноши покрылся мышцами. Процесс ни разу не сопровождался болью, но сейчас Каин чувствовал пощипывание, когда поверх голой плоти начала расти кожа.

Окружавшая его пустота стала обретать физические свойства. Юноша ощутил, что парит в густой теплой жидкости и может спокойно ей дышать. Руки и все тело слегка сдавливало и отпускало, точно пространство вокруг пульсировало. Станный поток нес его куда-то в темноту.

«Что-то не так», – насторожился палач. Он не видел ничего необычного, что могло бы заставить его переживать, однако что-то держало в напряжении. Перед ним не появлялись обрывки воспоминаний ведьмы или ее внутреннее видение мира. Его просто несло куда-то во мглу, пока он не осознал, что мгла у него только перед глазами.

Юноша не видел ничего, в том числе и своих рук. Они существовали, он ощущал их, но не мог увидеть. Глаза будто бы ослепли. Священник поднес руку к лицу и, потрогав веки, ужаснулся. Его глаза заросли.

«Что? С ними же только что было все в порядке!» – когти начали царапать кожу, пытаясь разлепить плоть, но это было бесполезно.

Неожиданно что-то протаранило Каина, выбив воздух у него из груди. Юноша распластался на чем-то твердом и понял, что его ничто не сбивало; это непонятное течение наконец-то вынесло тело к концу мрака. Если, конечно, мрак вообще был.

Острая вспышка боли пронзила правый глаз священника, и он с криком схватился за лицо, ощущая, как что-то теплое течет по коже. Боль продолжала прорываться вглубь глазницы, словно предмет, попавший туда, проникал глубже в голову. Не колеблясь ни секунды, Каин просунул пальцы в рану. Юноша морщился от боли, внутри все пылало огнем, но он продолжал просовывать когти вглубь черепа. То, что проникло ему в голову, было все еще внутри и дико зудело. Священник ощущал движение этого предмета и пытался поймать его, пока не осознал, что он исчез.

Каин замер, пытаясь понять что происходит. Рассудок точно покрылся пеленой, и даже течение времени менялось для палача, то замедляя свой ход, то неистово ускоряясь. Юноша отмотал последние события в памяти и осознал, что он сам же вонзил себе пальцы в глаз, и ничего в него не попадало.

– Черт возьми! – Каин вытащил мокрые пальцы из глазницы. Как оказалось, до того, как он полез внутрь, глазное яблоко было цело; сейчас же оно стекало по запястью. Теперь он точно не мог ничего видеть. Кровь облепила лицо.

«Я не контролирую ее сознание. Нужно выбираться, пока не...» – новая вспышка боли поразила голову. Пальцы, уже без его желания, теперь вонзились в обе глазницы и начали разрывать содержимое головы.

Священник завопил от обжигающей боли. Пальцы до самых казанков проникли в череп и раздался треск. Каин потерял сознание.

Он падал. Несся на огромной скорости сквозь бездну. Боль уже отступила, но рассудок все еще пребывал в состоянии полусна. Палач плохо чувствовал свое тело, а оно, в свою очередь, беспорядочно барахталось во мгле.

И вдруг раздалась яркая и болезненная вспышка. Каин сильно зажмурился и схватился за голову. Чувство было такое, словно череп вновь лопнул, и из него выкачивали все содержимое. Виски пронзил режущий свист. Мир вокруг крутился. Палач ощущал гравитацию, чувствовал, что падает. До слуха, сквозь дьявольский писк, доносилось трепыхание его плаща на ветру.

Земля ударила разом по всему телу, вышибив воздух из легких. Палач громко захрипел, мостиком прогнувшись над твердью. Скрюченные, сломанные руки словно ветви высохшего дерева простерлись вверх.

Он ощутил свои глаза и часто заморгал, точно не веря, что они восстановились. Взор слепил яркий свет, но это было куда лучше, чем крошечная темнота. Каин часто дышал, чувствуя, как тело медленно отходит от болевого шока. Мир перед глазами начинал тускнеть, и палач увидел над собой бескрайний простор синевы.

«Небо?» – юноша застыл и на несколько секунд забыл, как дышать. Глаза испуганно таращились на целый океан повисший над землей. Это было странно. Вид давно забытого светлого неба должен был вызывать радость, но в юноше он пробуждал лишь ужас. Мир, который он видел, давно канул в небытие, а то, что предстало здесь, было не чем иным, как его трупом.

Каин наконец-то сделал вдох. Со стоном он перевернулся на живот, но не вытерпев боли в сломанных костях, тут же уткнулся носом в землю. Здесь его тело лишилось даже регенерации. Оно горело, и ощущение было такое, точно плоть пронзали острые кинжалы. Внезапно он замер, ощутив, как что-то щекочет лицо. Священник приподнял голову и увидел, что лежит в густой траве.

Детская рука крепко вцепилась в зелень, а потом еще раз и еще, точно проверяя не мираж ли это. Пальцы мололи меж собой травинку, и ощущение влаги на коже тут же вырвало из забвения воспоминания о лугах и пастбищах.

«Она роется в моей памяти, – трава была покрыта росой, и пиджак священника уже промок насквозь, но он этого не замечал. В уме крутились мысли о том, как поскорее вырваться

из ловушки – Для чего она показывает мне воспоминания о прежнем мире? Сомневаюсь, что она хочет сделать мне приятно. Нет, она ищет. Ищет, что показать».

Палач вдруг осознал, что именно нужно было в его голове ведьме. Хоть яркое солнце грело его изувеченную спину, по ней все равно пробежал холодок. Каин застыл на месте, выпучив глаза.

Внезапно где-то рядом послышались голоса. Каин дернул головой в сторону звука, а сам подумал:

«Она нашла...»

В нескольких метрах от него по траве шли два парня и, казалось, не замечали развалившегося на земле священника. Тот, что шел впереди, громко смеялся и что-то рассказывал; от ослепительного солнца его глаза щурились, а светлые, почти белые, волосы полыхали в ярких лучах. По беззаботному выражению лица, можно было понять, что юноша очень весел. Но второй юноша был другим. Каин сразу узнал его, а потому в его глазах застыл молчаливый ужас. Да и как можно было не узнать самого себя? Священник знал, что это за воспоминание. Смерть Авеля.

Молодой Каин шел, понутив голову. В солнечном свете его черные волосы казались еще чернее, чем на самом деле. На лице застыла неприкрытая ненависть, и юноша часто поднимал тяжелый и яростный взгляд на своего брата. Тонкие губы подрагивали от гнева.

Священник вздрогнул. Каждый новый шаг братьев вырывал из его памяти фрагменты, которые постепенно складывались в творящееся на глазах событие. Палач не мог вспомнить все сразу. Обрывки медленно появлялись из темноты, и он мог помнить только то, что должно произойти через мгновение. Единственное, что он знал наперед...

Новый фрагмент всплыл на поверхность, и, уцепившись за него, как утопающий за спасательный круг, юноша с ужасом наткнулся взглядом на камень, что острым краем торчал из травы. Палач ощутил подступающую к горлу тошноту. Он уже вспомнил, для чего ему пригодился его острый скол.

– Нет... пожалуйста... – прохрипел он, широко раскрытыми глазами глядя на валун.

Его испуганный взгляд метнулся к мрачному юноше, и палач с ужасом осознал, что он тоже обратил внимание на камень.

– Нет! – палач постарался приподняться, но боль острыми зубами вгрызлась в руки, и они тут же подкосились. Священник рухнул на траву, и все его тело вспыхнуло в агонии. Из глаз брызнули слезы. – Стой! – крикнул он в надежде, что парень его услышит.

Юноша склонился над травой и поднял камень. Воспаленный ненавистью взгляд с ликованием смотрел на острый выступ. Авель, все также смеясь и что-то рассказывая, шел дальше.

– Прекрати! Пожалуйста, не делай этого! – палач вонзал пальцы в траву и, невзирая на будто охваченное огнем тело, тянул себя вперед. Безжизненные ноги волочились следом. Он уже давно не чувствовал себя таким беспомощным. Юноша изо всех сил пытался подняться, но боль острыми лезвиями терзала плоть. Она проникала в мышцы толстыми иглами, превращая их в желе. Палач прикусил губу. Онемевшие руки дрожали.

– Пожалуйста!

Каин начал медленно красться к брату. Тяжелый камень был таким черным, что буквально поглощал солнечный свет, а скол настолько острым, что, казалось, разрезал на нити падающие на него лучи. Авель даже не оборачивался. Он легко шел вперед, пиная сандалиями траву.

– Черт! Черт тебя побери! Хватит! – священник оскалился от отчаяния и боли. Все тело горело. На шее вздулись толстые вены и поползли на красное и мокрое от пота лицо. Каждая мышца будто бы разрывалась. Внутренние органы завязывались в узлы и тянулись, норовя порваться. От перенапряжения Каина стошнило на траву. Дрожащие пальцы впились в землю.

– Умоляю тебя! Прекрати!

Он не мог больше ползти. Стонущая шея не смогла больше держать голову, и палач упал лицом в собственную блевоту.

«Пожалуйста! Умоляю! Не надо!»

Каин вплотную подкрался к брату. Камень на вытянутых руках поднялся над его головой.

Палач в последней попытке простер руку вперед, надеясь, что сможет использовать телекинез. Ладонь бессмысленно повисла в воздухе. Губы священника раскрылись и задрожали. Утонувшие в слезах глаза с надеждой и отчаянием смотрели на камень, будто умоляли его остановиться. В зрачках блеснули детское бессилие и страх. Сердце било по ушам и сдавливало виски. Каин почувствовал, как был жалок в этот момент. Он отдал бы руку на отсечение, нет, все конечности, лишь бы это прекратить. Не задумываясь нарушил бы приказ Девы, и сам убил немезиса Ворденклифа.

– Не-е-ет! – вырвался его истошный вопль. Пальцы хватали воздух, точно маленький ребенок пытался дотянуться до игрушки.

Камень полетел острием вниз.

– Сто-о-ой!

Глыба обрушилась на голову Авеля, и громкий хруст костей иглами вонзился в сердце палача. Тугая струя крови ударила в грудь молодого Каина. Брат даже не вскрикнул и сразу повалился в траву.

– Хва-а-атит! – перед глазами священника все померкло. Земля, на которой он лежал, словно потеряла гравитацию. Все стало иллюзорным и ненастоящим. Ему показалось, что он оглох. Сквозь тишину, окутавшую его уши, он слышал чей-то крик, но не мог понять кому он принадлежал. Ему показалось, что это кричал еще живой Абель, но потом понял, что голос принадлежал не брату. Это он сам кричал.

Среди травы раздался стон. Тонкие руки заляпанные кровью простерлись вверх, то ли пытаясь защититься, то ли в попытке что-то схватить. Обезумевший Каин опустил руку возле брата и вновь занес окровавленный камень.

– Каин... почему ты...

Глыба обрушилась на лицо Авеля, и раздался треск. Брызги крови оросили подернутое ненавистью лицо Каина. Глаза горели лихорадочным огнем.

– Хватит! – рыдал священник и бессмысленно болтал перед собой руками. Слезы застилали глаза. Когтистые пальцы пытались схватить силуэт юноши, пытались дотянуться и отнять камень, но тот против его воли раз за разом опускался в траву. И слышался хруст. И Каин кричал, пытаясь заглушить пугающий его, точно раскат грома в детстве, звук.

– Прошу... Каин... – раздался хрип среди травы. Кровавая рука простерлась к брату, но тот обрушил на нее камень и переломил.

– Умри уже! – вопил юноша и бил камнем брата по голове. – Умирай, я сказал!

Сломанная рука упала в траву.

Палач чувствовал это раньше. Бессилие. Бессилие перед отцом, перед Богом, перед дьяволом. Он так хотел стать сильнее, чтобы иметь возможность влиять хоть на что-то, но в этом чужом мире он не мог ничего изменить. Каин снова был лишь безвольной куклой, которая только и могла, что наблюдать за ужасом, не имея возможности его прекратить. Он бы убил себя, лишь бы не дать Авелю умереть. Каждая капля крови, что орошала кожу его прошлого, чувствовалась и на нем самом. Теплая и липкая, навязчивая, как вечное клеймо, которое он уже сотню лет пытался смыть. Кровавые цепи, из которых он уже век старался освободиться, но безрезультатно. Эти кандалы сдирали кожу и мышцы, и боль от них была ужаснее любой из всех, что ощущало его тело. Его плоть могла регенерировать, но душа – нет. Он был бессилён. Священник не влиял на этот мир. Мир памяти шел своим чередом, а он мог лишь наблюдать.

– Пожалуйста... – прохрипел он. Слабость ударила в голову, и палач уронил лицо в траву. Горящая огнем грудь начала содрогаться в рыданиях. Священник подтянул ноги и обнял их руками, упершись лбом в колени.

Бледное лицо молодого Каина обратилось к небу. По щекам к подбородку текла густая кровь брата. Он выронил камень из рук и стер ее с глаз. Пустой и безжизненный взгляд устремился в небо, где яркий солнечный диск приближался к земле. В небе нарастал гул и свист. Воздух прорвал сокрушительный рев труб, точно гиганты, сидящие в облаках, играли на громадных инструментах. Белый свет заполнил собой все вокруг, и по небу вокруг солнца побежали диски. Звезда приближалась к земле.

Каин опустил голову и посмотрел на заляпанную кровью одежду. Лицо не выражало страха, а наоборот, было преисполнено безразличия. Огромный луг зелени вдруг замер. Трава разом полегла к земле, обнажив изувеченный труп Авеля.

– Бог... – сорвалось с губ юноши, и свет поглотил его.

Палач уже не рыдал. Он бессмысленно смотрел куда-то перед собой, и шевелил раскрытыми губами. Трупное лицо покрывалось светом. Горящие глаза погасли, а длинные волосы облепили заплаканное лицо.

– Прости меня... Авель... Прости...

Огромные кулаки обрушились на Каина и с грохотом вбили его в бетон. Осколки камня разлетелись вокруг, а из-под пальцев монстра поползли трещины, которые тут же заполнились кровью священника. Немезис поднял руки, и на его безобразном лице показалось подобие улыбки.

Каин лежал в неестественной позе. Одна нога была вывернута против колена, а руки переломаны, точно прутья высохшего дерева. Потухшие глаза смотрели в разные стороны, а нижняя челюсть, лишившаяся всех зубов, болталась у шеи. Из груди торчали сломанные ребра.

– Да, я не могу использовать телекинез, – голос монстра состоял из обрывков звуков. Он напоминал смесь клокотания, рева, стоны и криков разных существ, слившихся в одном отчаянном и истошном хоре, – но телепатия – мой конек.

Чудище вновь занесло громадный кулак, но вдруг остановилось, уставившись на священника.

Большая буква «М» на лбу юноши пульсировала, словно магма под остывшей коркой. Красное биение нарастало, уменьшая паузы между вспышками.

Монстр отодрал прилипшее к бетону тело и поднес к лицу. Веки палача медленно раскрылись, и на монстра посмотрели безразличные глаза. Священник не шевелился. Ни один мускул на бледном лице не содрогался, превращая его в маску безразличия. Складывалось впечатление, что юноша все еще лишен сознания, однако четыре подвижных зрачка, что рассматривали монстра, говорили о том, что палач не спал. Ему просто было все равно.

Существо вздрогнуло и завертело головой, точно в его руке оказалась бомба или что похуже. Уродливое лицо исказилось яростью, и громадные пальцы сомкнулись на теле палача. Раздался хруст костей, и на землю ручьями потекла кровь. Немезис расплылся в омерзительной улыбке, наблюдая, как она струями бьет меж пальцев и орошает кожу, но вновь посмотрев на юношу, тут же перестал улыбаться.

Запрокинутая голова священника все также не шевелилась. Пустой взгляд падал прямо на монстра, и в нем будто читалось: «Ты уже не сможешь сделать мне больше».

Немезис взревел и бросил тело палача в руины. Стена, в которую врезался священник, разлетелась как при взрыве. Колонна, стоявшая рядом, со стоном обрушилась сверху. Облако пыли взмыло в воздух, и обломки камня, подпрыгивая и перекатываясь, разлетелись по сторонам.

Монстр опустился на четыре конечности и с проворностью ящерицы понес свое многотонное тело к месту падения.

Камень еще громко падал, а пыль кружилась в воздухе, когда немезис отыскал палача. Священник вновь обрел человеческий вид. Его серая от бетонной крошки голова болталась из-под завала. Через раскрытый рот стекала вязкая нить крови, полуоткрытые глаза смотрели на монстра.

– Хах, живучий! – огромная челюсть твари двигалась, точно ковш экскаватора, – Даже успел исцелиться! Господин Люцифер хорошо потрудились над тобой! Но ты так быстро сдулся... Неужели одно воспоминание об убийстве брата способно тебя так расстроить?

В голосе немезиса звучал вызов и издевка, но в огромных зрачках все равно читались напряжение и испуг. Монстр не мог понять, почему Каин не боится его.

Палач едва зашевелил ртом, издавая слабые хрипы.

Чудовище тут же приблизило огромную голову и затаилось, пытаясь разобрать слова.

– Просто он не должен видеть меня таким... – на мертвенно-бледных губах Каина показалась ухмылка.

Монстр застыл в недоумении, как вдруг яркая вспышка прошла по его спине. Немезис взревел, вставая на задние конечности. Сверкающая дуга вонзилась в бок чудовища, прорубив плоть до середины живота, и тварь повалилась на землю.

– Хорошо, что ты здесь, – прохрипел палач, глядя через полуопущенные веки на юношу.

Авель стоял в двух шагах от завала. В руках гудел медных посох, на конце которого переливалось сияющее лезвие из белого пламени. Голубые глаза неотрывно наблюдали за ревушим монстром.

– Ублюдок! – прогремел голос немезиса. Огромные руки уперлись в землю, подняв многотонное тело, и чудовище оказалось на четырех конечностях. Монстр резко развернулся в сторону, где стоял Авель, но юноши там уже не было. Из-под груды камня на чудовище смотрел лишь священник.

Полоска света прошла прямо по брюху гиганта, выпустив наружу дымящиеся кишки, и монстр с ревом отскочил в сторону, пытаясь на ходу подхватить вываливающиеся потроха. В луже черной крови, где только что был немезис, стоял Авель, сапогом придавливая упавший на землю кишечник.

Монстр выкинул навстречу парню огромную ладонь. Снова заблестели светящиеся дуги, и пальцы монстра разлетелись по сторонам. Серафим с проворностью птицы нырнул под руку чудовища, размахивая посохом и отсекая ломти от громадной конечности.

Рука немезиса укоротилась до локтя. Монстр вскочил на ноги, и земля под юношей задрожала. Вторая конечность устремилась в парня, но Авель с легкостью увернулся от громоздкого удара. Огромные когти раздробили бетон за его спиной. Посох помчался навстречу монстру, и яркая дуга вспорола бок исполина.

Чудовище взвыло и бесконтрольно замахало руками, пытаясь хоть как-нибудь задеть юношу. Над землей поднялась пыль, точно рядом взлетал вертолет. Авель словно в танце миновал каждый выпад. Он возникал из ниоткуда как призрак, нанося молниеносные удары по немезису. Несколько раз огромные когти чудовища пролетали в считанных сантиметрах от юноши, но Авель с ловкостью матадора миновал их в последний момент и тут же контратаковал. Имея вес в сотни раз меньший, чем у гиганта, он с легкостью теснил его и отсекал от многотонного монстра кусок за куском.

Громадное тело немезиса сочилось кровью. Руки превратились в короткие культы, а плоть, иссеченная порезами, при каждом движении растягивалась, обнажая глубокие раны. В огромных глазах царил хаос и страх.

Как только правая рука укоротилась до плеча, немезис в отчаянии бросился вперед. Чудовищная пасть раскрылась точно пещера, норовя сожрать юношу. Авель без особого труда uklonился и зашел гиганту за спину. Сверкающая коса рассекла плоть до позвоночника.

Монстр с ревом упал на колени, но тут же начал подниматься. Сверкающая коса прошла по огромному колену, и чудовище с ревом обрушилось на спину, лишенное голени.

Авель оказался прямо напротив головы. Сияющее лезвие отразилось в зрачках гиганта. Юноша занес посох для удара, как вдруг грудная клетка монстра, иссеченная решеткой порезов, начала раздуваться, жадно втягивая воздух. Авель тут же отпрянул назад, пытаясь сопротивляться потоку воздуха, что засасывал его в распахнутую пасть чудовища вместе с обломками камня и пылью. Тело немезиса превращалось в шар.

– Черный огонь! – крикнул палач.

Юноша не мог двигаться, все силы уходили на то, чтобы устоять на ногах. Монстр резко подался вперед, и из его глотки вырвался огромный столб черного пламени. Яростный поток промчался по руинам, превращая стены форта в пар, и захлестнул Авеля.

– Не-ет! – Каин зажмурился от обжигающего кожу жара.

Последние струи огня сорвались с обугленных губ монстра, и между гигантом и палачом растянулось целое черное озеро огня. Оно с шипением переливалось перед Каином и создавало у него ощущение бельма на глазу. Священник ничего не видел, только ощущал, как жар выедаёт глаза, а в кожу вонзаются раскаленные иглы. Бетонные колонны, что торчали из пламени, плавилась и со стоном падали в черноту, поднимаясь на поверхность уже в виде раскаленных испарений. Огонь подползал все ближе, лениво пожирая языками камень.

– Сгорел ангелочек! – заклокотал немезис. Огромная пасть растянулась в улыбке, а из-за зубов показался скользкий и длинный язык. Из срезов на локтях отрасли новые кости и тут же покрывались плотью. Глубокие раны шипели, испуская из себя кровь, и срастались. Монстр смотрел на огонь, как вдруг перестал улыбаться.

Сквозь черное пламя, загородившее собой все, пробивались лучи света. За ними разразилась яркая вспышка, и весь огонь исчез, оставив от себя лишь оплавленный котлован, наполненный магмой.

Авель стоял на нетронутом пламенем пяточке земли. Сверкающее лезвие переливалось у ног, а из-за спины, точно вода рвущаяся из трубы под давлением, бил поток светящейся жидкости, по форме напоминавший крыло. Она испарялась тут же, стоило ей только отдалиться от тела на полтора метра.

«Наконец-то», – палач с облегчением вздохнул. От яркого света жидкости, его лицо казалось совсем бледным. Субстанцию, которую ученые окрестили «ангельской водой», Каин видел всего второй раз в жизни, но уже мог сказать, что исход боя предreshен.

Авель резко припал к земле, коснувшись бетона ладонями, и бьющий из-за спины поток взбесился. Он моментально разросся до размеров волны и понесся к монстру, превращаясь в бушующее пламя.

Немезис успел только взреветь, когда огонь захлестнул его с головой. Истошный вопль прорвался сквозь свет, и запах горелой плоти наполнил воздух.

Взгляд Авеля вдруг помутился, и юноша упал на колени. Бьющий из спины гейзер иссяк, и белое пламя тут же погасло, оставив на краю котлована дымящееся черное тело немезиса.

Палач смотрел на широко раскрытую пасть монстра. В пустых глазницах чудовища кипели глаза и бурой жижей вытекали наружу.

«Прошу тебя, умри... Не вставай».

Но чудовище не собиралось сдаваться. Обгоревшая плоть зашевелилась, разрывая корку, в которую превратилась кожа. Сквозь разломы сочилась черная кровь. Из открытого рта начали вырываться сильные хрипы и свист. Не до конца отросшие руки вцепились в обломки стен, и монстр медленно пополз прочь, постепенно набирая скорость.

– Авель! Вставай! Вставай, Авель! – кричал священник, провожая взглядом убегающее чудовище.

Юноша, пошатываясь, поднялся на ноги. Голова была опущена, а в глазах горел лихорадочный огонь. Рука как можно крепче сжала медный посох, и из его края вырвался светящийся клинок, но уже куда меньшего размера, чем предыдущий.

Авель тут же очутился возле обгоревшего монстра. Немезис начал оборачиваться, но сияющее лезвие тут же вонзилось в его плоть. Юноша изо всех сил махнул посохом, и тело монстра поделилось пополам. Чудовище истошно взревело. Огромные ноги трепыхнулись, разбрасывая камни и остановились.

Точно не замечая пропажи, гигант быстро продолжил ползти вперед, минуя разбитые бетонные стены. За изувеченным телом тянулся густой след крови.

Ноги Авеля снова подкосились, и юноша оперся на посох, схватившись за грудь. Он задыхался. Лезвие тут же рассеялось в воздухе.

Каин знал, каких усилий требовало высвобождение ангельской жидкости. В первый раз, когда Авель смог использовать «крыло», он впал в кому. С тех пор прошло множество тренировок, но юноша все еще мог удерживать жидкость не больше половины минуты, однако палач надеялся, что этого будет достаточно.

– Я еще не закончил, – прохрипел Авель и вытащил из-за пазухи антикварный пистолет.

Внезапно под кожей на спине немезиса что-то зашевелилось. Черная корка лопнула, и наружу вырвались огромные перепончатые крылья. Руки монстра вцепились в стены и подбросили тело в воздух. Крылья мощно затрепыхались, быстро поднимая гиганта над землей.

Волосы юноши растрепались и облепили мокрое от пота лицо. Авель прищурил глаза, поднимая пистолет вверх за монстром. Тело замерло, готовое к одному единственному движению – спуску курка.

Палач следил за удаляющимся немезисом и, задержав дыхание, ждал. Он знал, что Авель не промажет, юноше нужно было время, чтобы собрать энергию благодати в пуле, из-за чего священник нервничал и бросал взгляд то на воспитанника, то на улетающего монстра. Он крепко сжал зубы.

Авель слегка расслабил палец на спусковом крючке и пошевелил им, готовясь к выстрелу. Половина туловища монстра качалась в воздухе, точно лодка в шторм. Темнота поглощала обгорелое существо, и оно постепенно начинало исчезать.

– Стреляй! – не выдержал палач.

Авель резко сжал крючок, как вдруг что-то огромное сбilo его с ног. Огромный столб света вырвался из антикварного пистолета и моментально пронзил небо, но слишком далеко от монстра.

Каин с ужасом смотрел, как отрубленные ноги чудовища пинком отбросили Авеля назад и начали ползти за улетающей половиной немезиса. Рот палача бессмысленно раскрылся, пытаясь что-то крикнуть.

Серафим лежал на спине, крепко сжимая пистолет. Взгляд голубых глаз бессмысленно блуждал по небу. Юноша постарался встать, но руки и ноги будто не понимали, чего от них хотят, и просто шаркали по бетону.

– Авель! Вставай! Вставай! – палач попытался выбраться из завала, но у него все еще не хватало сил. Силуэт монстра почти растворился в темноте, и только звук хлопающих крыльев был еще различим.

Авель смог сесть и крепко зажмурил глаза. Когда они открылись, то их взгляд устремился точно в то место неба, откуда доносились хлопки. Каин не видел монстра, но знал, что юноша его видит.

Рука с пистолетом потянулась в сторону звука. Авель вновь прищурился. Оружие в руке подрагивало. По лицу юноши скатилась капля пота.

– Стреляй! – крикнул палач, чуть не сорвав голос.

Авель спустил курок. Из пистолета вырвался луч света, но не преодолев из десяти метров исчез, точно и не существовал. Серафиму не хватило сил.

Палач, что с отчаянием смотрел, как яркая вспышка исчезает в небе, закрыл глаза и опустил голову. Губы растянулись в злобном оскале.

Пистолет выпал из рук юноши и звонко ударился о камень. Ослабевшая рука осталась висеть в воздухе, будто Авель показывал в сторону, куда улетел немезис. Широко раскрытые глаза бессмысленно смотрели туда, где только что перед его взором была мушка.

—

– Не думал, что мы встретимся девочка. Видимо, судьба и вправду, как бумеранг, – Джаггернаут слегка улыбнулся. Под гнилыми губами показались такие же гнилые, желтые зубы.

Аша потянулась к винтовке, но ботинок мутанта опустился на оружие, чуть не раздавив девушке пальцы. Не успела она убрать руку, как вторая нога Джаггернаута лениво пнула ее в бок. Кажущийся со стороны слабый удар, отбросил Ашу на несколько метров назад, и девушка несколько раз перевернувшись, распласталась на земле.

Из пульсирующей болью груди вырвались редкие хрипы. Аша таращила глаза, пытаясь вдохнуть воздух.

– Судьба жестока. Она воскресила меня ради возмездия, – ботинок мертвеца раздавил прицел, – Она думает, что твоя смерть оправдает то, что последует далее. Нет, не оправдает.

Он сделал шаг вперед, но тут же остановился. Справа, точно мираж, возник силуэт огромного человека в черном плаще. Кулак с громким хлопком обрушился на челюсть старика, и тот повалился на землю. Немезис, тяжело дыша, поднял с земли пулемет. Джаггернаут начал подниматься, но стальное дуло орудия ударило его в скулу и прижало лицом к земле. Исполин зажал спусковой крючок, и громадный пулемет обдал голову мутанта облаком огня и пыли.

Аша держалась за ушибленные ребра. Испуганные глаза следили за концом пулеметной ленты, что все ближе подбиралась к оружию мужчины.

Прогремели последние выстрелы. Немезис тут же поднял пулемет над собой и бросил в лицо мертвеца. Дрожащие руки потянулись ко второму, но не успели еще коснуться приклада, как Джаггернаут тут же поднялся на ноги.

На лишенном кожи лице, точно пеньки, торчали сверкающие пули. Из пустой глазницы вытекал глаз, а нижняя челюсть болталась возле шеи мешком кожи с раздробленными внутри костями.

– Осторожно! – крикнула Аша. Она постаралась встать, но вывихнутую при падении ногу скрутило болью. Взгляд зеленых глаз упал на винтовку.

Немезис начал оборачиваться, но было поздно. Ладонь Джаггернаута вошла ему в грудь и вышла через спину, порвав плащ.

Голубой глаз исполина широко раскрылся, а изо рта ударила струя крови. Его большие ноги подкосились, и мужчина повис на предплечье разрушителя.

Не долго церемонясь, Джаггернаут опустил руку, и грузное тело немезиса соскользнуло с нее на землю. Под мужчиной тут же начала растекаться лужа крови. Старик поднял над его головой ногу.

Аша доползла до винтовки. Руки в последний момент подхватили оружие, и девушка выстрелила, почти не целясь. Пуля попала Джаггернаута в глаз и пробила насквозь череп. Его занесенная для удара нога раскрошила камень в паре сантиметров от лица немезиса, и тело мертвеца с огромной дырой в затылке рухнуло на колени, и повалилось на бок. Содержимое черепа тут же вывалилось наружу.

Аша, тяжело дыша, опустила винтовку. У нее было так мало сил, что в последний момент оружие просто выпало из трясущихся рук. Девушка сама поражалась тому, как сумела попасть.

Она подползла к неподвижно лежащему немезису. Могучая грудь мужчины трепыхалась, а из горла вырывался свист. Аша коленями встала в его кровь и постаралась поднять исполина, но не сумев этого сделать, перевернула его на спину.

– Эй, ты в порядке? – спросила она. Огромная дыра в груди великана делала этот вопрос риторическим.

Голубой глаз немезиса взглянул на девушку.

– Не совсем, – его голос больше напоминал хрип. По губам струилась кровь. – Еще несколько часов и... – он вдруг замолчал.

– И что?

– И вам придется меня убить, – дрожащей рукой он указал на грудь. Аша пригляделась и только сейчас поняла, что Джаггернаут ударил его точно в центр какой-то металлической коробки, из которой торчали покрытые кровью провода.

– Что это? – спросила девушка, разглядывая сломанный прибор.

– Это сдерживающий генератор... Он не дает клеткам демона делиться, чтобы я не мутировал...

Он громко закашлял, и черные сгустки потекли по его квадратному подбородку.

– Без него я превращусь... – взгляд немезиса блуждал по лицу девушки. – Сначала мои раны полностью заживут, а после начнутся изменения.

– Этого можно как-то избежать? – спросила Аша и вдруг замерла. За спиной раздавались едва различимые шорохи.

Девушка обернулась и в ужасе широко раскрыла глаза.

Недавно убитые немезисом мутанты, словно марионетки, которых кукловод тянет за веревочки, вставали с земли и поднимали свое оружие. Их жуткий вид заставил Ашу попятиться назад. Это были уже не мутанты, они были ожившими мертвецами, такими же, как и Джаггернаут. У некоторых недоставало оторванной руки, у кого-то из разорванного живота свисали кишки, и они, наступая на них, падали на землю. Те, у кого голова напоминала разбитое яйцо, бессмысленно дергались на земле. Оставшиеся без ног медленно ползли к Аше и немезису.

Среди мертвецов сидел юноша в ядовито-желтом плаще. Черные руки лежали на коленях, а из свежих порезов сочилась яркая, как рубин, кровь. Губы растягивались в сумасшедшей улыбке.

– Кто теперь тебя защитит, девочка? – он громко засмеялся, покачиваясь на земле взад-вперед.

«Черт! Черт тебя подери!» – Аша перебралась через немезиса и схватилась за второй пулемет. Тяжелая сталь не поднималась, а лишь тащила по земле туда, куда его тянула девушка.

Девушка крепко сжимала зубы и тянула оружие изо всех сил. Вывихнутая нога стонала, но в порыве страха Аша совсем забыла о ней. Рывками, она подтащила стального монстра к немезису. Мужчина смотрел на нее, но ничем не мог помочь.

– Что ты... – прохрипел он и вдруг застонал, когда тяжелое дуло пулемета надавило на изувеченную грудь.

Аша, краснея, воздвигала орудие на тело мужчины. Подставки у пулемета не было, поэтому нужно было что-то более или менее высокое под ним, чтобы вести прицельный огонь.

– Прости, но если хочешь выжить, нужно потерпеть, – девушка дернула ручку и, придерживая пулемет за приклад, направила дуло на ближайших мутантов.

– Девочка... – прохрипел исполин, и Аша посмотрела на него недоверчивым взглядом, точно ожидая возражений. – Не думай обо мне. Стреляй.

Аша улыбнулась. Иначе она и не умела.

Палец сжал спусковой крючок, и девушку затрясло из стороны в сторону. Немезис громко завыл. Пулемет, словно не принимая нового хозяина, стремился вырваться из рук, но Аша не уступала. Она изо всех сил держала стальное чудовище, направляя его гнев в толпу мертвецов.

Десятки светящихся копий косили толпу. Пыль взлетала в небо, а мертвецы один за другим валялись на землю. Пули отрывали им вторые руки, взрывали головы или перерезали тела пополам.

Аша ничего не слышала. Все звуки поглотил грохот пулемета.

Немезис, превозмогая боль, повернулся под оружием на бок, став для девушки щитом. Сделал он это как раз вовремя. Первые пули мертвецов уже летели в Ашу, но останавливались в теле мужчины, заставляя того вздрагивать от боли.

– Дохните, гниды! – девушка скалилась и щурила глаза. Каждый мускул на руках был напряжен до предела, стараясь удержать стальное чудовище.

Внезапно что-то до боли стиснуло ей ногу. Аша закричала. Одна из рук выпустила пулемет, и тот, точно шланг под напором воды, слетел с тела немезиса. Девушка обернулась и в ужасе вскрикнула.

Жилистая и высохшая рука Джаггернаута держала ее за лодыжку. Гнилое тело медленно подползло к Аше и тянулось второй конечностью. Из простреленной головы вытекали остатки мозга вместе с тухлой кровью. Лицо, скорченное в гримасе безумия, улыбалось беззубым ртом.

– Я все гравно убрю тебя, гдура-а-а!

Девушка, крича от боли, потянулась к своей винтовке. Сдавленная нога горела огнем. Она подтащила к себе оружие, но вторая ладонь мертвеца обхватила дуло орудия, и сталь лопнула, переломившись у самого затвора. Джаггернаут дернул обломок на себя, вырвав приклад из рук девушки, но тут же получил от нее каблуком в глаз. Из-под ее сапога брызнула кровь.

– Не собродивляйся! – взревел мертвец и, дернув девушку за ногу, подмял ее по себя.

Аша вонзила большие пальцы в глазницы мертвеца и что есть всех постаралась его оттолкнуть. Бурая тухлая кровь капала ей на лицо, а зловонное дыхание старика щипало глаза. Ноги Джаггернаута прижали ее колени к земле.

– Отвали! – закричала Аша. Голова разрушителя, точно не встречая сопротивления, опускалась ниже.

Старик резко замахнулся рукой. Девушка тут же отпустила его лицо и дернулась в сторону. Кулак Джаггернаута раскрошил бетон в двух сантиметрах от ее носа.

– Хгватит!

Он схватил Ашу за горло и вдавил ее в землю.

Глаза девушки тут же закатились. Перед взором все стало красным, точно мир виделся сквозь кровавую пленку. Аша бессмысленно зашевелила ртом, пытаясь глотнуть воздуха, но сквозь гортань не прорывался даже хрип. Она изо всех сил вцепилась в руку мертвеца, но та не двигалась, точно стальная свая. Шея стонала, готовая в любой момент переломиться.

«Нет! Не засыпай! Держись!» – Аша царапала гнилую плоть, пока несколько ногтей не сорвались с пальцев. Она даже не ощутила боли. Ее сознание покрывалось пеленой. Ноги немели, а боль, терзавшая шею, потихоньку исчезала, растворялась в безразличии.

Руки еще раз, но уже слабо, стукнули по мертвецу и бессильно съехали по его руке вниз к шее.

«Нет... Пожалуйста... Я должна... Должна. Мама... Папа...» – Аша проваливалась в темноту, и нужда в воздухе пропала.

Джаггернаут расплылся в улыбке и занес кулак, готовый разнести девушке голову, как вдруг, услышав странный хлопающий звук, обернулся.

Он успел только широко раскрыть глаза, когда что-то огромное рухнуло рядом. Чудовищная рука появилась из поднявшихся клубов пыли и обхватила его тело. Пальцы Джаггернаута сорвались с шеи девушки.

Аша тут же очнулась. Она жадно глотнула пыльный воздух и закашлялась, схватившись за сдавленное горло. Из глаз брызнули слезы.

– Нгет! Не надо! Не-е-ет! – вопил Джаггернаут. Огромные пальцы чудовища зажали его руки, и он бессмысленно болтал ногами, пытаясь вырваться.

«Жива! Жива!» – думала Аша, вдыхая хоть и пыльный, но все же спасительный воздух. Слезы бежали по грязным щекам. До нее вновь стали доноситься звуки, а красная пелена перед глазами начала растворяться, и тогда девушка поняла, что не одна.

Аша медленно обернулась, и ее лицо покрылось ужасом.

Мимо нее, сдирая об камень кровавую корку с живота, полз огромный торс обгоревшего чудовища. Безгубая черная голова склонилась над немезисом Ворденклифа, но вдруг повернулась к девушке.

Аша попятилась назад, беспомощно елозя по земле ногами. Руки поскользнулись на какой-то глыбе, и девушка упала на спину. Испуганный взгляд не отрывался от двух исполинских золотых глаз, смотревших на нее.

Чудовище, точно не питая к Аше интереса, обернулось вновь к немезису. Мужчина постарался прикрыться рукой, но большие зубы монстра мягко, точно не желая ему навредить, сомкнулись на исполине и оторвали его от земли.

– Нет! Умоляю! – кричал Джаггернаут, пытаясь вырваться из мертвой хватки чудовища.

Монстр развернулся к девушке спиной.

«Отец Каин? Авель? – Аша раскрыла рот. – Мертвы?»

– Подождите меня! – кричал юноша в ядовито-зеленом плаще, мчась навстречу чудовищу. По кончикам его пальцев струилась черная кровь.

Только он приблизился к монстру, как огромная рука крепко схватила его, отчего юноша выпучил глаза и громко выдохнул.

Громадные перепончатые крылья существа затрепыхались, отрывая обгоревший торс гиганта от земли. Облако мелких обломков и пыли захлестнуло Ашу, и девушка крепко зажмурилась, прикрывшись рукой. Как только они рассеялись, она взглянула в небо. Среди мрака порхали огромные крылья, постепенно растворяясь в темноте.

Девушка продолжала смотреть вслед, как вдруг внезапный шорох напомнил ей, что рядом еще были враги. Аша опустила глаза и с ужасом осознала, что окружена. Воскресшие мертвецы приближались, метя автоматами в голову.

– Нет! Не-е-ет! – она осталась совсем одна. Девушка попятилась назад, как вдруг рука провалилась в траншею, оставленную упавшим на форт монстром. Внизу горели останки твари.

Видя, что позади ничего нет, Аша жалобно заскулила. Она отвернулась и закрыла глаза, боясь увидеть, как в нее начнут стрелять. Сердце спряталось в груди и замолчало. Девушка крепко сжала зубы, пытаясь вспомнить все, что было хорошего в ее жизни. К несчастью, таких вещей оказалось мало. На ум приходила только встреча с отцом Каином и Авелем, знакомство с Железной Девой и последующее обучение. Священника она вспоминала больше всего. Высокого юношу в черной форме залитого светом. На губах у него как всегда играла легкая улыбка, а глаза источали грусть. Ашу всегда интересовало, почему он вечно ходит с отрешенным взглядом и молчит, глядя в одну точку. Она чувствовала, что за плечами палача что-то лежало, давила какая-то ноша, которую он никому не показывал. Теперь, если бы ей дали время, она обязательно спросила бы у него, почему он такой грустный. Но времени не было.

Вдруг за спиной стали раздаваться звуки, похожие на падение клубней картофеля. Девушка обернулась и не поверила увиденному. Мертвецы точно куклы падали на землю и раз-

валивались на куски. Голова одного мутанта подпрыгнула, ударившись о камень, и прикатилась к ее ногам. В стеклянных глазах медленно гасло зеленое свечение.

Девушка пнула отпавшую голову. Челюсть отвалилась, а верхушка, точно пустая, застучала по камню, укатываясь вдаль. Тела мертвецов сгнивали на глазах, превращаясь в тряпье и кости. Зеленый туман выползал из трупов и стелился по земле.

– Аша! – раздался знакомый голос за спиной.

Девушка обернулась. Позади, еле-еле перебирая ногами, шли Авель и отец Каин. Юноша был цел, хотя все его белое одеяние перепачкалось, а на изможденном лице застыла мрачная и болезненная гримаса. Голубые глаза как будто потускнели. Палач выглядел куда хуже. Весь серый от пыли, с многочисленными кровоподтеками и рассечениями на лице, он едва волочил ноги, опираясь на плечо Авеля. Одежда свисала с него обрывками ткани. Серые глаза не отрывались от земли.

– Ты цела? – тихо спросил он, когда они оказались рядом. Из разбитой головы все еще текла кровь и падала на воротник.

Девушка кивнула, хотя свое состояние она вряд ли могла назвать даже удовлетворительным. Горло стонало, а грудная клетка вздрагивала при каждом вдохе от боли. Сдавленная Джаггернаутом нога горела. Однако, увидев Авеля и отца Каина живыми, девушка почувствовала себя лучше.

– Он полетел туда? – спросил палач, указывая пальцем на восток.

– Да.

Его лицо нахмурилось.

– Значит он летит в Муравейник, – отец Каин посмотрел на развалившиеся трупы вокруг форта. – Нам надо спешить.

Палач убрал руку с плеча юноши и было начал идти, как вдруг железная хватка Авеля заставила его остановиться. Палач обернулся и заметил на себе злой взгляд парня. Аша прижала руки к груди, чувствуя, что, возможно, самое плохое еще впереди.

– Не хотите нам что-то сказать, святой отец? – с вызовом в голосе спросил Авель. Пальцы крепче сжали плечо наставника.

– Что я должен вам рассказать?

Лицо Авеля стало еще раздраженнее. Аша даже и не помнила, когда юноша так себя вел. Образ робкого и спокойного Авеля, каким его помнила девушка, никак не вязался с тем, что она видела сейчас. На секунду ей показалось, что она наконец увидела на нем влияние Рима.

– Что должны рассказать? Станный вопрос. Что среди нас делал немезис? Почему церковь прятала его и зачем она отправила его с нами?

– Я не знал, кто он, – ответил палач.

– Не врите нам, – отрезал Авель. – Железная Дева не могла утаить это от вас. Почему церковь сохранила немезиса?

Священник дернулся, сбрасывая с себя руку. Он отошел к развалившейся телеге, где среди черных сумок лежало оружие, опустил на корточки и начал что-то перебирать в сумках.

«Он не знает, что сказать», – подумала Аша. Девушка видела, как Авель продолжал сверлить взглядом спину палача.

Священник гремел чем-то железным, но вдруг остановился на секунду, точно вслушиваясь в тишину, и с громким вздохом опустил голову.

– Я скажу правду.

У Аши внутри все сжалось.

Отец Каин развернулся к Авелю, и в его взгляде девушка уловила чувство вины, от которого ей стало не по себе.

– Про командира разведки я не соврал. Он заключил сделку с демоном, и тот доставил его к краю купола. Охрана стены открыла огонь, но глупо думать, что от массового обстрела пострадал только демон. Капитан погиб. Его тело отдали доктору Ворденклифу, на тот момент еще работавшего в соборе. Он сказал, что хочет изучить тело на воздействие радиации из Ада и что-то там еще, связанное с воздействием крови демона на человеческие ткани. А потом он пропал. Дальше историю вы знаете: доктора нашли в тот момент, когда он из частей демона и человека создавал немезиса. Священники, что штурмовали лабораторию, говорили, что на момент убийства доктора, немезис был жив. Как потом сказали, монстра сожгли вместе с лабораторией и трупом доктора. Но на самом деле немезиса доставили в собор для изучения.

Священник замолчал и потупил взгляд в землю. Аша видела, как тот крепко сжимает кулаки и что-то шепчет, едва двигая губами.

– Его должны были сжечь! – Авель злился все сильнее. – Он порождение зла!

– Знание природы этого существа могло бы послужить собору для уничтожения демонов. Ты думаешь, как ребенок, – возразил палач.

Юноша весь вспыхнул и залился краской.

– Капитан забыл всю свою предыдущую жизнь, – продолжил отец Каин. – Он заново родился в лаборатории доктора, и он не виноват, что родился таким.

– Такие компромиссы и приводят к тому, что Бог не возвращается на Землю! Если бы собору хватало мужества честно бороться с нечистью, мы бы смогли его вернуть!

Теперь замолчал палач. Аша увидела, как тот отвел взгляд, точно пытаясь найти, что противопоставить Авелю, однако девушка заметила в его глаза что-то еще.

– Да, возможно это так, – прошептал священник, – но представь, что однажды ты проснешься утром, не помня, кто ты есть, и обнаружишь, что из тебя сделали монстра. Скажи, ты бы подставил голову под гильотину?

– Я бы сам дернул рычаг, – процедил сквозь зубы Авель.

– Значит, ты дурак.

Кулаки Авеля крепко сжались. Перчатка, растянувшаяся на костяшках закричала. Аша видела это и в ужасе раскрыла глаза.

«Неужели он его ударит?» – не дожидаясь ответа на свой вопрос, она встала между ними, разведя в стороны руки.

Возможно Авель и не собирался бить отца Каина, ибо когда ладонь Аши ткнулась ему в грудь, на лице юноши показалось искреннее недоумение.

– Ты чего? – спросил он сдавленно.

– Вы что, хотите переубивать друг друга? – девушка чуть ли не рычала, пытаясь изобразить злость, но внутри у нее все сжималось. – Мутанты убивают людей, а вы собрались поубивать друг друга?

Палач тоже застыл в изумлении. Он даже слегка приоткрыл рот, вытаращившись на Ашу.

«Это хорошо», – подумала девушка.

– Посмотрите на себя, черт возьми! – она оглядела их обоих. – Вы же всегда были неразлучны! А теперь? Грызетесь как упыри за кость! Мне противно на это смотреть. Неужели вашу дружбу так легко порушить какой-то глупой идеологией?

Аша посмотрела на Авеля и поняла, что своего добилась. Юноша виновато отвел взгляд и залился краской. Даже священник стыдливо смотрел на нее и поджимал губы.

«Получилось?» – у Аши замерло сердце. Она боялась, что за этим коротким смущением, наполнившим обоих парней, вновь последует слепая ярость.

Неожиданно Авель протянул ладонь к священнику. Голубые глаза не поднимались, однако в них читался стыд.

– Простите меня. Я не знаю, что на меня нашло.

Отец Каин резко шагнул вперед, но вместо того, чтобы пожать руку в ответ, обнял юношу.

– И ты меня прости, – тихо сказал священник.

– Вы не виноваты. Виновата церковь. Они заставили вас скрывать.

Чувство стыда, что виднелось на лице палача, сменилось настороженностью, но он промолчал. Юноши отпрянули друг от друга и пожали руки.

Аша была довольна, однако последние слова Авеля занозой засели в душе.

«Ну почему нельзя просто прекратить?» – жалобно подумала она, глядя на хмурого отца Каина.

– Что будем делать? – спросил Серафим, оглядывая кости, оставшиеся от мутантов. В глазах юноши читалось недоумение. – Где немезис? Вы убили того парня? Что с ними?

Девушка покачала головой.

– Огромная тварь, которую я сбила, забрала немезиса и парня с собой. И Джаггернаута. Тот парень, скорее всего, воскресил его и всех этих мутантов, после того, как немезис убил их.

– Воскресил? – глаза Авеля округлились.

Палач стал еще мрачнее.

– Значит, теперь у них есть еще два существа. А как же второй гроб?

Все вместе они посмотрели в сторону повозки, где под черным брезентом кроме сумок с оружием ничего не было. От гроба остался лишь покореженный металл.

Теперь они все стояли с таким же мрачным выражением лица, как и у священника.

Палач посмотрел в сумрачное небо на восток. Туда, где скрылся немезис.

– Мы идем в Муравейник.

– Не стоит ли нам сначала отправиться в город? – спросила Аша. – Если вдруг у Железной Девы другие планы...

– Нет, – холодный ветер раздул плащ палача и накинул на его голову капюшон. – Она дала приказ сразу отправляться туда. Я уверен, что они ударят по тюрьме.

– Нам туда не добраться так быстро, – сказал Абель, глядя в сторону Муравейника.

Лицо палача утонуло в тени капюшона.

– Все эти мутанты, – юноша пальцем указал на развалившиеся трупы, – не пешком сюда пришли. Где-то поблизости должна быть машина. Даже грузовик.

Так и оказалось. Вокруг форта проходило русло высохшей реки. На дне, спрятанный под маскировочной сеткой, стоял обшарпанный с облезшей краской грузовик.

«Они ехали по дну канавы, чтобы их нельзя было засечь радарами. Но откуда они знали, что эта река идет к форту и что мы вообще будем здесь?» – подумал священник, глядя на машину. Лицо его стало мрачнее, чем небо над головой. На ум приходило только одно объяснение – телепатия ведьмы.

Каин поморщился, ощущая, как холодок пробежал по ушибленной спине.

«Если ее способности настолько велики, то не исключено, что она может читать наши мысли. И не только наши. Всего города. Получается, что бы мы не запланировали, она всегда знает, как мы поступим. А следовательно, мы заведомо проиграли».

Ему не хотелось верить в такую дикую теорию, однако ужас ее существования все же засел в его взбудораженном рассудке.

– Заведомо проиграли...

Они перетащили все оружие, которое было в повозке в грузовик, прихватив с собой и то, что принесли мутанты. Обороне Муравейника оно могло пригодиться.

Священник взглянул на Авеля, садящегося в машину, и нахмурился. Он ведь чувствовал, ощущал каждой клеточкой тела, что так и будет. Пусть юноша и не держал зла, и, как казалось, не потерял к нему доверия, однако он сильно разочаровался в церкви. А это значило...

Каин дернул головой, пытаясь отогнать эти мысли.

Из грузового отсека ему махала Аша. Из-под машины под тарыхтение двигателя поднимался черный дым.

Палач подал здоровую руку девушке и вскарабкался внутрь. Грузовик, подрагивая, поехал по устью реки.

Священник сидел на полу, раскинув ноги. Рваная рубашка и пиджак валялись рядом, накрытые черным плащом. Аша сидела подле и обматывала марлей саднящие раны юноши.

Острые камни, об которые ударялся палач, покрыли его тело глубокими порезами, правда они очень быстро затягивались. Каин боялся, что девушка это заметит, но Аша не видела. Она смотрела на руку священника и аккуратно пеленала ее бинтами, словно укутывала ребенка. Младенческую руку палач прятал за спиной, иногда перемещая ее в карман.

На полу стояла небольшая электрическая лампа, в свете которой глаза девушки казались ярко желтыми, точно золото. Каин молча смотрел на нее и, когда она отрывалась от его руки и бинтов, переводил взгляд на лампу или же на дрожащие на стенах тени.

Грузовик подпрыгивал на ухабах, и девушка, чтобы не упасть, иногда хваталась за плечо священника или же прислонялась к нему. В такие моменты палач, к своему стыду, надеялся, что дальше под дороге кочек будет больше. Когда Аша вновь падала на него, он подвигался навстречу, стараясь всем телом прижаться к ней. Она хваталась тонкими руками за его грудь, касалась ссадин, но юноша не чувствовал боли. Его внимание привлекали волосы девушки, что щекотали лицо.

Когда она вновь начала падать, юноша как всегда придвинулся к ней навстречу и обхватил ее большими руками. Он почувствовал, как ее грудь коснулась его живота. Чтобы не дать ей упасть, Каин обхватил ее крепкой рукой, но тут же бросился в краску, как только ее дрожащие глаза посмотрели в его собственные. Только что живая и сильная рука, что оказалась у нее на спине, стала мягкой и задрожала. Фонарь опрокинулся и, укатившись в угол, погас, оставив в кузове полную темноту. Но даже в этой темноте палач видел, как светились ее глаза. Руки девушки на его груди обжигали кожу, заставляли юношу покрываться мурашками. Он смотрел на нее, желая отвести взгляд и тут же боясь его отвести.

Она медленно потянулась к нему, положив руки на его большие плечи. Ее теплое дыхание коснулось его губ, а запах проник в легкие и вскружил священнику голову. Она была так близко, что прилившая к голове и глазам кровь сделала все внутри кузова расплывчатым. Кончик ее носа коснулся его носа. Дыхание девушки уже казалось горячим, а тонкие руки нежно обвили его шею. Палач замер, боясь даже выдохнуть. Сердце бешено билось. Мысли кидались как и при использовании телекинеза.

«Нет», – вдруг прозвучал голос в голове и привел Каина в чувства.

Грузовик снова подскочил на кочке. Лежавший в углу фонарь откатился назад и снова вспыхнул, вырвав из темноты священника и сидящую на нем девушку.

Аша смотрела Каину в глаза, не выпуская его из объятий, но рука юноши уже сползла с ее спины на пол. Девушка снова села рядом и, подобрав край распустившегося бинта, начала сматывать его обратно в рулон. Палач отвел взгляд в сторону. На распаленном лице застыл стыд и смущение. Ему казалось, что сказать что-то необходимо.

– Я надеюсь, что ошибаюсь, и на тюрьму никто не нападет.

– Надеюсь, вы правы, – ответила Аша, глядя на бинты.

Юноша только сейчас заметил, что ее тонкое лицо покрылось румянцем как и его, а, может быть, и больше. Несколько распустившихся локонов свисали прямо на лоб между двух блестящих глаз.

Священник взглянул на её руки. Пальцы девушки дрожали и теребили растрепавшийся бинт.

– Ну ничего, – нарочито весело сказал он. – У нас вон сколько оружия.

В дальнем углу кузова поверх черных сумок лежала целая куча пистолетов-пулеметов, дребезжащих сталью на каждой кочке.

– Да, – Аша улыбнулась, но сдавленно, точно ей было вовсе не смешно, и поднесла бинт к плечу палача.

Юношу пробрала дрожь, как только пальцы девушки коснулись его кожи. Палач заметил, что ее глаза больше не горели. Она без смущения смотрела на то, как его тело реагирует на ее прикосновения. От этого Каину стало стыдно, и он отвел взгляд. Лицо еще сильнее залилось краской.

Девушка наконец-то приложила бинт к ране и начала обматывать руку. Машина вновь подскочила на кочке, но Аша, впервые за столько времени, чудом смогла удержаться и не упасть на священника.

«Идиот, – разозлился сам на себя палач. Вторая ладонь сжалась в кулак, – Ну и зачем я вообще это сделал?»

4-й круг

– Отец Рине! Сюда! Сюда!

Священник брел сквозь ветер и дождь на голос и прятал голову в воротник. Подол плаща хлопал за спиной. Капли так сильно били по лицу, что мужчина шел почти с закрытыми глазами, отчего свет прожекторов, бороздящих небо над тюрьмой, перед взором превращался в мутные белые пятна.

Мужчина наугад пожал незнакомцу руку, и тот, не отпуская ладони священника, потянул его за дверь. Свет тут же ударил в глаза. Священник поморщился и сквозь полусомкнутые веки постарался разглядеть звавшего его человека. Перед взором расплывался силуэт низкого мужчины в желтом дождевике: его широкий капюшон накрывал стриженную под горшок голову, а блеклые глаза таращились в разные стороны, как у рыбы. Через губы к кончику носа тянулся уродливый розовый шрам. Из-за сильной сутулости мужчина был похож на карлика, у которого только-только начинал расти горб. Возле бедра висел тяжелый пистолет, который, казалось, и клонил несчастного к земле.

Мужчина скинул капюшон с головы и провел ладонью по желтушному лицу, убирая воду.

– Добро пожаловать в Муравейник! – он раскинул руки, и в этот момент мир перед глазами отца Рине обрел очертания.

Перед священником раскинулась настоящая пропасть. Колоссальный туннель уходил глубоко вниз, точно жерло вулкана. Сквозь пустоту к стенам, обшитым огромными листами из оранжевого металла, тянулись многочисленные мостики. Всюду чернели камеры, за решетками которых мелькали силуэты крошечных мутантов. Вдоль всего туннеля, словно резьба, проходили дорожки, по которым стройными рядами бежали облаченные в композитную броню стражники. Толстые кабели электропередач, точно сотканые громадным пауком, сплетались над пропастью тюрьмы.

Отец Рине подошел к краю и взглянул вниз. Поднимающийся с глубины поток воздуха тут же донес до носа священника сухой запах металла и масла. Мужчина постарался разглядеть дно, но оно было так далеко внизу, что скрывалось за непроглядной тьмой. Внизу скрежетала сталь, и гулкое эхо несло по всему туннелю, отражаясь от металлических стен.

– Осторожно! – мужчина потянул отца Рине назад. – Если вы упадете туда, боюсь, мы так и не найдем ваше тело.

– И вправду, – священник отодвинулся от перил, но продолжал смотреть вниз, не в силах оторваться от дурманящей голову высоты. – Какая тут высота?

Мужчина приложил руку к подбородку.

– Ну, метров пятьсот до самого нижнего уровня и метров шестьсот до самого дна.

Отец Рине повернулся к начальнику тюрьмы и заметил на его лице довольную улыбку.

«Должно быть, он очень гордится своим владением».

– А сколько всего уровней? – спросил священник, вновь посмотрев вниз. Пропасть так и тянула взгляд.

– Всего четыре: А, В, С и Х, – мужчина издал писклявый смешок, и глаза, смотревшие в разные стороны, дернулись. – Как-то неправильно, да? Должно быть D, а он X.

– Да, странно, – улыбнулся в ответ Рине.

– Вы, наверное, хотите осмотреть тюрьму? Пройдемся по всем уровням и прибудем к тому, на который вас поместила Дева. Кстати, можно ваше направление?

Отец Рине засунул руку под плащ и вытащил слегка мятую бумагу. Несмотря на то, что плащ был достаточно плотным, такой сильный дождь все равно смог промочить его насквозь, поэтому священник даже не удивился тому, что документ был влажным.

Начальник надел маленькие очки, висевшие у него на шее на цепочке и, развернув бумагу, начал читать. Пару раз он украдкой взглянул на мужчину, при этом беззвучно двигая губами, и к концу письма широко улыбнулся.

– Уровень X, – он с ехидной улыбкой протянул бумагу Рине. – Ну что же, пойдете?

Начальник положил руку на плечо священника, что при его малом росте напоминало попытку ребенка схватить отца за плечо, и повел его по дорожке.

Всюду скрежетали лифтовые площадки: стражники в броне целыми отрядами спускались на нижние уровни, а наверх приезжали ящики с патронами для зениток. Отец Рине насчитал двадцать орудий на уровне А. Они стояли в местах, где пересекались металлические мостики, а иногда крепились отдельными гнездами прямо на стенах. Мимо некоторых из них они проходили.

– Мы сейчас во всю готовимся к обороне, – объяснил начальник, заметив блуждающий взгляд священника. – Тюрьма с глубиной сужается, и уровень А самый широкий. Для его обороны нам нужно много орудий и человеческих ресурсов.

– А для чего нужны зенитки? – спросил священник, наблюдая как два стражника заряжают широкую ленту с патронами в коробку орудия. – Они не могут стрелять вниз, а при ведении огня по горизонту, они просто расстреляют друг друга.

Начальник улыбнулся и потер руки.

– Им незачем стрелять вниз. Атаковать Муравейник можно только оттуда, – мужчина указал пальцем вверх.

Священник поднял голову и увидел, что вместо потолка над ними точно тучи нависали громадные титановые ворота. Колоссальное количество металла впечатляло не только своими размерами, но и тем, насколько абсурдной тратой ресурсов оно являлось.

– Необычное решение. Тут же тысячи тонн весу.

– Именно, – улыбнулся начальник. – Все уровни разделяются воротами, вы увидите их работу, когда все распределят по местам. Муравейник – одна большая яма. Враг может придти только сверху, через эти ворота. Если конечно, сумеет их открыть.

Священник все еще смотрел вверх.

«Или через ту маленькую дверь, через которую мы вошли минуту назад».

– Но зачем нужны такие огромные ворота? То есть, какая от них практическая польза?

– Ну, – начал мужчина, – скажем, если начнется бунт или попытка освободить мутантов, ворота над тюрьмой открываются, и ее Святейшество сбрасывает сюда бомбу, чтобы убить и нас, и мутантов.

Отец Рине сразу же опустил взгляд на мужчину. Начальник совершенно счастливо смотрел на священника и будто бы ждал точно такой же реакции.

– Практично, – с натянутой улыбкой ответил Рине.

– Я также считаю, – мужчина засветился от счастья.

Все пользовались лифтами, но начальник вел священника пешком, чтобы показать тому все особенности тюрьмы. Они остановились у одной из решеток, прутья которой переливались радужными бликами, что говорило о необычном сплаве металла. Внутри камеры с железными стенами сидел человек в серой тонкой рубахе до колен. Ступня его была пробита толстым кольцом, на котором висела бирка с порядковым номером. Так делали, чтобы мутанту было неудобно передвигаться в случае побега. Прямо перед камерой стояла небольшая турель с четырьмя стволами, направленными внутрь за решетку.

Как только мужчины подошли, заключенный медленно отполз в угол и сел в тени, пристально наблюдая за пришедшими.

– Композит? – спросил священник, берясь за радужные прутья.

– Очень прочный материал, – ответил начальник. – Прочнее стали и титана в несколько раз. Кстати, хорошо, что вы в перчатках, иначе вас уже убило бы током.

Рине тут же отпустил решетку. Его взгляд упал на турель перед камерой.

– А это наши охранники, – начальник положил руку на оружие и пальцем показал на красный окуляр между четырьмя пушками. – Он следит за заключенным и, если тот начнет делать что-то подозрительное, – он взмахнул рукой, показывая взрыв. – Бум! Пятидесятый калибр из четырех стволов превратит его в фарш! Потом запускается струя огня и сжигает тело.

Священник посмотрел на заключенного, жмущегося в угол камеры. Тот молча смотрел на мужчин красными глазами, периодически поглядывая в сторону турели.

– Мы решили, что отмывать камеры от крови тяжело, но если это все сжечь, то дезинфекции особой и не надо, – он покрутил пальцем перед окуляром и четыре ствола турели задвигались в такт. Заключенный вздрогнул, еще сильнее прижавшись к стене.

– Все камеры оснащены точно также? – спросил Рине, стараясь отвлечь начальника.

– О да, – улыбнулся мужчина, наблюдая как дрожит в тени мутант. – Перед каждой камерой. Такие аппараты есть на каждом уровне.

– А чем тогда отличаются уровни?

– Ну, – начальник приложил пальцы к морщинистому лбу, словно собираясь с мыслями. – Уровень А для еретиков, сатанистов, террористов людей, националистов и слабых упырей. Уровень В уже для мутантов. Там находятся мутанты – террористы, да и просто те, кого удалось поймать в подземельях. Уровень С для главарей банд мутантов и для Т-людей, – на этих словах мужчина смолк, наблюдая за заключенным.

– А уровень Х, как я понимаю... – сказал отец Рине, но вдруг остановился, глядя на начальника.

– Да, – тихо процедил тот и слегка улыбнулся. – Для сына Джаггернаута.

– Как я понимаю, на разных уровнях и степень защиты должна быть разной? Не ограничивается же охрана заключенных этими решетками и турелями? Что мешает мутанту проломить стены и копать наружу?

Начальник тюрьмы рассмеялся, плюясь на заискрившуюся от слюны решетку. Косые глаза от смеха разошлись еще сильнее. Мужчина наклонился, придерживая себя за живот.

Отец Рине дал ему отсмеяться, с натянутой улыбкой изображая, что не замечает, что он сам и является причиной смеха. Все лучше, чем пугать заключенного.

– Вы меня, конечно, насмешили, – сказал начальник, утирая глаза от слез. – Боюсь, если заключенный пробьет стену и начнет копать наружу, то столкнется с тоннами радиоактивной породы и умрет в считанные минуты.

– Радиоактивной породы? – на этот раз священник все же удивился.

– О да, – начальник оглядел весь уровень и взмахнул руками. – Вся тюрьма окружена ураном, слоями в десятки метров толщиной. Все это чудо осталось еще со времен Старого Мира. Отходы закапывались вокруг города, но церковь нашла им более правильное применение – окружила ими Муравейник. Благодаря этому никто не додумается приходить сюда под землей, если конечно, не хочет умереть выплевывая свои кишки, – он вдруг затих и надменно посмотрел на отца Рине. – Забавно, что человек вашего звания так невежественен.

Священник приложил руку к подбородку, изображая, что он задумался над устройством тюрьмы и не слышал слов мужчины. Не то чтобы Рине был терпеливым человеком, он никогда не лез за словом в карман и мог ответить этому горбуну крепкой фразой, но наживать врага, а тем более в предстоящих испытаниях, ему не хотелось.

– Получается, стальная обшивка стен камеры здесь совсем не для того, чтобы помешать заключенному сбежать? Она для того, чтобы защитить его от радиации?

– Верно мыслите, – улыбнулся мужчина. – Видимо, не все так уж и плохо у вас с соображалкой. Если бы здесь не было столько стали и бетона, все заключенные давно бы перешли от радиации. Церкви просто не было бы кого допрашивать.

– Тонны радиоактивных пород вокруг тюрьмы... – задумчиво произнес священник и зашагал прочь, заставляя мужчину идти следом.

Начальник медленно пошел за отцом Рине, на прощание кинув холодный взгляд на заключенного. Тот прикрыл лицо руками и опустил голову меж худых колен.

На уровень В они спускались на лифте. Туннель опоясывало огромное титановое кольцо, из которого наполовину выходили исполинские ворота. Бригадиры подготавливали огромные гидравлические замки к закрытию. Толстые шланги заливали внутрь прессов масло, в то время как стражники у лифтов проверяли у каждого входившего документы. Начальника тюрьмы и священника они пропустили сразу. Задрезжали рулетки, и площадка медленно, шаркая по шахте лифта, стала опускаться на уровень В.

– Здесь все тоже самое, только меньше места, – начальник махал руками из стороны в сторону, показывая то на гнезда с зенитками, то на турели и пулеметные башни из бетона, из которых торчало по пять-шесть стволов пулеметов. Как объяснил мужчина, они были необходимы на случай побега мутантов. Башни перекрывали места, в которых сходились стальные мостики, и могли вести обстрел по узким дорожкам, откуда мутантам просто некуда деться. Либо падать вниз, либо погибать под пулями.

– А это что? – спросил священник, показывая на слишком странные для вентиляции отверстия в стенах.

Начальник тюрьмы посмотрел на одно из них.

– Через них подается ядовитый газ.

– А почему их не было на уровне А? – спросил Рине, когда они вышли из лифта.

– Уровень А слишком огромен, – ответил начальник, угрюмо продолжая смотреть на отверстие. – Потребовалось бы колоссальное количество яда, чтобы перетравить всех заключенных. К сожалению, собор не готов выделять мне столько денег, чтобы оснастить все уровни такой защитой.

Священник промолчал, вновь почувствовав укор в свою сторону.

Краем глаза он заметил пробежавшего возле них стражника. Серая матовая броня делала его больше похожим на робота, чем на человека. Сплошной шлем с многочисленными, как у паука, окулярами плотно прижимался к выпирающему вороту. Нагрудник шел клином и переходил к животу, на котором броня складывалась из четырех пластин наподобие мышц живота. В руках стражник держал большой матовый щит с четырьмя небольшими фонарями на краях.

– Как я понимаю, утраченные технологии получили здесь большое распространение, – священник проводил взглядом убегающего стражника.

Начальник обернулся через плечо. Губы как всегда расплывались в улыбке.

– Конечно. Муравейник – самое передовое сооружение человечества, если, конечно, не считать собора апостола Петра.

– И собора девы Марии, – подметил Рине.

– Да, и его тоже.

– Было бы здорово, если бы и у солдат церкви была такая броня.

Начальник перестал улыбаться и отвернулся, заломив руки за спиной.

– Не думаю. Композитная броня очень дорогая и расходная, каждого ей не обеспечишь. Ваши солдаты постоянно гибнут, и риск повреждения брони слишком велик. Простите, но у вашей церкви не осталось бы попросту денег, после того, как вся броня бы вышла из строя. Я слышал, вас и из гранатомета стреляют? – он покосился на священника с ядовитой ухмылкой.

– Да, бывали случаи, – спокойно ответил Рине.

– Какой ужас, – голос начальника звучал безразлично. Мужчина отвернулся и зашагал дальше. – Единственные, кто должны получать броню в соборе, так это такие же как и вы священники. Это было бы эффективно.

– Вот тут я не согласен. Броня для нас лишняя нагрузка.

– Да неужели? – начальник вновь обернулся, и Рине увидел его широко открытые раскосые глаза. Мужчина выглядел так, точно ему только что дали пощечину. – Это еще почему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.